

95
ПЕРВЫЙ
ПО ПРАВУ

LEX *RUSSICA*

научный юридический журнал

- Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации
- Правовая концепция фронта и ее методологический потенциал (памяти профессора Валерия Васильевича Лазарева)
- Правовые риски применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти
- Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений

Том 79

ИЮНЬ

2026

№ 6 (235)

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ПРАВА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-25128 от 7 мая 2014 г., ISSN 1994-1471;
- ✓ издается с 2004 г., с 2013 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ», электронной библиотеке «КиберЛенинка».

«Актуальные проблемы российского права» — это научно-практический юридический журнал, посвященный актуальным проблемам теории права, практике его применения, совершенствованию законодательства, а также проблемам юридического образования. Рубрики журнала охватывают все основные отрасли права, учитывают весь спектр юридической проблематики, в том числе теории и истории государства и

права, государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой, международно-правовой направленности. На страницах журнала размещаются экспертные заключения по знаковым судебным процессам, материалы конференций, рецензии на юридические новинки.

В журнале активно публикуются не только известные ученые и практики, но и молодые, начинающие ученые, студенты юридических вузов. Конечно, размещается большое количество материалов ведущих специалистов Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), в том числе выполненных в рамках НИРов, грантов, активно публикуются победители различных конкурсов.

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-67361 от 5 октября 2016 г., ISSN 2311-5998;
- ✓ издается с 2014 г. — ежемесячно;
- ✓ входит в перечень ВАК России;
- ✓ включен в Российский индекс цитирования (РИНЦ) и Ulrich's Periodicals Directory;
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ отдельные материалы размещаются в СПС «ГАРАНТ» и в электронной библиотеке «КиберЛенинка».

Отличие «Вестника» от журналов, уже издаваемых Университетом (Lex Russica, «Актуальные проблемы российского права»), и от других российских периодических изданий в том, что каждый его выпуск посвящен отдельной отрасли правовых знаний, например трудовому праву и праву социального обеспечения, международному, финансовому праву и т.д.

Журнал знакомит:

- ✓ с основными направлениями развития юридической науки;
- ✓ с актуальными проблемами теории и истории права и государства;
- ✓ конкретных отраслей права; сравнительного правоведения;
- ✓ методики преподавания правовых и общегуманитарных дисциплин, а также иностранных языков в юридическом вузе;
- ✓ с правоприменительной практикой;
- ✓ с путями совершенствования российского законодательства;
- ✓ с известными российскими и зарубежными учеными, их теоретическим наследием;
- ✓ с материалами конференций и круглых столов, проведенных в Университете или с участием профессорско-преподавательского состава Университета в других российских и зарубежных научных центрах;
- ✓ с новой юридической литературой.

Журнал *Lex russica* — научный юридический журнал, посвященный фундаментальным проблемам теории права, эффективности правоприменения и совершенствованию законодательства. Миссия журнала состоит в создании открытой дискуссионной площадки для обмена актуальной научной информацией, оригинальными результатами фундаментальных и прикладных юридических исследований, подготовленных ведущими российскими и иностранными учеными, специалистами академического и экспертно-аналитического профиля.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

БЛАЖЕЕВ Виктор Владимирович — ректор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор, заслуженный юрист РФ, почетный работник высшего профессионального образования РФ, почетный работник науки и техники РФ, г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ РЕДАКЦИОННОГО СОВЕТА

СИНЮКОВ Владимир Николаевич — доктор юридических наук, профессор, проректор по научно-исследовательской деятельности Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки РФ, почетный сотрудник МВД России, г. Москва, Россия

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ВАВИЛИН Евгений Валерьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ОСМАНОВА Диана Османовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

СЕВРЮГИНА Ольга Александровна — начальник отдела научно-издательской политики Научно-исследовательского института Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

АМАТУЧЧИ Карло — доктор юридических наук, профессор коммерческого права Неаполитанского университета имени Федерико II, г. Неаполь, Италия

БЛАНДИНИ Антонио — профессор предпринимательского права Университета Федерико II, г. Неаполь, Италия, и Свободного международного университета социальных наук Гвидо Карли, г. Рим, Италия

БОНДАРЬ Николай Семенович — доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург, Россия

БРИНЧУК Михаил Михайлович — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора экологического, земельного и аграрного права Института государства и права Российской академии наук, г. Москва, Россия

ВААС Бернд — профессор кафедры трудового и гражданского права в рамках европейского и международного трудового права Института гражданского и коммерческого права факультета права Университета Гёте, г. Франкфурт-на-Майне, Германия

ВАН ЧЖИХУА — доктор юридических наук, профессор Китайского политико-юридического университета, заместитель председателя Научно-исследовательского института российского права при Китайском политико-юридическом университете, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации сравнительного правоведения Китая, г. Пекин, КНР

ГРАЧЕВА Елена Юрьевна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ДЕ ЗВААН Яап Виллем — почетный профессор права Европейского Союза Университета Эразмус, г. Роттердам, Нидерланды

ЕРШОВА Инна Владимировна — доктор юридических наук, профессор, первый проректор, заведующий кафедрой предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

ЖАВОРОНКОВА Наталья Григорьевна — доктор юридических наук, профессор, г. Москва, Россия

ЗОЙЛЬ Отмар — доктор права, почетный доктор права, почетный профессор Университета Paris Nanterre, г. Нантер, Франция

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.

Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.

Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

КАШКИН Сергей Юрьевич — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

КОЛЮШИН Евгений Иванович — доктор юридических наук, профессор, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, г. Москва, Россия

КОМОРИДА Акио — профессор Университета Канагава, г. Иокогама, Япония

МАЛИНОВСКИЙ Владимир Владимирович — кандидат юридических наук, заместитель Генерального прокурора РФ, государственный советник юстиции 1 класса, г. Москва, Россия

МАНТРОВ Вадим Евгеньевич — доктор юридических наук, доцент, директор Института юридических наук юридического факультета Латвийского университета, г. Рига, Латвия

НОГО Срето — профессор Университета Джона Нейсбита, доктор юридических наук, президент Сербской королевской академии, генеральный секретарь Ассоциации международного уголовного права, вице-президент Всемирного форума по борьбе с организованной преступностью в эпоху глобализации (штаб-квартира в Пекине), г. Белград, Сербия

ПАН ДУНМЭЙ — доктор юридических наук, профессор Хэнаньского университета, почетный ученый «Хуанхэ», г. Кайфэн, КНР

ПЕТРОВА Татьяна Владиславовна — доктор юридических наук, профессор кафедры экологического и земельного права юридического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова, г. Москва, Россия

РАРОГ Алексей Иванович — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

РАССОЛОВ Илья Михайлович — доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры информационного пра-

ва и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

СПИРИДОНОВ Андрей Алексеевич — доктор юридических наук, академик РАН, доцент, заместитель директора департамента обеспечения регуляторной политики Правительства Российской Федерации, почетный работник Аппарата Правительства Российской Федерации, действительный государственный советник Российской Федерации 2 класса, г. Москва, Россия

СТАРОСТИН Сергей Алексеевич — доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры административного права и процесса Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), г. Москва, Россия

тер ХААР Берил — профессор и директор Центра изучения международного и европейского трудового права (CIELLS), Варшавский университет; именной профессор Европейского и сравнительного права, Гронингский университет

ТУМАНОВА Лидия Владимировна — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой судебной власти и правоохранительной деятельности юридического факультета Тверского государственного университета, г. Тверь, Россия

ХЕЛЛЬМАНН Уве — хабилитированный доктор права, профессор, заведующий кафедрой уголовного и экономического уголовного права юридического факультета Потсдамского университета, г. Потсдам, Германия

ШЕВЕЛЕВА Наталья Александровна — доктор юридических наук, профессор, и. о. заведующего кафедрой административного и финансового права юридического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, г. Санкт-Петербург, Россия

Издается
с 1948 года

LEX RUSSICA

Научный юридический журнал

Том 79
№ 6 (235)
июнь 2026

В журнале публикуются статьи по научным специальностям группы 5.1 «Право» (юридические науки)

5.1.1. Теоретико-исторические правовые науки.
5.1.2. Публично-правовые (государственно-правовые) науки.
5.1.3. Частно-правовые (цивилистические) науки.
5.1.4. Уголовно-правовые науки.
5.1.5. Международно-правовые науки.

РЕГИСТРАЦИЯ СМИ

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) ПИ № ФС77-58927 от 5 августа 2014 г.

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

ПЕРИОДИЧНОСТЬ

12 раз в год

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 1, вн. тер. г. муниципальный округ Пресненский, г. Москва, Россия, 123242

АДРЕС РЕДАКЦИИ

Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993
Тел.: 8 (499) 244-88-88 (доб. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

САЙТ

<https://lexrussica.msal.ru>

ПОДПИСКА И РАСПРОСТРАНЕНИЕ

Свободная цена
Журнал распространяется через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис»
Подписной индекс 11198
Подписка на журнал возможна с любого месяца

ТИПОГРАФИЯ

Отпечатано в Издательском центре
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Садовая-Кудринская ул., д. 9, стр. 2, г. Москва, Россия, 125993

ВЫПУСКНЫЕ ДАННЫЕ

Дата выхода в свет: 05.06.2026
Объем 17,56 усл. печ. л. (13,21 а. л.), формат 60×84/8
Тираж 150 экз. Печать цифровая. Бумага офсетная

Переводчики

Н. М. Головина, А. Н. Митрущенкова

Редакторы

Е. В. Осикина, А. В. Савкина

Корректор

В. А. Целищева

Компьютерная верстка

Д. А. Беляков

При использовании опубликованных материалов журнала ссылка на *Lex russica* обязательна.
Полная или частичная перепечатка материалов допускается только по письменному разрешению авторов статей или редакции.
Точка зрения редакции не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикаций.

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ для публикации основных результатов диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук.
Журнал включен в базы данных: RSCI, Ulrich's, РГБ, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks.
Материалы журнала включены в систему Российского индекса научного цитирования.

Lex russica Journal is a scientific legal journal devoted to fundamental problems of the theory of law, the efficiency of law enforcement, and improvement of legislation.

The mission of the Journal is to establish an open discussion platform for the exchange of relevant scientific information, true results of fundamental and applied legal research carried out by leading Russian and foreign scientists, academicians, researchers, and experts.

CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Victor V. BLAZHEEV — Rector of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Professor, Merited Lawyer of the Russian Federation, Merited Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Merited Worker of Science and Technology of the Russian Federation, Moscow, Russia

VICE-CHAIRPERSON OF THE COUNCIL OF EDITORS

Vladimir N. SINYUKOV — Dr. Sci. (Law), Professor, Vice-Rector for Research of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Merited Scholar of the Russian Federation, Merited Employee of the Internal Affairs Bodies of the Russian Federation, Moscow, Russia

CHIEF EDITOR

Evgeniy V. VAVILIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

DEPUTY CHIEF EDITOR

Diana O. OSMANOVA — Cand. Sci. (Law), Associate Professor of the Department of Civil Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

EXECUTIVE SECRETARY

Olga A. SEVRYUGINA — Head of the Research and Publishing Policy Department of the Research Institute of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

COUNCIL OF EDITORS

Carlo AMATUCCI — Doctor of Law, Professor of Commercial Law of the University of Naples Federico II, Naples, Italy

Antonio BLANDINI — Professor of Corporate Law, University of Naples Federico II, Naples, Italy, and Free International University of Social Studies Guido Carli, Rome, Italy

Nikolay S. BONDAR — Dr. Sci. (Law), Professor, Judge of the Constitutional Courts of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia

Mikhail M. BRINCHUK — Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Fellow, Sector of Environmental, Land and Agricultural Law

of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Bernd WAAS — Professor of the Chair of Labour Law and Civil Law under consideration of European and International Labour Law, Institute of Civil and Commercial Law of the Faculty of Law, Goethe University, Frankfurt am Main, Germany

WANG ZHIHUA — Doctor of Law, Professor of China University of Political Science and Law, Deputy Chairman of the Research Institute of Russian Law, China University of Political Science and Law, Vice President and Secretary General of the Association of Comparative Law of China, Beijing, China

Elena Yu. GRACHEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Financial Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Jaap Willem DE ZWAAN — Emeritus Professor of the Law of the European Union at Erasmus University, Rotterdam, The Netherlands

Inna V. ERSHOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, First Vice-Rector, Head of the Department of Business and Corporate Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Natalia G. ZHAVORONKOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Moscow, Russia

Otmar SEUL — Doctor of Law, Merited Doctor of Law, Emeritus Professor of the University Paris Nanterre, Nanterre, France

Sergey Yu. KASHKIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of Integration and European Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Evgeniy I. KOLYUSHIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Member of the Central Election Committee of the Russian Federation, Moscow, Russia

Akio KOMORIDA — Professor of Kanagawa University, Yokohama, Japan

Vladimir V. MALINOVSKIY — Cand. Sci. (Law), Vice Prosecutor-General of the Russian Federation, Class 1 State Councilor of Justice, Moscow, Russia

Vadim E. MANTROV — Doctor of Law, Associate Professor, Director of the Institute of Legal Sciences at the Faculty of Law of the University of Latvia, Riga, Latvia

Sreto NOGO — Doctor of Law, Professor of John Naisbitt University, President of The Serbian Royal Academy, Secretary General of Association of International Criminal Law, Vice-President of the World Forum on fighting with organized crime in the Global Era (Headquarters in Beijing), Belgrade, Serbia

PAN DUNMEY — Doctor of Law, Professor of Henan Daxue University, «Huang He» Merited Scholar, Kaifeng, China

Tatiana V. PETROVA — Dr. Sci. (Law), Professor of the Department of Environmental and Land Law of the Law Faculty of Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Aleksey I. RAROG — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Criminal Law of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honorary Lawyer of the city of Moscow, Moscow, Russia

Ilya M. RASSOLOV — Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Professor of the Department of Information Law and Digital Technologies of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Andrey A. SPIRIDONOV — Dr. Sci. (Law), Academician of the Russian Academy of Natural Sciences (RANS), Associate Professor; Deputy Director, Department of Regulatory Policy

Support of the Government of the Russian Federation; Honored Worker of the Executive Office of the Government of the Russian Federation; 2nd class Actual State Councillor of the Russian Federation, Moscow, Russia

Sergey A. STAROSTIN — Dr. Sci. (Law), Professor, Professor of the Department of Administrative Law and Procedure of Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russia

Beryl ter HAAR — Professor and Head of the Centre for International and European Labour Law Studies (CIELLS), University of Warsaw, and Endowed Professor European and Comparative Labour Law, University of Groningens

Lidia V. TUMANOVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Head of the Department of the Judiciary and Law Enforcement of the Faculty of Law of the Tver State University, Tver, Russia

Uwe HELLMANN — Dr. iur. habil., Professor, Holder of the Chair of Criminal Law and Commercial Criminal Law of the Faculty of Law, University of Potsdam, Potsdam, Germany

Natalia A. SHEVELEVA — Dr. Sci. (Law), Professor, Acting Head of the Department of Administrative and Financial Law of the Law Faculty of the St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Published
in 1948

LEX RUSSICA
Scientific Journal of Law

Vol. 79
№ 6 (235)
June 2026

**The Journal publishes research papers
written on scientific specialties
of Group 5.1 «Law»
(Legal Sciences)**

5.1.1. Theory and History of Law.
5.1.2. Public Law and State Law.
5.1.3. Private Law (Civil Law).
5.1.4. Criminal Law.
5.1.5. International Law.

**THE CERTIFICATE
OF MASS MEDIA REGISTRATION**

The journal was registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Roskomnadzor) on 5 August 2014. The Certificate of Mass Media Registration: PI No. FS77-58927

ISSN

1729-5920 (Print), 2686-7869 (Online)

PUBLICATION FREQUENCY

12 issues per year

FOUNDER AND PUBLISHER

Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Kutafin Moscow State Law University (MSAL)”
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 1,
Presnensky intra-urb.ter. municipal district, Moscow, Russia, 123242

EDITORIAL OFFICE. POSTAL ADDRESS

Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993
Tel.: +7 (499) 244-88-88 (ext. 687). E-mail: lex-russica@yandex.ru

WEB-SITE

<https://lexrussica.msal.ru>

SUBSCRIPTION AND DISTRIBUTION

Free price
The journal is distributed through “Press of Russia” joint catalogue
and the Internet catalogue of “Kniga-Servis” Agency
Subscription index: 11198
Journal subscription is possible from any month

PRINTING HOUSE

Printed in Publishing Center of Kutafin Moscow State Law University
(MSAL)
Sadovaya-Kudrinskaya ul., d. 9, str. 2, Moscow, Russia, 125993

SIGNED FOR PRINTING

05.06.2026
Volume: 17,56 conventional printer's sheets (13,21 author's sheets),
format: 60×84/8
An edition of 150 copies. Digital printing. Offset paper

Translators

N. M. Golovina, A. N. Mitrushchenkova

Editors

E. V. Osikina, A. V. Savkina

Proof-reader

V. A. Tselishcheva

Computer layout

D. A. Belyakov

When using published materials of the journal, reference to *Lex russica* is obligatory.
Full or partial use of materials is allowed only with the written permission of the authors or editors.
The point of view of the Editorial Board may not coincide with the point of view of the authors
of publications.

Recommended by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education
of the Russian Federation for publication of results of doctoral theses.
The Journal is included in RSCI, Ulrich's, RSL, Cyberleninka, Library of Congress, IPRbooks databases.
Materials included in the journal Russian Science Citation Index.

СОДЕРЖАНИЕ

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА / NOVUS LEX

- Суханов Е. А.** Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации 9

ПАМЯТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ / IN MEMORIAM

- Черногор Н. Н.** Правовая концепция фронта и ее методологический потенциал (памяти профессора Валерия Васильевича Лазарева) 22

ЧАСТНОЕ ПРАВО / JUS PRIVATUM

- Наумкина В. В.** Семья как основа традиционных ценностей 35

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО / JUS PUBLICUM

- Мартынов А. В., Головизнина Ю. И., Синьков И. А.** Правовые риски применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти 44
- Володина С. В.** Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений 57
- Анисимов А. П., Иванова С. В.** Защита земельных прав женщин: опыт зарубежных стран 66
- Ворошилова С. В., Фомина О. Ю.** Институт примирения супругов в бракоразводном процессе: от советской модели к современным реформам 80

НАУКИ КРИМИНАЛЬНОГО ЦИКЛА / JUS CRIMINALE

- Кочои С. М.** Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. о преступлениях против собственности: новые решения старых проблем 94
- Корнакова С. В., Корягина С. А.** Несовершеннолетние осужденные за корыстные и корыстно-насильственные преступления: современные реалии 105
- Смушкин А. Б.** Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений 115
- Цурлуй О. Ю.** История криминалистической профилактики в России 125

ТЕОРИЯ ПРАВА / THEORIA LEX

- Горбунов М. Д.** Исключающий позитивизм в англо-американской правовой мысли: определение направления 137

CONTENTS

LEGISLATIVE DEVELOPMENT / NOVUS LEX

Sukhanov E. A. A Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization	9
---	---

MEMORIAL TRIBUTE / IN MEMORIAM

Chernogor N. N. The Legal Concept of the Frontier and Its Methodological Potential (In Memory of Professor Valeriy Vasilievich Lazarev)	22
---	----

PRIVATE LAW / JUS PRIVATUM

Naumkina V. V. Family as the Foundation of Traditional Values	35
--	----

PUBLIC LAW / JUS PUBLICUM

Martynov A. V., Goloviznina Yu. I., Sinkov I. A. Legal Risks of the Use of Synthetic Data in the Activities of Executive Authorities	44
--	----

Volodina S. V. Legal Trust in the Organization and Activities of Public Associations	57
---	----

Anisimov A. P., Ivanova S. V. Protection of Women's Land Rights: The Experience of Foreign Countries	66
--	----

Voroshilova S. V., Fomina O. Yu. The Institution of Spousal Reconciliation in Divorce Proceedings: From the Soviet Model to Contemporary Reforms	80
--	----

CRIMINAL SCIENCES / JUS CRIMINALE

Kochoi S. M. The 2021 Criminal Code of the Republic of Armenia on Crimes Against Property: New Solutions to Old Problems	94
--	----

Kornakova S. V., Koryagina S. A. Juvenile Offenders Convicted of Financially Motivated and Financially Motivated Violent Crimes: Modern Realities	105
---	-----

Smushkin A. B. Psychological Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation	115
--	-----

Tsurluj O. Yu. The History of Forensics-Based Crime Prevention in Russia	125
---	-----

THEORY OF LAW / THEORIA LEX

Gorbunov M. D. Exclusionary Positivism in Anglo-American Legal Thought: Defining a Direction	137
--	-----

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА NOVUS LEX

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

Е. А. Суханов
Московский государственный
университет имени М.В.Ломоносова
г. Москва, Российская Федерация

Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации

Резюме. В статье критически анализируются представленные в проекте закона о регулировании технологий искусственного интеллекта положения об установлении имущественной (гражданско-правовой) ответственности разработчиков, операторов и пользователей технологий ИИ, опирающейся на принцип вины, и обосновывается потребность в их признании источниками повышенной опасности; доказывается неправомерность предоставления им широких возможностей свободного (бездоговорного) использования охраняемых результатов творческой деятельности (объектов авторского и патентного права); критикуется отсутствие в законопроекте конкретных норм о международно-правовой охране результатов использования технологий ИИ. Освещается гражданско-правовой режим отношений по использованию криптовалюты как натуральных обязательств. В качестве общего вывода констатируется отсутствие особого гражданско-правового режима цифровых прав (цифрового имущества), как и особой правовой отрасли цифрового права, а в связи с этим и необходимость его кодификации.

В основу статьи положен доклад автора на состоявшейся 17 апреля 2026 г. в Университете имени О.Е. Кутафина (МГЮА) I Международной научно-практической конференции «Цифровизация гражданского оборота: проблемы и перспективы развития».

Ключевые слова: гражданский оборот; исключительные права; имущественная ответственность; искусственный интеллект; источник повышенной опасности; криптовалюта; натуральные обязательства; правосубъектность; цифровое имущество; цифровые права

Для цитирования: Суханов Е. А. Законопроект об искусственном интеллекте и гражданско-правовые проблемы цифровизации. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 9–21. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

A Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization

Evgeniy A. Sukhanov
Lomonosov Moscow State University (MSU)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper critically examines the provisions proposed in the Draft Law on the Regulation of Artificial Intelligence Technologies that would impose property (civil) liability on developers, operators, and users of AI technologies on the basis of the principle of fault, and argues that such technologies should instead be treated as sources of heightened danger. It also demonstrates the impropriety of granting broad authority for the free (non-contractual) use of protected creative works, including subject matter protected by copyright and patent law, and criticizes the draft law's failure to include specific provisions on the international legal protection of outputs generated through the use of AI technologies. The paper further analyzes the civil law framework governing relations involving the use of cryptocurrency as natural obligations. As a general conclusion, the author

© Суханов Е. А., 2026

argues that there is neither a distinct civil law regime for «digital rights» («digital property») nor an autonomous branch of «digital law» and, accordingly, no need for its codification.

The paper is based on the author's paper presented at the First International Conference on Theory and Practice, «Digitalization of Civil Turnover: Problems and Prospects for Development», held on April 17, 2026, at Kutafin Moscow State Law University (MSAL).

Keywords: civil turnover; exclusive rights; property liability; artificial intelligence; source of increased danger; cryptocurrency; in-kind commitments; legal personality; digital property; digital rights

Cite as: Sukhanov EA. A Draft Law on Artificial Intelligence and Civil Law Issues of Digitalization. *Lex russica*. 2026;79(6):9-21. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.009-021

Научно-технический прогресс всегда оказывал значительное влияние на развитие гражданского права. Так, благодаря появлению книгопечатания родилось авторское право, после изобретения паровой машины (двигателя внутреннего сгорания) возникло патентное право и т.д. Результатом этих процессов стало формирование нового, самостоятельного гражданско-правового режима интеллектуальных прав (интеллектуальной собственности), существующего теперь наравне с традиционными для континентально-европейских правовых режимов режимов вещных и обязательственных, а также корпоративных прав. Однако отмеченное явление не столь просто и однозначно. Например, открытие и последующее широкое использование электрической, а затем атомной энергии не оказали непосредственного воздействия на гражданско-правовые институты (если не считать споров о предмете и месте в системе гражданско-правовых договоров договора снабжения энергией через присоединенную сеть). Лишь в последние годы стали вестись оставшиеся в основном бесплодными разговоры о создании особого, энергетического права¹.

С этой точки зрения можно оценивать и современную дискуссию о возможности и целесообразности формирования гражданско-правового режима цифровых прав или даже самостоятельной правовой отрасли —

цифрового права, вызванную к жизни бурно развивающейся цифровизацией. В целом его влияние на гражданско-правовую сферу пока не носит всеобъемлющего характера, оно затрагивает лишь отдельные гражданско-правовые институты. В частности, с ним можно связать появление бездокументарных ценных бумаг и электронно-цифровой подписи, а в последнее время — возможность применения электронной формы организации исполнения некоторых договорных обязательств (смарт-контракты) и безналичных расчетов (цифровой рубль). Но последовательный юридический анализ ряда цифровых отношений, например предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ, приводит к выводу о том, что их гражданско-правовое оформление вполне укладывается в существующие правовые конструкции и не требует кардинальных реформ действующего гражданского законодательства². Можно лишь прогнозировать некоторое усиление этого процесса, главным образом за счет известного расширения сферы применения криптовалюты и подобных ей цифровых активов, охватываемых понятием «цифровое имущество» (англ. digital asset, crypto-assets), или, иначе, «цифровые ценности» (нем. Kryptowerten)³. Но в целом современные отечественные попытки специального гражданско-правового оформления данного процесса выглядят во многом проти-

¹ Историческими предшественниками этих взглядов можно считать появившиеся в середине прошлого века, а ныне практически забытые предложения о признании «атомного права» (базирувавшиеся на обобщении действия международных конвенций и двусторонних соглашений в области мирного использования атомной энергетики и в силу этого касавшиеся исключительно сферы международного права).

² См., например: Палчаева Н. А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2026. С. 12–15.

³ Применяемый в современном российском законодательстве термин «цифровые финансовые активы» сам по себе является финансово-экономическим (бухгалтерским), а не юридическим, что неизбежно порождает вопрос о возможности признания «цифровых финансовых пассивов» (долгов). Более удачным поэтому представляется использование традиционной гражданско-правовой категории «имущество».

воречивыми, а иногда даже беспомощными и наивными⁴.

Так, в результате принятия Федерального закона от 18.03.2019 № 34-ФЗ⁵ цифровые права, с одной стороны, стало возможным рассматривать как особый вид имущественных прав (ст. 128 ГК РФ), тогда как, с другой стороны, ими в действительности признаются уже известные гражданскому обороту и лишь названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права (п. 1 ст. 141.1 ГК РФ), причем при условии, что их содержание (объем) и осуществление определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам⁶. То есть речь идет уже не об особой юридической природе, а только об *электронно-цифровой форме* традиционных имущественных гражданских прав (или особой форме гражданско-правовых сделок по их реализации).

В этом названный Закон следует за положениями гл. 7 ГК РФ о ценных бумагах (введенными Федеральным законом от 02.07.2013 № 142-ФЗ⁷), разделившими их на документар-

ные (обычные) и бездокументарные и отнесшими к последним обязательственные и иные права, осуществление и передача которых возможны только с соблюдением норм учета этих прав, который выполняется в электронных базах данных (реестрах)⁸. Указанное обстоятельство объясняется тем, что бездокументарные ценные бумаги в действительности представляют собой не разновидность классических ценных бумаг — особого вида документов (вещей), а специальный *способ фиксации* (закрепления, существования) некоторых традиционных имущественных прав⁹, который не порождает каких-либо их новых, особых разновидностей. Примечательно, что некоторые современные европейские правовые порядки рассматривают криптовалюты и иное цифровое имущество как «дематериализованные ценные бумаги», или «токенизированные ценные права» (§ 81a Закона Лихтенштейна от 03.10.2019 об изменениях статуса лиц и корпоративного права)¹⁰. Более того, Европейский институт права (European Law Institute, ELI) в 2022 г. опубликовал Принципы использования цифрового имущества как

⁴ Например, предложения относить к особым, цифровым основаниям ответственности повлекшие неисполнение договорных обязательств технические сбои и ошибки программного обеспечения, несоблюдение правил использования высокоавтоматизированных систем, нарушения в обеспечении кибербезопасности, а англоязычные по названию код-шеринг-, интерлайн-соглашения и тому подобные договоры об организации перевозок считать одним из следствий осуществления перевозок в условиях цифровой трансформации (Скучаев А. А. Частноправовое регулирование отношений по перевозке пассажиров воздушным транспортом, опосредованных электронно-цифровыми технологиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2026. С. 11–12, 16).

⁵ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

⁶ Вместе с тем по действующему российскому законодательству цифровые права могут и не являться составной частью цифрового имущества, а наоборот — охватывать как его, так и иные, утилитарные цифровые права (п. 13 ст. 8 Федерального закона от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 31. Ст. 4418 (в ред. Федерального закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018)). Логическая согласованность этих юридических построений остается за рамками данной работы.

⁷ СЗ РФ. 2013. № 27. Ст. 3434.

⁸ В отечественной правовой доктрине обычно остается без внимания то принципиально важное обстоятельство, что к таким новым объектам гражданских прав, как бездокументарные ценные бумаги, неприменимо ни одно из положений классической теории ценных бумаг (см.: Brunner G. Die Wertpapiere // Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig : Fues's Verlag (R. Reiland), 1882), с которыми бездокументарные ценные бумаги не имеют ничего общего, кроме названия.

⁹ Об этом прямо говорилось в п. 1 ст. 149 ГК РФ в первоначальной редакции 1994 г.

¹⁰ Понятие ценных прав (нем. Wertrechte) давно используется в континентально-европейском праве вместо логически абсурдной категории «бездокументарные ценные бумаги» (т.е. «бездокументарные документы») для обозначения существующих в *электронной форме* имущественных прав, которые этим отличаются от имущественных прав, закрепленных классическими ценными бумагами

эмиссионных ценных бумаг (ELI Principles on the Use of Digital Assets as Security), а в Германии гражданско-правовой режим криптоценностей в основном развивается путем совершенствования законодательства о ценных бумагах¹¹. И здесь, таким образом, речь идет не о новых видах имущественных прав, а об их *новой (электронной) форме*, необходимость использования которой для некоторых эмиссионных ценных бумаг (акций, облигаций и производных от них финансовых инструментов) не ведет к созданию для них нового гражданско-правового режима и к их признанию особым, цифровым объектом.

Вместе с тем в ходе цифровизации появился действительно новый объект гражданских прав, получивший у многих его участников условное наименование «искусственный интеллект» (ИИ). В действительности это не роботизированное подобие человека или его части, а известная разновидность программ для ЭВМ — объектов авторского права (с позиции гражданского права). В этом качестве он не только активно используется квалифицированными участниками данного процесса, но и, согласно мнению многих его неквалифицированных участников¹², начинает принимать в нем непосредственное и всё более активное участие и даже управлять им, приобретая тем самым свойства субъекта, в том числе субъекта гражданского права. Такие воззрения, справедливо названные специалистами антропоморфизацией (очеловечиванием) технических систем и связанной с ними фразеологии в представле-

ниях неспециалистов¹³ (для которых в сочетании «искусственный интеллект» ключевым является слово «интеллект», а не слово «искусственный»), вызвали к жизни различные предложения о законодательном закреплении правового статуса этого нового «субъекта».

Невозможно признать удовлетворительным гражданско-правовое оформление отношений, построенных на использовании ИИ, изложенное в недавно внесенном в Государственную Думу РФ Правительством РФ проекте федерального закона «Об основах государственного регулирования сфер применения технологий искусственного интеллекта в Российской Федерации»¹⁴ (далее — Проект закона об искусственном интеллекте, Законопроект). Едва ли не единственным его достоинством можно считать отказ от абсурдных попыток объявления ИИ особым, новым субъектом гражданских правоотношений, участвующим в них наряду с гражданами и юридическими лицами (хотя, судя, например, по тексту ст. 3 Законопроекта, слова об обучении ИИ понимаются в нем буквально, что свидетельствует о влиянии антропоморфизации ИИ на его разработчиков или об их колебаниях в этом вопросе).

Поводом для таких попыток послужила проблема наличия или отсутствия у ИИ собственной воли и сознания, поскольку ее положительное решение нередко представляется бесспорным основанием признания его правосубъектности, в том числе в сфере гражданского (частного) права. Но следует напомнить, что для участников гражданского оборота

(нем. Wertpapiere). В этих же целях здесь применяются термины «зарегистрированные эффекты» (Bucheffecte) и «торговля эффектами» (Effektenhandel). См., например: ст. 3 швейцарского Федерального закона от 03.10.2008 «Об учетных эффектах» (Bundesgesetz über Bucheffekten, Bucheffektengesetz); *Ekkenga J. Effektengeschäft // Münchner Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München: Verlag C. H. Beck, 2014. S. 1399–1409.*

В Лихтенштейне одновременно с названным Законом был принят особый Закон «О токенах и услугах доверительных технологий» (Gesetz über Token und vertrauenswürdigen Technologien-Dienstleister, Token- und VT-Dienstleister-Gesetz), который открыл правовые возможности для использования и других рыночных эффектов в электронной форме, основанных на децентрализованных блокчейн-технологиях, которые предоставляются для эмиссии, регистрации и совершения сделок с такими объектами. См.: *Damjanovic D., Pfurtscheller V., Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2021. Heft 2. S. 399 ff., bes. S. 411–412 ff.*

¹¹ См.: *Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2024. Heft 4. S. 784–786.*

¹² Деление автором участников цифровизации на квалифицированных (ИТ-специалистов) и неквалифицированных (всех остальных) сугубо условное, навеянное во многом аналогичным делением участников рынка ценных бумаг.

¹³ См.: *Мамвеев С. Ю. Интервью журналу «Законодательство» // Законодательство. 2026. № 1. С. 8.*

¹⁴ URL: <https://docs.cntd.ru/document/1316248718>.

решающее значение имеет наличие у каждого из них *собственного имущества*, которое позволяет им не только заключать сделки и совершать иные юридически значимые действия, но и нести самостоятельную *имущественную ответственность* за их результаты. При этом статус собственников имущества предопределяет содержание и применение всех важнейших принципов гражданско-правового регулирования (п. 1 ст. 1 ГК РФ): юридическое равенства, свободы договоров, автономии воли и диспозитивности в распоряжении гражданскими правами и беспрепятственности их осуществления и т.д.

Именно самостоятельная имущественная ответственность, базирующаяся на наличии у субъекта собственного имущества, позволяет участвовать в гражданских правоотношениях и таким «виртуальным» субъектам, как юридические лица (абз. 1 п. 1 ст. 56 ГК РФ). Ведь смысл гражданско-правовой конструкции юридического лица состоит в обособлении имущества, его отделении от имущества учредителей (участников) для создания вполне реальной (а не виртуальной) базы для гражданско-правовой (имущественной) ответственности перед кредиторами, которая одновременно по общему правилу исключается для учредителей или участников. Поэтому гражданская правосубъектность ИИ, лишённого всякого собственного имущества, невозможна в принципе, а попытки ее признания наводят на мысль о стоящем за ними стремлении компаний — разработчиков ИИ или пользователей (операторов, владельцев сервисов и т.д.) их продукта переложить на него свою возможную ответственность за непредсказуемые результаты его использования.

Ввиду этого очевидным становится вывод о том, что с гражданско-правовых позиций искусственный интеллект является не субъектом, а *объектом* гражданских правоотношений. Более того, как объект он вполне отвечает признакам (свойствам) источника повышенной опасности (п. 1 ст. 1079 ГК РФ), за вредоносное использование которого его юриди-

ческий (титульный) владелец отвечает перед третьими лицами (потерпевшими) независимо от своей вины, т.е. в том числе и за случайное причинение вреда. Не вызывает сомнений, что использование ИИ «создает повышенную вероятность причинения вреда из-за невозможности полного контроля за ней со стороны человека»¹⁵. Ведь даже подпункт 3 ст. 4 и подпункт 3 ст. 5 Проекта закона об искусственном интеллекте прямо указывают на необходимость всемерного учета в связи с его применением значительной «вероятности рисков причинения вреда (ущерба) жизни и здоровью физических лиц, деловой репутации и имуществу физических и юридических лиц», что подтверждается и реальной современной практикой¹⁶.

Между тем пункт 1 ст. 11 Законопроекта предлагает закрепить очередное противоречие: с одной стороны, им провозглашается общий принцип соответствия действующему законодательству РФ (следовательно, и нормам ГК РФ) его положений об ответственности субъектов отношений в сфере ИИ, в том числе разработчиков и пользователей этого объекта, «за результат, полученный с использованием искусственного интеллекта», а с другой стороны, закрепляется необходимость ее установления «соразмерно степени вины каждого» (а не солидарно, как того требует императивное правило ч. 1 ст. 1080 ГК РФ, установленное в интересах потерпевших). Всё это противоречит традиционным нормам ГК РФ об ответственности владельца источника повышенной опасности за причиненный вред как независимой от его вины (при солидарном характере ответственности его возможных сопричинителей).

Далее статья 11 Законопроекта прямо говорит об ответственности «разработчика модели, оператора системы или владельца сервиса ИИ» за вредоносный результат, полученный с использованием ИИ, лишь в случаях, когда они «заведомо знали или должны были знать о возможности получения такого результата», что подлежит доказыванию путем проведения неких «следственных действий» (п. 2), а так-

¹⁵ Абз. 2 п. 18 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 26.01.2010 № 1 «О применении судами гражданского законодательства, регулирующего отношения по обязательствам вследствие причинения вреда жизни или здоровью гражданина» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2010. № 3. См. также: Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2023. Т. 4. С. 568–569 (автор главы — А. А. Ягельницкий).

¹⁶ Достаточно напомнить о нашумевшем случае неудачного использования модели ИИ Claude, разработанной американской ИТ-компанией Anthropic, послужившем основанием для предъявления к ней судебного иска со стороны Пентагона.

же о полном исключении их ответственности «в случае, если они предприняли исчерпывающие меры к предотвращению получения такого результата и соблюдали требования законодательства» (п. 3), причем «недостатки объекта с использованием ИИ не могли быть выявлены при проявлении всей разумной осмотрительности, предусмотренной условиями эксплуатации и технической документацией» (пп. «в» п. 5). Всё это не оставляет сомнений в том, что данную ответственность предлагается строить исключительно на принципе вины перечисленных лиц (правда, пока еще не самого ИИ), что противоречит признанным во всех современных правовых подходах к ответственности владельцев источников повышенной опасности. К последним следует относить не только операторов и владельцев сервисов ИИ, но при определенных условиях и разработчиков моделей ИИ, стремление которых избежать возможной гражданско-правовой (имущественной) ответственности за случайное причинение вреда третьим лицам вполне объяснимо, но не может быть оправдано.

Известное распространение ИИ в ряде сфер хозяйственной жизни, например в различных грузовых и даже пассажирских перевозках, тоже никак не влияет на их экономико-правовое оформление. Ведь отсутствие в них водителей (экипажей) или грузчиков не ведет к изменению правил о гражданско-правовой ответственности перевозчиков за сохранность грузов или здоровье пассажиров, в том числе презумпции их вины в утрате, недостаче или повреждении (порче) груза, традиционно закрепленной транспортным законодательством (п. 1 ст. 796 ГК РФ). Более того, использование ИИ в предпринимательских отношениях не исключает действия общего правила п. 3 ст. 401 ГК РФ об ответственности лиц, не исполнивших или ненадлежащим образом исполнивших обязательства при осуществлении предпринимательской деятельности, за случайное нарушение договорных обязанностей (т.е. также и при отсутствии их вины). Эти общепринятые правила гражданского права полностью проигнорированы статьей 11 Проекта закона об искусственном интеллекте, несмотря на провозглашенное в заголовке соответствие ее содержания законодательству РФ.

Не менее юридически противоречивым, чем представленная выше законодательная концепция цифровых прав, выглядит и общий подход Законопроекта: будучи нацеленным на «создание правовых условий для ускоренного развития и внедрения технологий искусственного интеллекта» (п. 2 ст. 1), которые, следовательно, отсутствуют в действующем законодательстве (в том числе гражданском), он рассматривает модель ИИ как разновидность программы для ЭВМ или совокупность таких программ (пп. 6 ст. 2), не учитывая, что в гражданском праве названные объекты уже давно имеют *авторско-правовой режим*, поскольку признаны объектами авторского права (пп. 2 п. 1 ст. 1225, абз. 2 п. 1 ст. 1259, ст. 1261 ГК РФ). Пренебрегая этим обстоятельством, абзац 2 п. 1 ст. 13 Законопроекта объявляет охраноспособными «объекты интеллектуальной деятельности, созданные автоматизированной системой» (т.е. искусственным интеллектом), что прямо противоречит ст. 1228 и 1347 ГК РФ, а также международным конвенциям с участием Российской Федерации, посвященным охране результатов творческой деятельности, поскольку все они исходят из принципа авторства человека (физического лица).

Указанные положения Законопроекта можно истолковать и как очередную попытку косвенного признания правосубъектности ИИ (хотя бы в отношении некоторых интеллектуальных прав), с чем, как уже отмечалось, принципиально невозможно согласиться. Если же такие «объекты» (результаты) предлагается рассматривать в качестве новых объектов интеллектуальных прав, требуются соответствующие дополнения их исчерпывающего перечня (*numerus clausus*), установленного пунктом 1 ст. 1225 ГК РФ (о чем Законопроект не упоминает, декларируя в пояснительной записке отсутствие в связи с его принятием необходимости внесения изменений в действующее законодательство). Предложения о расширении или дополнении названного перечня в свете появления в ходе цифровизации новых результатов творческой деятельности давно известны отечественной правовой доктрине¹⁷. Здесь важно подчеркнуть, что даже их принятие само по себе не изменяет авторско-правового режима таких объектов и не создает для

¹⁷ В частности, речь может идти о таких объектах, как облачные технологии и пиринговые файлообменные сети (распределенные базы данных и технологии их создания), блокчейн-технологии и др., а также о доменных именах, указания на которые в силу различных причин отсутствуют в закрытом перечне

них нового, цифрового гражданско-правового режима.

Гражданско-правовая сфера интеллектуальных прав (именуемая в Законопроекте объектами интеллектуальной собственности) подверглась в нем поистине разрушительному воздействию, которое касается не только попыток косвенного признания субъектами этих прав ИИ, но прежде всего разрешения несанкционированного и безвозмездного использования прав авторов результатов творческой деятельности. Согласно п. 5 ст. 13 Проекта закона об искусственном интеллекте «не является нарушением авторских и/или патентных прав их правообладателей извлечение информации из объектов, защищенных авторскими и патентными правами, включающее в том числе в рамках компьютерной обработки извлечение, сравнение, классификацию и анализ закономерностей, тенденций и корреляций, содержащихся в этих объектах, для изготовления набора данных и/или обучения искусственного интеллекта, при условии что изготовителем набора данных или разработчиком был получен правомерный экземпляр (так в тексте. — Е. С.) такого произведения либо этот объект был доведен до всеобщего сведения и/или доступен для анализа». Тем самым создатели (разработчики) сервисов и систем ИИ получают весьма широкую возможность бездоговорного (т.е. без уведомления правообладателей и без выплаты причитающегося им вознаграждения) использования для своих нужд охраняемых законом объектов интеллектуальных прав (в том числе «доступных им для анализа»).

Между тем действующее гражданское законодательство, в этой части полностью основанное на международных конвенциях об охране результатов творческой деятельности, в кото-

рых давно участвует Российская Федерация, устанавливает *закрытый перечень* случаев свободного использования произведений, охраняемых авторским правом (т.е. без согласия автора или иного правообладателя и без выплаты ему вознаграждения, но с *обязательным указанием его имени и источника заимствования*, о чем тоже не упомянуто в Законопроекте), если, разумеется, речь не идет о случаях «исчерпания авторского права» (ст. 1272–1280 ГК РФ)¹⁸. В связи с этим рассмотренные положения п. 5 ст. 13 Законопроекта едва ли могут быть признаны вполне соответствующими требованиям международных конвенций (односторонние дополнения или пересмотр которых исключаются), хотя пояснительная записка к нему завершается безоговорочным утверждением о его полном соответствии международным договорам РФ. Стоит также напомнить о том, что, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, «если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (эта конституционная норма воспроизведена и абзацем 2 п. 2 ст. 7 ГК РФ).

Едва ли всеми этими вопросами заинтересуется сам искусственный интеллект даже в случае его признания субъектом интеллектуальных прав на «созданные им объекты интеллектуальной собственности» (абз. 2 п. 1 ст. 13 Проекта закона об искусственном интеллекте), но они, несомненно, привлекут внимание его разработчиков и пользователей. Неслучайными представляются положения его пп. «в» и «г» п. 2 ст. 13 о том, что владельцы сервисов ИИ *обязаны* заключать договоры с разработчиками моделей ИИ, в которых должны согласовывать с ними (а не с первоначальными правообладате-

п. 1 ст. 1225 ГК РФ (см., например: Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 257, 261 (автор главы — Н. В. Щербак)). При этом базы данных прямо названы в пп. 3 п. 1 ст. 1225 ГК РФ в качестве самостоятельных объектов авторско-правовой охраны, а доменные имена считаются особым способом использования товарного знака (пп. 5 п. 2 ст. 1484 ГК РФ).

¹⁸ Эти требования установлены в первую очередь Бернской конвенцией 1886 г. (действующей в редакции 1979 г.) и Договором ВОИС (Всемирной организации интеллектуальной собственности) по авторскому праву 1996 г., а также Соглашением по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности (Agreement on Trade Related Aspects of Intellectual Property Rights, TRIPS 1994 г., к которому Российская Федерация присоединилась в связи с участием во Всемирной торговой организации. Аналогичный подход закрепляет Модельный кодекс интеллектуальной собственности для стран СНГ 2010 г. Подробнее об этом см., например: Гражданское право / отв. ред. Е. А. Суханов. Т. 2. С. 282–284, 308–311 (автор главы — Н. В. Щербак).

Следует иметь в виду, что нарушение исключительных прав на результат творческой деятельности, совершенное несколькими лицами, влечет их солидарную гражданско-правовую ответственность пе-

лями!) «порядок передачи прав на результаты интеллектуальной деятельности, созданные с использованием соответствующих моделей», а также «договоры с пользователями сервиса искусственного интеллекта», содержащие «условие о том, кому принадлежат права на синтезированный, сгенерированный информационный материал».

Таким образом, разработчики моделей и сервисов ИИ закрепляют *свои* интеллектуальные права и порядок их реализации (надо полагать, и выплату вознаграждения) в договорах с владельцами таких сервисов и их пользователями¹⁹, оставляя без внимания их отношения с первоначальными правообладателями. Такой подход можно, конечно, признать соответствующим провозглашенному подпунктом 4 ст. 4 Проекта закона об искусственном интеллекте принципу «обеспечения благоприятных условий для развития технологий искусственного интеллекта... его ускоренного развития», поскольку он весьма благоприятствует коммерческой деятельности определенных ИТ-компаний. Вряд ли, однако, его можно считать вполне отвечающим основополагающему принципу юридического равенства участников гражданских правоотношений (п. 1 ст. 1 ГК РФ), а также способствующим решению не менее важной задачи поощрения деятельности первоначальных создателей охраняемых действующим законом результатов творческой деятельности, в том числе объектов авторского и патентного права.

Наконец, без должного внимания Законопроекта осталась проблематика международно-правовой охраны результатов творческой деятельности, использованных или созданных с использованием технологий ИИ. Как показывает длительный опыт существования нематериальных объектов авторского и патентного права, их правовой режим не может устанавливаться лишь национальными законодательными актами, а неизбежно требует разработки и принятия многосторонних международных конвенций по этим вопросам, ибо перемеще-

ние и использование таких объектов нередко имеет трансграничный характер, обусловивший необходимость международно-правовой регламентации этих отношений. Едва ли не в большей мере это положение относится к созданию и использованию программных продуктов в сфере ИИ, существующих в интернациональном, по сути, интернет-пространстве, а не только зафиксированных на материальных носителях (вещах). Поэтому общая отсылка к нормам ГК РФ об исключительных правах, содержащаяся в абз. 1 п. 1 ст. 13 Законопроекта, явно недостаточна. Его статьи 15–18, посвященные международному сотрудничеству в сфере применения технологий ИИ, содержат только призывы к формированию единого пространства доверенных технологий ИИ при лидирующей роли Российской Федерации в международном и региональном сотрудничестве, расширению и укреплению последнего, обеспечению равных прав и возможностей наций в области разработки и использования технологий ИИ и тому подобные бессодержательные декларации, которые не способны выполнять функции законодательных норм.

Изложенные недостатки и противоречия Проекта закона об искусственном интеллекте послужили основанием для принятия Советом при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на заседании 23 апреля 2026 г. экспертного заключения о невозможности его поддержки. При этом Совет счел необходимым отметить принципиальную неспособность Законопроекта заменить или изменить действующую систему норм и принципов, регулирующих частноправовые отношения в предполагаемой сфере его действия.

Наряду с появлением отношений, связанных с использованием ИИ, большое распространение, затрагивающее имущественные интересы многих участников гражданского оборота, получило и такое последствие процесса цифровизации, как стихийное создание и функционирование децентрализованного рынка различных

ред правообладателем (п. 6.1 ст. 1252 ГК РФ в редакции Федерального закона от 12.03.2014 № 35-ФЗ), подобную имущественной ответственности сопричинителей вреда (ст. 1080 ГК РФ), а не долевую ответственность, «соразмерную степени вины каждого».

¹⁹ По-видимому, речь идет о лицензионных договорах (ст. 1235–1238 ГК РФ), вероятно, и о договорах об отчуждении исключительных прав (ст. 1234 ГК РФ). Законопроект умалчивает о возможности получения принудительной лицензии (ст. 1239 ГК РФ) и особенностях использования соответствующих объектов, созданных по государственному или муниципальному заказу (ст. 1240.1 ГК РФ), а также других способах распоряжения исключительными правами, предусмотренных статьей 1233 ГК РФ.

криптовалют. Разумеется, никакой вид цифровых денег, или криптовалют, не может быть признан деньгами в юридическом (а не экономическом) смысле, т.е. объектом, обладающим *юридическим свойством* «законного платежного средства, обязательного к приему по нарицательной стоимости на всей территории Российской Федерации» (абз. 1 ч. 1 ст. 140 ГК РФ)²⁰. Из этого никоим образом не следует невозможность их использования для расчетов, инвестирования, накопления или выполнения ими иных *экономических* функций денег либо ничтожность любых сделок с криптовалютой. Напротив, в силу принципа свободы договоров (п. 1 ст. 1, абз. 1 п. 1 ст. 8, ст. 421 ГК РФ) эти объекты как не изъятые из оборота и пока даже прямо не ограниченные в нем вполне могут применяться в гражданских правоотношениях, разумеется в целях, соответствующих общим началам и смыслу гражданского законодательства (а не для обхода установленных им запретов и ограничений или тем более отмывания незаконно полученных доходов, финансирования терроризма и иных неправомерных действий).

Их применение, не нарушающее общие законодательные запреты и предписания, в том числе в качестве суррогата (замены) денег и денежных расчетов между субъектами гражданского права, само по себе не является противоправным и порождает юридические (гражданско-правовые) последствия, правда при наличии некоторых установленных законом условий. Речь идет, во-первых, об обязанности информирования органов публичной власти о факте обладания цифровой валютой (ее декларирования, что не требуется для наличных и безналичных денежных средств), во-вторых, о необходимости соблюдения требований нало-

гового законодательства (п. 6 ст. 14 Закона от 31.07.2020 № 259-ФЗ). Но даже при невыполнении названных условий сделки с цифровой валютой следует рассматривать не как незаконные (недействительные) сделки (тем более что статья 168 ГК РФ теперь допускает конфискационные последствия только в специально предусмотренных законом случаях), а как основания возникновения *натуральных обязательств*²¹.

Последние, как известно со времен римского частного права, не предоставляют своим участникам возможности судебной защиты их прав и интересов, однако полученное в результате их исполнения имущество не подлежит возврату в качестве неосновательного обогащения, ибо в связи с такими обязательствами по закону также возникают имущественные права, включая право собственности. Их пример (близкий к сделкам с криптовалютой) — предпринимательские «сделки на разность» (иначе «расчетные форвардные контракты»), которые не предполагают передачи сторонами реального товара, а имеют виртуальный предмет (разницу в курсах валют и т.п.). Изначально они, по сути, представляют собой разновидности игр и пари, права на которые не подлежат судебной защите ни в каких правовых порядках. Однако такие предпринимательские финансовые сделки в конце концов получили исковую защиту при условии их совершения под контролем государства, либо юридическими лицами, имеющими соответствующую лицензию, либо на биржах (организованных финансовых рынках) (п. 2 ст. 1062 ГК РФ в редакции Федерального закона от 26.01.2007 № 5-ФЗ²²). Аналогичный гражданско-правовой режим теперь придан и сделкам с криптовалютой²³.

Следовательно, использование в современном отечественном имущественном обороте

²⁰ См. также: ч. 1 ст. 75 Конституции РФ ; ст. 27, 29, 30 Федерального закона от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // СЗ РФ. 2002. № 28. Ст. 2790 ; пп. 5 п. 1 ст. 1 Федерального закона от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» // СЗ РФ. 2003. № 50. Ст. 4859.

²¹ См.: Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 20–22.

²² СЗ РФ. 2007. № 5. Ст. 558.

См. также: определение Конституционного Суда РФ от 16.12.2002 № 282-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 1 ; п. 2 ст. 44 Федерального закона от 22.04.1996 № 39-ФЗ «О рынке ценных бумаг» // СЗ РФ. 1996. № 17. Ст. 1918 ; п. 4 ст. 9, п. 4 ст. 16 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // СЗ РФ. 2011. № 48. Ст. 6726.

²³ Остаются в стороне международно-правовые аспекты использования криптовалют и иного цифрового имущества, в частности принятые 10 мая 2023 г. на 102-м заседании УНИДРУА Принципы о цифровом имуществе в частном праве (UNIDROIT Principles on Digital Assets and Private Law) и постановление

криптовалюты как нового объекта гражданских прав (разумеется, не приобретающего юридического режима денег как законного (общеобязательного) платежного средства) не ведет к появлению нового (третьего) вида денег (наряду с наличными и безналичными деньгами²⁴), как утверждают некоторые финансисты, и не отменяет традиционных *юридических* представлений о природе денег (во всяком случае, пока государство не придало цифровым деньгам свойства законного платежного средства). По очевидным экономико-правовым соображениям никакое государство не может разрешить частным лицам неограниченную и бесконтрольную денежную эмиссию (в том числе в виде самостоятельного майнинга криптовалют). Поэтому, например, цифровые рубли признаны не деньгами, а лишь одним из видов безналичных денежных средств и формой безналичных расчетов (ст. 128 и абз. 2 п. 1 ст. 140 ГК РФ в редакции Федерального закона от 24.07.2023 № 339-ФЗ²⁵). В этом качестве они эмитируются только Центральным банком РФ и используются под его контролем специально уполномоченными на то коммерческими банками. Иначе говоря, в силу прямого указания закона цифровой рубль выполняет платежную

функцию, погашая определенные денежные обязательства, но не становится законным платежным средством для всех участников гражданского (имущественного) оборота, т.е. деньгами в юридическом смысле²⁶.

Современные зарубежные исследователи отмечают тенденцию к рассмотрению гражданско-правового режима криптовалют и другого цифрового имущества (или криптоценностей) как особой разновидности абсолютных вещных прав на объекты, хотя и выходящие за рамки классического понимания вещей, но приобретающие общий вещно-правовой режим контролируемого цифрового имущества, поскольку контроль за доступом к ним и их использование с помощью различных электронных ключей (паролей) юридически могут быть приравнены к владению ими²⁷. Более того, данный подход начинает проникать даже в Common Law, где цифровое имущество (или блокчейн-ценности) судебной практикой теперь нередко признается новым, третьим видом (*tertium quid*) традиционной *personal property* («личного имущества», т.е. движимости в англо-американском понимании), состоящей из *things in possessions* («вещей во владении», т.е. собственно движимых вещей) и *things in action* («вещей в требовании»,

Европейского парламента и Евросовета от 31.05.2023 «О рынках криптоценностей» (*Verordnung über Märkte für Kryptowerte und zur Änderung anderer Verordnungen, MiCAR*), серьезно реформировавшие действовавшее в этой области общеевропейское законодательство. Эти акты призваны сыграть роль содержательных рекомендаций по согласованному разрешению вопросов, возникающих в ходе развернувшегося в последние годы соревнования юрисдикций за привлечение криптовалют. Его лидерами в континентально-европейском праве стали Лихтенштейн (благодаря законам 2019 г.) и Швейцария, а в правовых порядках Common Law — Сингапур, Великобритания и США (наряду с развитием судебной практики Единый торговый кодекс США (*Uniform Commercial Code, UCC*) в 2022 г. был дополнен § 12-105 о контролируемых электронных сведениях (*controllable electronic records (CERs)*). Не следует забывать и о том, что в результате аналогичного, по сути, соперничества отдельных штатов США за право стать местом регистрации корпораций (развернувшегося еще в конце XIX в. и получившего в литературе ироничное наименование «гонки снизу» — англ. *race to the bottom*) возникло «сверхпрогрессивное» корпоративное законодательство штатов Нью-Йорк, Нью-Джерси и наиболее либерального в этом отношении штата Делавэр (названное в литературе делавэрским синдромом), которое затем пришлось корректировать федеральным законодательством. Поэтому само по себе лидерство в формировании криптовалютного законодательства заставляет с известной осторожностью относиться к заимствованию его положений в другие национальные правовые порядки.

²⁴ Различие правового режима наличных денег как вещей и безналичных денежных средств как иного имущества (имущественных прав) прямо закреплено статьей 128 ГК РФ.

²⁵ СЗ РФ. 2023. № 31 (ч. III). Ст. 5765.

²⁶ Кроме того, отсутствие процентов, обычно начисляемых банками на остатки числящихся на их счетах традиционно понимаемых денежных средств (в этом смысле тоже являющихся цифровыми, а не реальными деньгами, а по сути — правами требования клиентов к обслуживающим их банкам) за их использование в имущественном обороте (абз. 1 п. 1 ст. 852 ГК РФ), также наводит на мысль об известной ограниченности возможностей применения этого нового способа расчетов.

²⁷ *Rieländer F. A. Op. cit. S. 792–796.*

т.е. имущественных прав)²⁸. Всё это свидетельствует о возможностях правового регулирования этих новых объектов гражданских (имущественных) прав с помощью известных правовых институтов и в любом случае ставит под сомнение целесообразность попыток создания для них принципиально нового правового режима цифровых прав (или в целом формирования особого цифрового права).

Из изложенного вытекает вывод о том, что влияние цифровизации на правовое оформление имущественного оборота не ведет к созданию особого гражданско-правового режима цифровых прав наряду с вещными, обязательственными, корпоративными и интеллектуальными правами, ибо в целом оно вполне укладывается в существующие институты гражданского (частного) права. Иначе говоря, ограниченный характер такого воздействия не требует *кардинальных* реформ гражданского законодательства (его отдельные, частные изменения по мере социального и технического развития неизбежны при любом ходе развития законодательства).

В этой связи можно также констатировать отсутствие объективных научных оснований для попыток формирования особого, цифрового права. Идея последнего сама по себе не имеет отношения к наличию или отсутствию цифрового кодекса, ибо отечественный правопорядок знает случаи многолетнего существования особых кодексов в отсутствие соответствующих им самостоятельных или хотя бы комплексных отраслей права. Так, Градостроительному кодексу РФ²⁹ не соответствует строительное право, а пяти транспортным кодексам и уставам — общепризнанное транспортное право или хотя бы отдельные самостоятельные правовые отрасли железнодорожного, автомобильного и т.д. права³⁰. С этой точки зрения можно предполагать, что цифровое право рискует разделить судьбу энергетического, образовательного или спортивного права, остающихся без собственной кодификации по мере угасания искусственно подогреваемого интереса к ним.

Для выделения самых разнообразных комплексных отраслей права, обособляемых не по объективно существующим *особенностям правовых режимов*, а по произвольно избранным сферам деятельности, изначально отсутствуют сколько-нибудь серьезные научно-систематизационные основания, что неоднократно отмечалось как в отечественной, так и в зарубежной правовой литературе³¹.

Иное дело, что возникающие в ходе использования достижений научно-технического прогресса новые результаты творческой деятельности, несомненно, нуждаются в четком юридическом оформлении, которое должно не разрушать, а *дополнять* сложившуюся систему гражданско-правового регулирования. Это относится не только к исключительным правам на различные результаты творческой деятельности (в том числе полученным при использовании сервисов ИИ), но и к иным новым видам имущества (таким, например, как бездокументарные ценные бумаги и криптовалюта). При этом в особом внимании нуждаются международно-правовые аспекты их использования, которое в современных условиях неизбежно переходит национальные границы и потому требует согласования на межгосударственном уровне.

Следовательно, объективно развивающийся процесс цифровизации социальной и экономической жизни общества действительно требует тщательного и всестороннего правового оформления, которое отнюдь не сводится к поспешному провозглашению очередной новой правовой отрасли или скорейшей разработке и принятию нового кодифицированного закона. Сами по себе такие шаги заведомо не в состоянии обеспечить создание благоприятных условий для решения содержательных правовых задач, а подлежат включению в общую правовую систему, предполагая ее развитие и дополнение, а не кардинальную ломку. Данный подход требует серьезных научных и организационных усилий, но только он способен привести к реальному успеху.

²⁸ Rieländer F. A. Op. cit. S. 777–778.

²⁹ СЗ РФ. 2005. № 1 (ч. I). Ст. 16.

³⁰ Авторитетные ученые давно обоснованно отвергали такого рода предложения, утверждая, что транспортное право представляет собой лишь комплексную отрасль российского права (см., например: Егiazаров Г. А. Транспортное право : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2004. С. 6–7), подобную, скажем, жилищному праву.

³¹ См., например: Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. С. 117 ; Bydlinski F. System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck 1996. Wien, 2013. S. 8–10, 680–684, 703–704.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Галесник Л. С. О проблемах системы советского права // Советское государство и право. 1957. № 2. Гражданское право : учебник : в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М. : Статут, 2023.
- Егiazаров Г. А. Транспортное право : учебник. 2-е изд. М. : Юстицинформ, 2004. 542 с.
- Матвеев С. Ю. Интервью журналу «Законодательство» // Законодательство. 2026. № 1. С. 6–11.
- Палчаева Н. А. Правовое регулирование предпринимательской деятельности с использованием цифровых платформ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М. : МГУ, 2026.
- Скучаев А. А. Частноправовое регулирование отношений по перевозке пассажиров воздушным транспортом, опосредованных электронно-цифровыми технологиями : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2026. 27 с.
- Суханов Е. А. О гражданско-правовой природе «цифрового имущества» // Вестник гражданского права. 2021. Т. 21. № 6. С. 7–29.
- Brunner G. Die Wertpapiere // Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig : Fues's Verlag (R. Reisland), 1882.
- Bydlinski F. System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck 1996. Wien, 2013.
- Damjanovic D., Pfurtsceller V., Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2021. Heft 2.
- Ekkenga J. Effektingeschäft // Münchner Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München : Verlag C. H. Beck, 2014.
- Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets // Zeitschrift für Europäisches Privatrecht. 2024. Heft 4. S. 769–800.

REFERENCES

- Brunner G. Die Wertpapiere. Handbuch des deutschen Handels-, See- und Wechselrechts. Leipzig: Fues's Verlag (R. Reisland); 1882. (In Germ.).
- Bydlinski F. System und Prinzipien des Privatrechts. Nachdruck; 1996. Wien; 2013. (In Germ.).
- Damjanovic D, Pfurtsceller V, Raschauer N. Liechtenstein «Blockchain-Regulierung» — Ein- und Ausblicke. *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 2021;2. (In Germ.).
- Egiazarov GA. Transport Law. 2nd ed. Justitsinform Publ.; 2004. (In Russ.).
- Ekkenga J. Effektingeschäft. Münchner Kommentar zum Handelsgesetzbuch. Bd. 6. Bankvertragsrecht. 3. Aufl. München: Verlag C. H. Beck Publ.; 2014. (In Germ.).
- Galesnik LS. On the problems of the system of Soviet law. *Sovetskoy gosudarstvo i pravo*. 1957;2. (In Russ.).
- Medvedev SYu. Interview for the «Legislation» Journal. *Legislation*. 2026;1. (In Russ.).
- Palchaeva NA. Legal regulation of entrepreneurial activity using digital platforms. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Moscow: Moscow State University; 2026. (In Russ.).
- Rieländer F. Eigentum an digitalen Vermögenswerten — Auf dem Weg zu einem sachenrechtlichen Zuordnungsregime für Krypto-Assets. *Zeitschrift für Europäisches Privatrecht*. 2024;4. (In Germ.).
- Skuchaev AA. Private legal regulation of relations for the carriage of passengers by air transport, mediated by electronic and digital technologies. Author's Abstract. Cand. Sci. (Law) Diss. Saratov; 2026. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 4 vols. Vol. 2: Property Law. Inheritance Law. Intellectual Rights. Personal Non-Property Rights. Moscow; Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sukhanov EA (ed.). Civil Law. In 4 vols. Vol. 4 : Certain types of obligations. Moscow: Statut Publ.; 2023. (In Russ.).
- Sukhanov EA. On the civil law nature of «digital property». *Civil Law Review*. 2021;6. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Суханов Евгений Алексеевич, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой гражданского права юридического факультета МГУ имени М.В.Ломоносова, научный руководитель Исследовательского центра частного права имени С.С. Алексеева при Президенте РФ
д. 1, Ленинские горы, г. Москва 119991, Российская Федерация

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Evgeniy A. Sukhanov, Dr. Sci. (Law), Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Law, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University; Academic Director, Private Law Research Centre under the President of the Russian Federation named after S.S. Alexeev (PLRC), Moscow, Russian Federation

Материал поступил в редакцию 20 апреля 2026 г.

Статья получена после рецензирования 13 мая 2026 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 20.04.2026.

Revised 13.05.2026.

Accepted 15.05.2026.

ПАМЯТИ ПОСВЯЩАЕТСЯ IN MEMORIAM

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.022-034

Н. Н. Черногор

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
г. Москва, Российская Федерация

Правовая концепция фронта и ее методологический потенциал (памяти профессора Валерия Васильевича Лазарева)

Резюме. Статья посвящена методологической инновации, предложенной профессором В. В. Лазаревым, состоящей в использовании понятия «фронт» при решении фундаментальных проблем юридической науки. Представлено авторское видение употребления понятия фронта в теоретико-правовых исследованиях; показано, как инструментальный концепт фронта может обогатить методологический арсенал теории государства и права; определены новые ракурсы для изучения процессов правообразования, адаптации права к вызовам времени; намечены перспективы формирования правовой концепции фронта. Аргументирован вывод о том, что концепт фронта обладает значительным эвристическим потенциалом для анализа современных государственно-правовых реалий. Он может быть применен для решения самого широкого спектра теоретико-правовых задач — от изучения границ правового регулирования до анализа взаимодействия правовых систем, культур и порядков. Его использование позволит уловить динамику, переходные состояния и диалогическую природу современных правовых явлений, сместить фокус с устоявшихся, институционализированных форм права на процессы их становления и трансформации на «окраинах» сферы правового регулирования. Развитие идеи фронта в теоретическую схему создает доктринальные предпосылки для формирования его правовой концепции.

Статья подготовлена на основе доклада автора, представленного на пленарном заседании XIII Общероссийского годового собрания теоретиков права (г. Москва, ИЗИСП, 25 февраля 2026 г.).

Ключевые слова: взаимодействие правовых систем; границы правового регулирования; границы темпоральности в праве; методология юридической науки; правовой фронт; правовая концепция фронта; пределы правового регулирования; пробелы в правовом регулировании; сфера правового регулирования; фронт

Для цитирования: Черногор Н. Н. Правовая концепция фронта и ее методологический потенциал (памяти профессора Валерия Васильевича Лазарева). *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 22–34. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.022-034

The Legal Concept of the Frontier and Its Methodological Potential (In Memory of Professor Valeriy Vasilievich Lazarev)

Nikolay N. Chernogor

Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation
Moscow, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the methodological innovation proposed by Professor V. V. Lazarev, namely, the use of the concept of the Frontier in addressing fundamental problems of legal scholarship. It presents the author's own account of how the concept of the Frontier may be employed in theoretical legal research, demonstrates how the analytical tools associated with this concept can enrich the methodological framework of the theory of state and law, proposes new perspectives for the study of legal genesis and the adaptation of law to contemporary challenges, and outlines prospects for the development of a legal concept of the Frontier. The paper argues that the Frontier concept possesses substantial heuristic value for the analysis of contemporary state and legal realities. It may be applied across a broad range of theoretical legal issues, from the study of the boundaries of legal regulation to the analysis of interactions among legal systems, cultures, and normative orders. Its use makes it possible to capture the dynamics, transitional states, and dialogic nature of modern legal phenomena and to shift attention from established, institutionalized forms of law to the processes of their emergence and transformation at the margins of legal regulation. The development of the Frontier idea into a theoretical framework creates the doctrinal preconditions for the formation of its legal concept.

The study is based on the author's paper presented at the plenary session of the Thirteenth Annual Meeting of Legal Theorists, held in Moscow at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation on February 25, 2026.

Keywords: interaction of legal systems; boundaries of legal regulation; boundaries of temporality in law; legal science methodology; legal frontier; the legal concept of the frontier; limits of legal regulation; gaps in legal regulation; scope of legal regulation; frontier

Cite as: Chernogor NN. The Legal Concept of the Frontier and Its Methodological Potential (In Memory of Professor Valeriy Vasilievich Lazarev). *Lex russica*. 2026;79(6):22-34. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.022-034

Введение

С конца XX в. и по настоящее время отечественные правоведы не без оснований неустанно констатируют наличие потребности в модернизации методологии юридической науки, ее обогащении за счет познавательного инструментария других наук. Спектр предлагаемых инноваций, имеющих цель удовлетворить означенную потребность, довольно широк — от

применения синергетики¹, меметики² и других теорий в правовых и государствоведческих исследованиях до использования в них отдельных методов, понятий и концептов, которыми успешно оперируют другие отрасли научного знания³. Далеко не все инициативы, по мнению автора статьи, заслуживают поддержки⁴. Вместе с тем нельзя отрицать полезность некоторых методологических заимствований, как и целесообразность продолжения поиска концептов,

¹ См. подробнее: *Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н.* Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М.: ИЗиСП при Правительстве РФ; Инфра-М, 2020. С. 74–87.

² См.: *Лазарев В. В.* Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18.

³ См., например: *Хабриева Т. Я.* Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013–2023). К 300-летию Российской академии наук: сборник статей. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2023. С. 957–964. URL: https://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2019/dokladi/KhabrievaTYA_plen_rus_170519.pdf.

⁴ Несостоятельность некоторых из существующих инициатив наглядно показана в работах А. В. Корнева. См., например: *Корнев А. В.* Междисциплинарность в юридических исследованиях // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 26–33.

способных дополнить традиционный понятийно-категориальный аппарат и познавательный инструментарий юридической науки, помочь уловить динамику, переходные состояния и диалогическую природу современных государственно-правовых явлений.

В связи с изложенным сто́ит прислушаться к призыву В. В. Лазарева, обращенному к коллегам по цеху, более активно использовать понятие фронта⁵ при разработке фундаментальных проблем юридической науки, прозвучавшему в его докладе «Академическая юридическая наука и ее место в общественном сознании» на пленарном заседании XI Годового собрания теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)» (г. Москва, ИЗИСП, 28 февраля 2024 г.)⁶. Валерий Васильевич не успел⁷ представить эту идею в развернутом виде, даже в объеме статьи (как он обычно поступал после того, как делился с научной общественностью очередной находкой). Его обращение к правоведам осталось призывом, не получившим отклика со стороны теоретиков права и государства. Думается, будет непростительным упущением оставить без внимания идею выдающегося отечественного правоведа (особенно на фоне возросшего интереса к его

творчеству, о чем свидетельствует проведение в последнее время ряда научных мероприятий, посвященных памяти профессора В. В. Лазарева⁸), известного своей незаурядной способностью не только генерировать оригинальные идеи и решения теоретических вопросов, но и предвосхищать их постановку.

Возьмем на себя смелость и попытаемся разгадать замысел Валерия Васильевича, порассуждать о том, как понятие фронта может быть практически использовано при разработке конкретных теоретико-правовых проблем и какой результат может быть при этом получен.

Основная часть

В современном понимании фронт — это территория встречи и контактов различных культур и цивилизаций, зона их взаимодействия и взаимопроникновения, противоречивого сочетания культурно-цивилизационных практик⁹. По фронтиру не просто проходит линия раздела. Возникает уникальная зона повышенной социальной активности, где ни одна из сталкивающихся систем (государственная, традиционная, колониальная) не обладает монополией, где нормы поведения находятся в состоянии текущей, взаимного приспособления, а иногда и

⁵ По мнению некоторых исследователей, зарождение представлений о фронтире как о подвижной границе между варварством и цивилизацией можно обнаружить в древних китайских хрониках (см., например: *Панарина Д. С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 17–18*). Но первая оформленная теоретическая концепция фронта датируется XIX в. Ее автором является американский историк Ф. Дж. Тернер (см.: *Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009*), применивший ее для анализа процессов колониального освоения европейцами новых территорий, прежде всего Северной Америки. Под фронтиром исследователь понимал границу между освоенными и неосвоенными землями и представлял ее как процесс встречи, неожиданного столкновения колонизаторов, местного населения и окружающей среды.

⁶ См.: URL: <https://izak.ru/institute/events/xi-godovoe-sobranie-teoretikov-prava-kontseptsii-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-kak-dostizhen/>.

⁷ Валерий Васильевич Лазарев ушел из жизни 20 июня 2025 г.

⁸ См.: Теоретико-правовой мемориал памяти профессора В. В. Лазарева : панель в рамках IV Казанского международного юридического форума «Время права» (г. Казань, Казанский федеральный университет, 3 октября 2025 г.) // URL: <https://izak.ru/institute/events/v-ramkakh-iv-kazanskogo-mezhdunarodnogo-yuridicheskogo-foruma-vremya-prava-v-kazanskom-federalnom-un/> ; Международная студенческая научная конференция «Правовая наука XXI века: вызовы, парадигмы, решения», посвященная памяти профессора В. В. Лазарева (г. Москва, ИЗИСП, 25 октября 2025 г.) // URL: <https://izak.ru/institute/events/mezhdunarodnaya-studencheskaya-nauchnaya-konferentsiya-pravovaya-nauka-xxi-veka-vyzovy-paradigmy-resh/> ; XIII Общероссийское годовое собрание теоретиков права «Современные теоретические ориентиры правовой науки (к 85-летию Валерия Васильевича Лазарева)» (г. Москва, ИЗИСП, 25 февраля 2026 г.) // URL: <https://izak.ru/institute/announcements/khiii-obshcherossiyskoe-godovoe-sobranie-teoretikov-prava/>.

⁹ См., например: *Панарина Д. С. Указ. соч. С. 15–41*.

конфликта. Рискнем предположить, что именно в этом аспекте¹⁰ фронт как переходная зона, в которой происходят взаимодействие, конфликт, адаптация и гибридизация регулятивных систем и практик, привлек внимание В. В. Лазарева.

В этом смысле понятие фронта может быть применено в самом широком спектре теоретико-правовой проблематики — от изучения границ правового регулирования до анализа взаимодействия правовых систем, культур и порядков.

Первая ассоциация при рассмотрении концепта фронта как правовой материи — это цифровое пространство, в котором сталкиваются и взаимодействуют аборигены цифрового мира с лицами, которым этот мир неведом, которых пугают его джунгли и осознание собственной беспомощности в «цифровых зарослях» по причине отсутствия навыков поведения и выживания в них. Несмотря на страх, адептам реального мира приходится посещать цифровое пространство в связи с перемещением в него области оказания государственных услуг, совершения юридически значимых действий, предоставления правовой информации. В этой пограничной зоне противостоят право как нормативная система и саморегулирование (нормативные системы, выработанные и применяемые цифровыми сообществами), формируются нормы и регулятивные практики. Рассмотрение цифрового пространства в качестве фронта, несомненно, перспективное и привлекательное направление его освоения юридической доктриной с учетом современных трендов в правовой науке.

Однако В. В. Лазарев видел перспективу применения понятия фронта прежде всего в разработке фундаментальных проблем правоведения и государствоведения, которые,

бесспорно, относятся к числу академических и безоговорочно требуют продолжения глубоких исследований. В их числе он прежде других обозначил проблематику пределов и границ правового регулирования, установления, преодоления и устранения в нем пробелов¹¹. В этом нет ничего удивительного, так как данная проблематика преследовала профессора В. В. Лазарева, по его собственному признанию, на протяжении более полувека, что отразилось в его научном творчестве¹². К тому же пространственная интерпретация фронта хорошо коррелирует с теоретическими характеристиками сферы правового регулирования, его границ и пределов¹³.

Традиционно проблема пределов правового регулирования решается через поиск критериев, отделяющих сферу юридического от неюридического (морали, обычая, личной сферы). Граница при таком подходе мыслится как демаркационная линия, которая должна быть максимально четкой. Но социальная реальность, особенно современная, сопротивляется такой жесткой бинарности. Концепция фронта предлагает иную оптику. Согласно ей граница правового регулирования — это не линия, а пространство, зона, полоса, фронт взаимодействия, конфигурация которого меняется в зависимости от социального запроса, судебной практики, «законодательных интервенций» и других факторов. Во фронтире юридические регуляторы встречаются, смешиваются, конкурируют и сотрудничают с иными нормативными системами. Это можно проследить на примере формирования легальной этики в сфере противодействия коррупции¹⁴. Другими иллюстрациями служат пространства между корпоративными правилами и трудовым законодательством; правом и собственными правилами

¹⁰ Фронт может рассматриваться и в других аспектах. Например, символическая (или ментальная) география подразумевает изучение процесса построения ментальных границ на основе отношения к «чужому», противопоставления двух миров — «своего» и «чужого». См., например: *Рибер А.* Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского [и др.]. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 201.

¹¹ *Лазарев В. В.* Академическая юридическая наука и ее место в общественности.

¹² См., например: *Лазарев В. В.* Определение сферы правового регулирования // *Правоведение*. 1980. № 5. С. 64–71; *Он же.* Пробелы в праве и пути их устранения. М.: Юридическая литература, 1974.

¹³ См., например: *Лазарев В. В.* Сфера и пределы правового регулирования // *Советское государство и право*. 1970. № 11. С. 39–40.

¹⁴ *Хабриева Т. Я., Габов А. В., Капустин А. Я., Черногор Н. Н.* Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения*. 2018. № 3. С. 3–12.

цифровых сообществ, выраженными в модерации контента; правом и профессиональной этикой, что хорошо прослеживается в практике регулирования общественных отношений, связанных с созданием, оборотом и применением технологий ИИ¹⁵.

Пределы и границы правового регулирования, наблюдаемые через призму фронта, предстают уже не как разделительная линия, статичный рубеж, а как динамичное, продуктивное пространство правовой реальности. Граница правового регулирования видится не линией, а зоной напряженного взаимодействия различных нормативных порядков (правового, морального, корпоративного), где происходит постоянное переопределение сферы юридического.

Применение понятия фронта привлекает внимание к неизбежной неопределенности, текучести и незавершенности права, постоянно взаимодействующего с иными регуляторами. Во фронте привычные явления видоизменяются: старое смешивается с новым, образуются сущности и нормы, правовые традиции и обычаи, утверждаются знаковые архетипы. В этом контексте фронт выступает не просто метафорой, а аналитическим инструментом, позволяющим реконструировать правогенез на «окраинах» права.

Интересная картина открывается при рассмотрении пробелов в праве с использованием концепта фронта.

Профессор В. В. Лазарев считал, что право никогда не бывает идеальным, завершенным. Оно в действительности всегда в чем-то неудовлетворительное, несовершенно, требующее разных изменений в зависимости от условий места и времени¹⁶. Пробелы, коллизии, появление принципиально новых общественных отношений (цифровых, биоэтических) создают белые пятна на правовой карте, которые впоследствии осваиваются. Роль первопроходца

здесь достается не столько законодателю, сколько судам, органам исполнительной власти, вырабатывающим решения в условиях нормативной неопределенности. Их деятельность по толкованию, применению аналогии права и закона, созданию процедурных режимов есть «фронтное нормотворчество», которое может как предвосхищать будущее законодательное регулирование, так и формировать устойчивые практики, альтернативные ему. Концепция фронта позволяет сфокусировать внимание исследователей на этом творческом, зачастую стихийном процессе.

Пробел предстает не как пассивная пустота, дыра в правовой ткани, которую необходимо залатать, а как пространство нормотворчества, область генерации нового правового регулирования. Сквозь оптику фронта пробел — это не вакуум, а зона высокой социальной и нормативной напряженности, где отсутствие юридической нормы отнюдь не означает отсутствия регулирования. В этом фронте разворачиваются процессы казуального регулирования, прежде всего судебного его освоения¹⁷, а также «административной колонизации» посредством издания органами исполнительной власти разъяснений, утверждения временных порядков и методических рекомендаций, тем самым установления правил игры на еще не охваченной законодательством территории права. Здесь же формируются практики саморегулирования: участники новых общественных отношений вырабатывают собственные договорные модели, стандарты и обычаи делового оборота, заполняя нормативный вакуум. Наиболее яркие иллюстрации сказанного можно обнаружить в практике возникновения и преодоления пробелов в правовом регулировании, вызванных развитием новых технологий¹⁸. Законодатель в плане освоения фронта всё чаще идет по пути проведения правового эксперимента¹⁹.

¹⁵ См., например: Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М ; Российская академия наук, 2025. С. 89–132.

¹⁶ См.: Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3–14.

¹⁷ См., например: постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 № 09АП-16416/2018 по делу № А40-124668/2017 // URL: https://storage.consultant.ru/ondb/attachments/201805/u/usukzk7wdco3d_sa/Postanovlenie_suda_JWj.pdf.

¹⁸ См. подробнее: Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2025.

¹⁹ См., например: Федеральный закон от 24.04.2020 № 123-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального

Таким образом, пробел в праве можно оценивать не как дефект права или законодательства, а как сектор их развития, область генерации нового правового регулирования и регуляторных практик. Задача правоведов и законодателя в этой логике состоит в том, чтобы, во-первых, диагностировать зарождающиеся фронты (выявляя социальные практики, требующие упорядочения и/или легализации), а во-вторых, предложить модели легитимации или коррекции тех норм, которые в нем уже сложились. Законодатель выступает не первичным творцом права, а тем субъектом, который фиксирует и легализует удачные фронтальные решения, своеобразным картографом, наносящим на официальную карту права контуры, уже освоенные практиками.

Переосмысление природы пробелов с использованием концепции фронта закономерно ведет к трансформации представлений о методах работы с ними. Выявление пробелов перестает быть сугубо логической операцией, выполняемой в процессе юридической квалификации, и становится систематическим изучением соответствующих зон. В ходе такого изучения осуществляется наблюдение за конфликтами между различными регулятивными ожиданиями, активностью судов и административных органов по созданию прецедентов, формированием устойчивых, но законодательно не урегулированных практик (например, краудфандинг, каршеринг на начальном этапе). По сути, речь идет о правовом мониторинге²⁰, концепция и методика проведения которого могут быть продуктивно использованы для выявления новых рубежей, на которых правовое регулирование находится в стадии своего становления.

Устранение пробела под этим углом зрения предстает как процесс институционализации фронта посредством разных стратегий. В их

числе законодательное закрепление наиболее удачных и общественно одобряемых норм, сложившихся на фронте; создание законодательных коридоров или рамочных законов, не устанавливающих жестких правил, но задающих общие принципы и границы, в пределах которых допускается дальнейшее «фронтное нормотворчество» субъектов (например, модель «регулятивной песочницы» в цифровой экономике, официальное признание действия иных регулятивных систем (систем саморегулирования профессиональных сообществ) в пределах фронта под контролем государства).

Концепт фронта применим при рассмотрении границ темпоральности права. Современное право существует в условиях сжатия времени, когда скорость социальных изменений значительно опережает скорость законодательства. Это порождает особые зоны (фронты), где действуют одновременно старые и новые регуляторы. Соответственно, он пригоден для исследования времени как конституирующего фактора социальных изменений в правовом порядке. Переход от одного правового состояния к другому не мгновенен, он имеет временную протяженность, в рамках которой совершаются борьба и наложение разных темпоральных логик: длительности процедур, срочности решений, наследия прошлого регулирования.

Понятие фронта ориентирует на поиск альтернативы классической (ньютоновской) парадигме времени, представлениям о линейности и равномерности правового времени, доминирующим в доктрине для описания сложных правовых процессов, зоны правовой неопределенности, возникающей на стыке различных темпоральных режимов (прошлого, настоящего и будущего), например периодов смены правопорядков²¹, социальных револю-

значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона «О персональных данных» // СЗ РФ. 2020. № 17. Ст. 2701; Федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых и технологических инноваций в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5017.

²⁰ См.: Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М.: Юриспруденция, 2009; Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики: монография / под ред. Н. Н. Черногора. М.: Изд-во Международного юридического института, 2010; Механизм правового мониторинга: науч.-практ. пособие / Д. Б. Горохов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов [и др.]; отв. ред. А. В. Павлушкин. М.: Инфра-М, 2016.

²¹ О смене правопорядков см., например: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н. Н. Черногор. М.: ИЗиСП; Инфра-М, 2019.

ций²² и масштабных реформ²³, формирующих особые правовые режимы, свойствами которых являются неопределенность, конфликтность, подвижность границ, созидание нового. Это понятие имеет перспективу продуктивного использования в исследованиях переходных положений законов и судебной практики в ракурсе времени их действия как области, в которой сталкиваются, отстают и наступают два разных правовых порядка²⁴, в изучении длящихся правоотношений в обстоятельствах изменения их нормативной основы, а также модернизации научного знания о механизмах возникновения темпоральных коллизий и способах их разрешения.

В качестве фронта можно рассматривать область столкновения правосознания и социальных норм. Право действует не в вакууме, а в сложном поле социальных норм, морали, традиций. Граница между правовым и неправовым, легальным и легитимным в сознании общества — это тоже фронт. Трансформация правосознания в современной России, его противоречивость и подвижность демонстрируют то, как в общественном сознании происходит борьба между различными ценностно-нормативными матрицами. Юридическая наука посредством концепта фронта может более тонко изучать процессы рецепции права обществом, сопротивления правовым новациям или, наоборот, формирования общественного запроса на правовое регулирование там, где его еще нет.

Значительный потенциал несет в себе применение концепции фронта при изучении взаимодействия правовых культур, национальных правовых систем и порядков, международ-

ного и национального права. Вне зависимости от того, в какой парадигме рассматривается или выстраивается это взаимодействие — субординации или равноправного диалога, общечеловеческого или всечеловеческого, — есть в нем нечто, что находится между этими культурами или порядками. Например, тема БРИКС в этом плане весьма перспективна. Во-первых, потому, что в ней отражаются процессы формирования новой стратегии (типа) цивилизационного развития, основанной на сближении (но не унификации) ценностей и культурных кодов, свойственных разным типам цивилизационного развития. Во-вторых, в связи с тем, что БРИКС — это не только международно-правовая инновация, но и прежде всего цивилизационный феномен, артефакт становления цивилизации нового типа²⁵. Использование понятия фронта является предпосылкой для адекватного определения природы, сущности и формы этого межгосударственного объединения, разработки стратегии последующего его развития.

Фронтальный подход имеет перспективы при изучении бытия кочующих правовых семей²⁶, а также в процессе восстановления места и статуса в сравнительном правоведении арабомусульманской правовой семьи, индусской, китайской и других правовых культур²⁷.

Очевидно, что в самом праве тоже есть фронта, в которых встретились и взаимодействуют старые, укоренившиеся и новые структуры права: отрасли права, комплексные правовые институты, циклические правовые массивы, программы внутренней организации, в том числе самоорганизации, системы права. В результате соответствующего взаимодейст-

²² О социальных революциях см., например: *Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е.* «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М. : Норма : Инфра-М, 2018.

²³ О масштабных государственных реформах см., например: *Хабриева Т. Я.* Конституционная реформа в современном мире : монография. М. : Наука РАН, 2016.

²⁴ Когда старый правопорядок уходит, но держит оборону, а новый наступает, захватывая правовое пространство. Примером первого из упомянутых процессов является переживание закона, иллюстрацией второго служит обратная сила закона.

²⁵ *Хабриева Т. Я.* БРИКС — цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций : материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений (г. Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 г.). СПб. : СПбГУП, 2025. С. 198.

²⁶ О кочующих правовых семьях см.: *Тихомиров Ю. А.* Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. С. 139–140.

²⁷ Об этом см. подробнее: *Саидов А. Х.* Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2020 ; *Он же.* Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии. Ташкент : Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2024.

вия образуются оригинальные сплавы структур, программ и идей. Они еще не осмыслены в полной мере на доктринальном уровне. Но освоение таких артефактов могло бы способствовать дальнейшему развитию, например, темы границ конституционного и законодательного, отраслевого и комплексного регулирования, модернизации подходов к систематизации права и законодательства, а также к решению задач, стоящих перед современной практикой упорядочения нормативных массивов, прежде всего нетипичных.

Означенные предметные области, при изучении которых концепт фронта может засиять в теоретико-правовых исследованиях, да и не только в них, далеко не исчерпывают возможную научную повестку. Но даже приведенные примеры служат наглядной иллюстрацией методологического значения предложенного В. В. Лазаревым решения, которое заключается в следующем.

Во-первых, под таким углом зрения акцент делается на процессе, а не на состоянии, что позволяет изучать право не как статичную систему, а как живой, развивающийся организм, в котором важнейшие события происходят на его «окраинах».

Во-вторых, концепт фронта изначально интердисциплинарен, что облегчает диалог юриспруденции с историей, социологией, антропологией, политологией для комплексного анализа регулятивных процессов.

В-третьих, в фокус исследования попадают не только центральные институты, но и периферийные практики, маргинальные правовые явления, квазиправовые формы, способные оказывать решающее воздействие на общественные отношения.

В-четвертых, этот концепт ориентирует на понимание конфликта как источника развития. Фронт — это зона конфликта, но именно кон-

фликт и конкуренция норм выступают двигателем правового развития, источником инноваций и адаптации²⁸.

В-пятых, он нацеливает не на пассивное наблюдение за зонами напряжения, а на активное выявление зарождающихся в них практик для их последующей легализации или, наоборот, блокировки.

В-шестых, применение оптики фронта актуализирует обращение к собственному историческому опыту государственно-правового развития «окраин» при решении современных проблем интеграции правовых пространств²⁹.

Таким образом, реализация призыва В. В. Лазарева, развитие идеи фронта в теоретическую схему создает доктринальные предпосылки для формирования его правовой концепции, которая в состоянии:

— определить методологические основания³⁰ использования этого понятия в юриспруденции, содержащие установки в том числе на перевод описаний феномена фронта с языков исторической науки, социологии, философии и других наук, освоивших его в контексте своего предмета, на язык юриспруденции; доктринальную идентификацию фронтов по функциональным³¹, а не субстанциональным признакам; ориентацию на исследование процессов, переходов, становления, т.е. динамики, а не статичных состояний;

— установить систему базовых категорий и понятий, включая «фронт» как базовую категорию (родовое понятие), а также видовые понятия, такие как «фронт в праве», «фронт в правовой сфере», «правовой фронт» и др. (по мере разработки концепции этот перечень может быть скорректирован и расширен), отграничить их от смежных понятий;

— предложить классификацию фронтов в предмете юридической науки, например по природе фронта (темпоральный,

²⁸ О юридических конфликтах см., например: Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Инфра-М, 2017.

²⁹ О правовом пространстве см., например: Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17 ; Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 5–22.

³⁰ О разграничении методологии исследования и методологических оснований разработки той или иной темы см., например: Хачиров С. Р. Методологические основания распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве // Экономика. Право. Общество. 2025. № 2. С. 49–55.

³¹ О функциональной идентификации в праве см., например: Черногор Н. Н., Емельянов А. С., Залоло М. В. Генезис постмодерна: к вопросу о функциональной идентификации в праве // Вопросы истории. 2021. № 6 (1). С. 185–194.

пространственный, юрисдикционный, институциональный и др.), сфере возникновения (публично-правовой, частноправовой, межотраслевой и др.), связи с правовым порядком или правовой системой (внутренний, внешний, смешанный), характеристике динамики (зарождающийся, стабильный (перманентный), угасающий);

— задать направления дальнейшего развития соответствующего научного знания, например в сторону углубленного исследования отдельных видов фронтиров, сравнительно-правового изучения того, как различные правовые системы работают с фронтирами, а также разработки практических рекомендаций для законодателя и судов по управлению фронтирами.

Потенциально эта концепция обладает значительными эвристическими возможностями для изучения современных правовых реалий, отличающихся высокой динамикой и сложностью, процессов адаптации права к вызовам времени и преодоления фрагментации правового пространства. Ее использование поможет уловить тенденции, переходные состояния и диалогическую природу современных правовых явлений, сместить фокус с устоявшихся, институционализованных форм права на процессы их становления и трансформации на границах права и сферы правового регулирования.

В практическом плане она могла бы служить законодателю подспорьем в своевременном обнаружении фронтиров в праве, правовой сфере, в понимании логики происходящих в них процессов и принятии государственно-властных решений о форме и степени вторжения государства и права во фронт. Обеспечивающее данный функционал мастерство управления фронтирами, по сути, есть неотъемлемая часть искусства правового регулирования в современном обществе.

Дальнейшие рассуждения о правовой концепции фронта обнаруживают потребность

в уточнении используемой терминологии для ее наименования по причине очевидной конкуренции терминов «концепция правового фронта» и «правовая концепция фронта».

Фронт — универсальное явление, пронизывающее всю государственно-правовую жизнь на всех ее уровнях. Но он также характеризует зону за границей права, территорию по ту сторону его границы. Например, на стыке права и морали фронт с одинаковым успехом может быть назван как правовым, так и моральным³². Присвоение ему одного из этих наименований будет демонстрировать увлеченность исследователя одним из этих социальных регуляторов, локацию отправной точки исследования в области действия либо права, либо морали. Правовой фронт — это частный случай. Он указывает на соответствующие зоны между структурами права, правопорядками. Этот термин апробирован юристами при описании регулирования трансграничных общественных отношений³³. Таким образом, более точный и емкий термин, на наш взгляд, «правовая концепция фронта». Он отражает междисциплинарность базового концепта и его видовое разнообразие в правовой материи.

С целью всесторонней объективной оценки идеи применения концепции фронта в правовых исследованиях наряду с аргументами *про* следует рассмотреть и доводы *контра*.

Например, во фронте ключевую роль в создании новых юридических норм де-факто играет не законодатель, а правоприменители, прежде всего судьи. Такое определение ролей в правотворчестве проблематизирует традиционное представление о разделении властей, его конституционную модель, в некотором смысле опровергает их.

Увлечение идеей фронта может увести юридическую науку в опасную романтизацию хаоса и так называемого разгосударствления права³⁴, стать основой для оправдания правовой неопределенности, ослабления законности и стабильности правопорядка. Акцент на пере-

³² В свете данной констатации рассматриваемые фронты по отношению к праву можно дифференцировать на инклюзивные и эксклюзивные. Об эксклюзивности и инклюзивности в праве см., например: Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Эксклюзивность и инклюзивность в праве // Экономика. Право. Общество. 2024. № 9 (4). С. 14–20.

³³ См.: Нефедов Б. И. Правовой фронт в регулировании трансграничных общественных отношений // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 6–16.

³⁴ О концепциях разгосударствления права см., например: Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.

ходных, гибридных формах грозит размыванием авторитета права.

Наконец, применение концепции фронта представляет собой вызов устоявшейся логике исследования и преподавания права, так как предлагает изучать право не сверху вниз (от нормы к реализации), а от краев к центру (от практик на границах к трансформации ядра).

Критический взгляд на идею применения концепции фронта в правоведении необходим и полезен не менее, чем выявление ее позитивного потенциала. При этом пытливый ум, взвешивающий все за и против, попадает в своеобразный фронт, в котором сталкиваются положительные ожидания и опасения, позитивные и негативные прогнозы, преимущества и недостатки обсуждаемого фокуса в изучении права. Именно в нем правоведам предстоит отыскать ту золотую середину, т.е. нечто между полярными суждениями, которая позволит определить содержание правовой концепции фронта и пределы ее применения в исследованиях.

Заключение

Автор осознает, что среди читателей найдутся скептики (возможно, их будет немало), узревшие в представленных рассуждениях общеизвестные положения, характеризующие право с позиций, например, марксистского, социологического и антропологического подходов к его изучению, и по этой причине не увидевшие в авторских тезисах никакой новизны. В связи с этим в завершение сто́ит подчеркнуть, что изложенное видение возможного использования понятия фронта в теоретико-правовых и государствоведческих исследованиях и тем более его соответствующей концептуализации в юридической науке предлагается без претензий на бесспорную истину и первенство идей, а также на охват всей проблематики фронта в праве и государственно-правовой сфере. Статья в значительной степени преследует цель привлечь внимание к этой теме и создать повод для научной дискуссии, в которой идея В. В. Лазарева обретет более внятное, выразительное и выверенное теоретико-правовое содержание.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Емельянов А. С., Черногор Н. Н. Эксклюзивность и инклюзивность в праве // Экономика. Право. Общество. 2024. № 4. С. 14–20.
- Корнев А. В. Междисциплинарность в юридических исследованиях // Юридическое образование и наука. 2023. № 8. С. 26–33.
- Лазарев В. В. Академическая юридическая наука и ее место в обществознании : доклад на пленарном заседании XI Годового собрания теоретиков права «Концепции развития российского законодательства как достижение современной академической науки (к 300-летию Российской академии наук)» (г. Москва, ИЗиСП, 28 февраля 2024 г.) // URL: <https://izak.ru/institute/events/xi-godovoe-sobranie-teoretikov-prava-kontseptsii-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-kak-dostizhen/>.
- Лазарев В. В. Государство в свете мемологии // Журнал российского права. 2020. № 3. С. 5–18.
- Лазарев В. В. Определение сферы правового регулирования // Правоведение. 1980. № 5. С. 64–71.
- Лазарев В. В. Поиск права // Журнал российского права. 2004. № 7. С. 3–14.
- Лазарев В. В. Пробелы в праве и пути их устранения. М. : Юридическая литература, 1974. 184 с.
- Лазарев В. В. Сфера и пределы правового регулирования // Советское государство и право. 1970. № 11. С. 39–40.
- Мажорина М. В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–217.
- Механизм правового мониторинга : науч.-практ. пособие / Д. Б. Горохов, А. А. Каширкина, А. Н. Морозов [и др.] ; отв. ред. А. В. Павлушкин. М. : Инфра-М, 2016. 156 с.
- Нефедов Б. И. Правовой фронт в регулировании трансграничных общественных отношений // Московский журнал международного права. 2023. № 3. С. 6–16.
- Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка : монография. Т. 1 / отв. ред. отв. ред. Н. Н. Черногор. М. : ИЗиСП ; Инфра-М, 2019. 348 с.
- Панарина Д. С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 17–18.

Правовой мониторинг : науч.-практ. пособие / под ред. Ю. А. Тихомирова, Д. Б. Горохова. М. : Юриспруденция, 2009. 415 с.

Правовой мониторинг: актуальные проблемы теории и практики : монография / под ред. Н. Н. Черногора. М. : Изд-во Международного юридического института, 2010. 231 с.

Рибер А. Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход // Новая имперская история постсоветского пространства : сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского [и др.]. Казань : Центр исследований национализма и империи, 2004. С. 199–222.

Саидов А. Х. Сравнительное правоведение : академический учебник. М. : Норма : Инфра-М, 2020. 319 с.

Саидов А. Х. Сравнительное изучение западных и незападных правовых традиций: проблемы методологии. Ташкент : Национальный центр Республики Узбекистан по правам человека, 2024. 66 с.

Тернер Ф. Дж. Фронт в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М. : Весь мир, 2009. 303 с.

Тихомиров Ю. А. Курс сравнительного правоведения. М. : Норма, 1996. 427 с.

Тихомиров Ю. А. Правовое пространство: равновесие и отклонения // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2017. № 4. С. 4–17.

Хабриева Т. Я. БРИКС — цивилизационный феномен в координатах права и юридической доктрины // БРИКС как новое пространство диалога культур и цивилизаций : материалы XXII Международных Лихачевских научных чтений (г. Санкт-Петербург, 12–13 апреля 2024 г.). СПб. : СПбГУП, 2025. С. 197–200.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в современном мире. М. : Наука РАН, 2016. 320 с.

Хабриева Т. Я. Право в реалиях технологической революции : монография. М. : Норма : Инфра-М, 2025. 168 с.

Хабриева Т. Я. Правовые очерки технологической революции. М. : Норма : Инфра-М ; Российская академия наук, 2025. 144 с.

Хабриева Т. Я. Технологические сюжеты глобального развития в фокусе правовой доктрины // Лекции и доклады членов Российской академии наук в СПбГУП (2013–2023). К 300-летию Российской академии наук : сборник статей. СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов, 2023. С. 957–964.

Хабриева Т. Я., Габов А. В., Капустин А. Я., Черногор Н. Н. Конфликт интересов: природа, предупреждение, социальное регулирование // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 3. С. 3–12.

Хабриева Т. Я., Черногор Н. Н. Будущее права. Наследие академика В. С. Стёпина и юридическая наука. М. : ИЗИСП при Правительстве РФ ; Инфра-М, 2020. 176 с.

Хабриева Т. Я., Чиркин В. Е. «Цветные революции» и «арабская весна» в конституционном измерении: политолого-юридическое исследование. М. : Норма : Инфра-М, 2018. 192 с.

Хачиров С. Р. Методологические основания распознавания и изучения циклических нормативных массивов в праве // Экономика. Право. Общество. 2025. № 2. С. 49–55.

Черногор Н. Н., Емельянов А. С. Пространственно-правовая матрица современной России // Журнал российского права. 2020. № 5. С. 5–22.

Черногор Н. Н., Емельянов А. С., Залоило М. В. Генезис постмодерна: к вопросу о функциональной идентификации в праве // Вопросы истории. 2021. № 6 (1). С. 185–194.

Юридический конфликт : монография / О. А. Акопян, С. Б. Бальхаева, А. А. Головина [и др.] ; отв. ред. Ю. А. Тихомиров. М. : Инфра-М, 2017. 310 с.

REFERENCES

Chernogor NN. General Teaching on the Legal Order: The Rise of Law and Order. Vol. 1. Moscow: IZiSP: Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

Chernogor NN (ed.). Legal monitoring: current problems of theory and practice. Moscow: Publishing House of International Juridical Institution; 2010. (In Russ.).

Chernogor NN, Emelyanov AS, Zaloilo MV. The Genesis of Postmodern: On The Question of Functional Identification in Law. *Voprosy istorii*. 2021;6(1):185-194. (In Russ.).

Chernogor NN, Emelyanov AS. Spatial and Legal Matrix of Modern Russia. *Journal of Russian Law*. 2020;5:5-22. (In Russ.).

Comparative study of Western and non-Western legal traditions: Problems of methodology. Tashkent: National Centre for Human Rights of the Republic of Uzbekistan; 2024. (In Russ.).

Emelyanov AS, Chernogor NN. Exclusivity and inclusivity in law. *Economics. Law. Society*. 2024;4:14-20. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Chernogor NN. The Future of Law: The Legacy of Academician V. S. Stepin and Legal Science. Moscow: Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation. Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Khabrieva TYa, Chirkin VE. «Color Revolutions» and the «Arab Spring» in the Constitutional Dimension: A Political and Legal Study. Moscow: Norma; Infra-M Publ., 2018. 192 c.

Khabrieva TYa, Gabov AV, Kapustin AYa, Chernogor NN. Conflict of Interest: Nature, Prevention, Social Regulation. *Journal of Foreign Legislation and Comparative Law*. 2018;3:3-12. (In Russ.).

Khabrieva TYa. BRICS as a Civilizational Phenomenon in the Coordinates of Law and Legal Doctrine. In: *BRICS as a New Space for Dialogue of Cultures and Civilizations: 22nd International Likhachov Scientific Readings, April 12–13, 2024*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2024. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Constitutional reform in the modern world. Moscow: Nauka Publ; 2016. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Law in the realities of the technological revolution. Moscow: Norma: Infra-M Publ., 2025. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Legal essays of the technological revolution. Moscow: Norma; Infra-M Publ. Russian Academy of Sciences; 2025. (In Russ.).

Khabrieva TYa. Technological Narratives of Global Development in the Focus of Legal Doctrine. In: Lectures and Reports of Members of the Russian Academy of Sciences at St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences (2013–2023). *On the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences: Collected Articles*. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences Press; 2023. (In Russ.).

Khachirov SR. Methodological Foundations of Recognition and Study of Cyclic Normative Arrays in Law. *Economics. Law. Society*. 2025;2:49-55. (In Russ.).

Kornev AV. Interdisciplinarity in Legal Studies. *Legal Education and Legal Science*. 2023;8:26-33. (In Russ.).

Lazarev VV. Academic legal science and its place in social studies. Report at the plenary session of the 11th Annual Meeting of Legal Theorists «Concepts for the Development of Russian Legislation as an Achievement of Modern Academic Science (Dedicated to the 300th Anniversary of the Russian Academy of Sciences)» (Moscow, ILaCL, February 28, 2024). Available at: <https://izak.ru/institute/events/xi-godovoe-sobranie-teoretikov-prava-kontseptsii-razvitiya-rossiyskogo-zakonodatelstva-kak-dostizhen/>.

Lazarev VV. Gaps in law and ways to eliminate them. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1974. (In Russ.).

Lazarev VV. Scope and limits of legal regulation. *Sovetskoy gosudarstvo i pravo*. 1970;11:39-40.

Lazarev VV. Search of Law. *Journal of Russian Law*. 2004;7:3-14. (In Russ.).

Lazarev VV. State in the Light of Memology. *Journal of Russian Law*. 2020;3:5-18. (In Russ.).

Lazarev VV. The Definition of Law Regulation Sphere. *Pravovedenie*. 1980;5(64-71). (In Russ.).

Mazhorina MV. Private International Law in Context of Globalization: from Privatization to Fragmentation. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2018;1:193-2017. (In Russ.).

Nefedov BI. Legal Frontier in the Regulation of Cross-Border Public Relations. *Moscow Journal of International Law*. 2023;3:6-16. DOI: <https://doi.org/10.24833/0869-0049-2023-3-616>.

Panarina DS. A border and frontier as a factor in the development of a region and/or country. *Istoriya i sovremennost*. 2015;1:17-18. (In Russ.).

Pavlushkin AV. Legal monitoring mechanism. Moscow: Infra-M Publ.; 2016. (In Russ.).

Riber A. Changing concepts and designs of the Frontier: A comparative historical approach. In: Gerasimov IV, Glebov SV, Kaplunovskiy AP, et al. *New imperial history of the post-Soviet space. A collection of articles*. Kazan: Center for Nationalism and Empire Studies Publ.; 2004. (In Russ.).

Saidov AKh. Comparative Law Studies. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2020. (In Russ.).

Terner FG. Frontier in American history. Tr. from Eng. By Petrenko AI. Moscow: Ves mir Publ.; 2009. (In Russ.).

Tikhomirov YuA, Gorokhov DB. Legal Monitoring. Moscow: Yurisprudentsiya Publ.; 2009. (In Russ.).

Tikhomirov YuA. Comparative Law Course. Moscow: Norma Publ.; 1996. (In Russ.).

Tikhomirov YuA. Legal Conflict. Moscow: Infra-M Publ.; 2017. (In Russ.).

Tikhomirov YuA. Legal space: equilibrium and deviations. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2017;4:4-17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Черногор Николай Николаевич, доктор юридических наук, профессор, профессор РАН, советник директора Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации
д. 34, Большая Черемушкинская ул., г. Москва 117218, Российская Федерация
chernogor72@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay N. Chernogor, Dr. Sci. (Law), Professor, RAS Professor, Adviser to the Director of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation
chernogor72@yandex.ru

Материал поступил в редакцию 28 февраля 2026 г.

Статья получена после рецензирования 13 апреля 2026 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 28.02.2026.

Revised 13.04.2026.

Accepted 15.05.2026.

Семья как основа традиционных ценностей

Резюме. В статье анализируются семейные отношения с позиций формирования, сохранения, воспроизводства правил поведения и системы ценностей. Автор исходит из того, что семья отражает тенденции развития общества и аккумулирует морально-нравственные принципы. Сохранение и воспроизводство моральных установок происходит на уровне семейных отношений, для которых предусмотрены различные социальные регуляторы. Использование в современном законодательстве терминов «традиционные ценности», «традиционные семейные ценности» подтверждает значимость и регулятивные свойства неписаных норм. Автор исследует ряд категорий («традиция», «мораль» и др.) сквозь призму семейных отношений. По его мнению, социальные регуляторы необходимо подразделять на базовые (или фундаментальные) и производные. Традиции и мораль рассмотрены в качестве базового регулятора и основы для развития регулятивной системы. Изменение подхода к институту семьи способно привести к трансформации базовых регуляторов, которая может носить как эволюционный, так и разрушительный характер. Повышенное внимание в работе уделяется традиционным семейным ценностям. Аргументируется значение семейных отношений для формирования социальных регуляторов. Оценивается роль обычаев в сфере семейных отношений как древнейшего регулятора. Подчеркивается, что с появлением семьи возникла необходимость регулирования социальных отношений. Формулируются морально-нравственные функции семьи.

Ключевые слова: семейные отношения; система ценностей; традиционные ценности; традиционные семейные ценности; регулятивная система; обычай

Для цитирования: Наумкина В. В. Семья как основа традиционных ценностей. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 35–43. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.035-043

Family as the Foundation of Traditional Values

Valentina V. Naumkina

Khakassian State University named after N.F. Katanov (KhSU)
Abakan, Russian Federation

Abstract. The article analyzes family relations from the perspective of the formation, preservation, and reproduction of rules of conduct and systems of values. The author proceeds from the premise that the family reflects broader trends in social development and serves as a repository of moral and ethical principles. The preservation and transmission of such normative commitments occur at the level of family relations. Family relations are governed by a variety of social regulators, and the use in contemporary legislation of such terms as «traditional values» and «traditional family values» confirms both the significance and the regulatory force of unwritten norms. Against this background, the author examines a number of categories, including tradition and morality, through the lens of family relations. The article argues that social regulators should be divided into basic (or fundamental) and derivative regulators, with tradition and morality understood as foundational regulators that serve as the basis for the development of the regulatory system. Changes in attitudes toward the institution of the family may lead to a transformation of these basic regulators, and such transformation may be either

evolutionary or destructive for the system of values. Particular attention is paid to traditional family values and to their defining characteristics. The article substantiates the importance of family relations for the formation of social regulators, assesses the role of custom in the sphere of family relations as the oldest form of regulation, and emphasizes that the emergence of the family gave rise to the need to regulate social relations. In conclusion, the author identifies the moral and ethical functions of the family.

Keywords: family relationships; value system; traditional values; traditional family values; regulatory system; custom

Cite as: Naumkina VV. Family as the Foundation of Traditional Values. *Lex russica*. 2026;79(6):35-43. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.035-043

Введение

Семейные отношения как социальное явление рассматриваются в контексте различных социально-гуманитарных наук: теории права, философии, этнографии, истории, культурологии, демографии, — поскольку включают множество аспектов.

Проблематика семейных отношений с точки зрения традиционных ценностей приобрела особую актуальность в постсоветской России. Ей посвящены фундаментальные исследования П. Л. Полянского, П. А. Якушева и др. Отдельные стороны семейно-брачных отношений с позиции традиционных ценностей нашли отражение в трудах Т. Ю. Архирейской, Н. Ф. Беляевой, Н. А. Шаожевой, О. А. Шаваевой. Теоретико-правовые подходы, связанные с традиционными семейными ценностями, изложены Ж. Н. Дюльдиной, Н. И. Матузовым, С. В. Новиковой, Т. А. Рассадиной, Ф. В. Чирковым.

Такое внимание к проблематике обусловлено необходимостью выявить значимость традиционных семейных ценностей и причину их трансформации в постсоветское время. Несмотря на наличие научного интереса, не все вопросы данной темы освещены в полном объеме.

Совокупность элементов различных методологических подходов (формационного, цивилизационного, историко-эволюционного) позволила вычлнить морально-нравственную составляющую, которая определяет традиционные семейные ценности как фундамент социальных отношений в обществе. Кроме того, методологической основой служит комплекс различных методов познания, выработанных современной юриспруденцией и иными гуманитарными науками, включающий метод анализа (изучение отдельных сегментов предмета исследования), системный метод (использование выводов не только по юриспруденции, но и по иным социальным и гуманитарным наукам), функциональный (рассмотрение традиционных

семейных ценностей через их роль в системе социальных регуляторов) и др.

1. Социальные нормы и семейные отношения

Семья — старейшая и достаточно устойчивая разновидность социальных отношений и форма самоорганизации в обществе. Она возникла в догосударственный период. Первый опыт социальных отношений развивался в рамках семьи. Поэтому важнейшие морально-нравственные принципы и нормы общества складывались, применялись и сохранялись в семейных отношениях. Семья и сегодня формирует коммуникативные навыки, основы социальных связей, ценности личности и устои в обществе, оказывает первоочередное воспитательное воздействие на индивида.

Семья и брак — системообразующие элементы в социальной сфере и фундамент современного общества. Любое социальное взаимодействие базируется на морально-нравственной составляющей, которая в семейных отношениях прослеживается наиболее четко.

Именно в семье зарождались морально-нравственные нормы. Как правило, семейные отношения в историческом аспекте рассматриваются либо с точки зрения хозяйственно-бытовой и экономической деятельности, либо с позиции воспроизводства населения. Такой подход объясняется тем, что экономическую или хозяйственную составляющую проще измерить в динамике. Нематериальная сторона семейных отношений чаще всего носит скрытый, глубинный характер, ее сложнее оценить.

Изначально семья была представлена несколькими поколениями родственников и строилась не на браке, а на родственных связях. Главной задачей семьи было выживание в сложных условиях. Большое количество родственников обосновывалось выполнением хозяйственных функций, а также противостоя-

нием внешним угрозам и вызовам. Молодая семья экономически не могла позволить себе отделиться.

Стабильный состав традиционной семьи — причина постоянства и консерватизма, способствующих выработке стереотипов поведения, которые впоследствии превратились в обычаи или иные социальные нормы. Первоначально регулятором семейных отношений выступали традиции и обычаи, сформированные на основе жизненно важных потребностей и выработанных стереотипов поведения.

В силу необходимости регулирования общественных отношений по мере их усложнения и появления различных видов социальных связей правила, выработанные веками, преобразовывались в социальные нормы. В зависимости от исторического периода менялись подходы к регламентации, способы фиксации правил и формы социальных регуляторов.

Развитие социальных отношений привело к построению сложной системы регуляторов. Еще раз подчеркнем, что базовые принципы и нормы берут свое начало в семейных отношениях. Здесь происходит передача ценностей и воспитание моральных качеств личности.

Из всех разновидностей социальных отношений семейные наиболее тесно взаимосвязаны с обычным правом, традициями и традиционными ценностями. Поэтому семью можно назвать колыбелью и хранителем этих ценностей и традиций.

На протяжении длительного времени писаное право не регулировало семейные отношения. Как в имущественной, так и в неимущественной сфере главенствовали обычаи. Обычаи в неимущественной сфере отличались ярко выраженной консервативностью. Если имущественные отношения постоянно развивались и вместе с ними обновлялись нормы, то неимущественные носили фундаментальный характер и были основой всех общественных отношений.

На уровне семьи складывались первые обычаи. Обычное право как системное явление воз-

никло в более поздний период при наличии разных видов социальных связей, но база для этого была заложена в семейных отношениях.

Как историко-культурный феномен обычное право имеет ярко выраженную социальную направленность, поскольку главная его цель и назначение заключаются не только в регулировании общественных отношений и разрешении конфликтных ситуаций, но и в создании идейно-нравственного единства общества для выживания и дальнейшего развития.

Под воздействием норм обычного права формировались требования к каждому члену общества с учетом различных вызовов внешней среды. Использование обрядов позволяло визуализировать мероприятие для усиления воспитательного эффекта и фиксации события в памяти. Нормы обычного права принято называть архаичными, указывая на их жесткость. Содержание социальных норм всегда опирается на социально-культурный уровень развития и отражает характер взаимоотношений в обществе.

Обычаи оставались приоритетным регулятором в сфере семейно-брачных отношений даже в период стремительного распространения писаного права. Как правило, этот феномен объясняют тем, что семейные отношения не входили в сферу основополагающих (фискальных) интересов государства, поэтому долгое время не были охвачены нормативными правовыми актами.

Фискальная политика государства имела большое значение, но не являлась единственной причиной его отказа от правового регулирования семейно-брачных отношений. Здесь свою роль сыграли политико-правовые факторы.

Во-первых, территория Российской империи постоянно расширялась. При освоении новых земель¹ создавался некий симбиоз социальных регуляторов из существующих норм и норм писаного права, принятых для данной территории². Такой двойственный подход к социальному регулированию на новых территориях позволял сделать процесс интеграции в российское правовое пространство более мягким.

¹ Например, территории Сибири и Дальнего Востока, Царства Польского, Великого княжества Финляндского. Новые территории различались по социально-экономическому уровню развития, религии, культуре и хозяйственной деятельности. Они имели различные регулятивные системы. Российская империя на одних территориях признавала и сохраняла обычное право и традиционную систему управления (кочевые народы Сибири), на других — действующие до вхождения в состав Российского государства нормы писаного права (так называемая конституция Великого княжества Финляндского).

² Белодед А. Ю. Статус территориальных автономий в Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2009. № 2 (9). С. 16.

Во-вторых, общество всегда с трепетом воспринимало всё, что касается семейно-брачных отношений, так как они непосредственно затрагивают каждого. Поэтому государственная политика была направлена на сохранение существующих норм и регуляторов в обозначенной сфере.

Например, на территории Российской империи вплоть до советского периода семейные отношения регулировались преимущественно обычаями, поскольку распространение на них законодательства могло привести к общественному отторжению государственной власти и народным волнениям. Кроме того, процесс внедрения писаного права в центральной части страны протекал неравномерно. Важнейшие причины: наличие иных регуляторов и существенные различия в укладе жизни разных сословий. К таким регуляторам можно отнести обычаи, в которых отражались традиционные ценности и религиозные воззрения. Российское крестьянство вплоть до первой четверти XX в. сохраняло общинный уклад и использовало обычаи. Коллективное начало общинного уклада обеспечивало управляемость сообществом.

В-третьих, сохранение и признание традиционных регуляторов в области семейных отношений было вызвано и социальными факторами. Морально-нравственные основы семейных отношений у разных народов совпадают, особенно если они проживают в сходных условиях. Поэтому лояльность государства объяснялась наличием единых принципов и целей у различных этносов Российской империи. Традиционные семейные ценности принадлежат к древнейшей совокупности жизненных ориентиров общества, религиозные воззрения и культура этноса сложились позже и развивались на базе семейных ценностей.

Таким образом, необходимость регулирования социальных отношений возникла с появлением семьи. Первые социальные регуляторы формировались и действовали в рамках семьи. Морально-нравственная составляющая социальных отношений по-прежнему опирается главным образом на традиционные регулято-

ры, которые служат основой российской семьи и воспитания личности.

2. Традиционные семейные ценности в системе социальных регуляторов

В российском законодательстве не только признаются традиционные ценности³ и традиционные семейные ценности⁴, но и проводится государственная политика по их сохранению и укреплению⁵. В 2020 г. сохранение традиционных семейных ценностей вошло в текст Конституции РФ (п. «в» ч. 1 ст. 114) в качестве направления работы Правительства РФ. Закрепление в Конституции РФ традиционных семейных ценностей и необходимости их сохранения говорит об их значимости, актуальности и перспективности данного направления деятельности для современной России.

Семейные отношения и традиционные семейные ценности являются объектом пристального внимания с позиции ряда гуманитарных и социальных наук. Научный интерес к указанной тематике вызван трансформацией ценностных установок в обществе.

Любое общество переживает различные этапы своего существования, поэтому важно понять вектор развития семейных отношений и традиционных семейных ценностей как фундаментальной мировоззренческой основы нематериальной составляющей изменения общества. Трансформация ценностей может как носить эволюционный характер, так и быть показателем разрушения морально-нравственной опоры.

Традиционные ценности (в том числе и семейные) — устойчивая система, которая формируется веками и базируется на ключевых аспектах выживания и совершенствования общества. Отказ от них приводит к необратимым последствиям.

В мировой истории много примеров разрушения экономически сильных государств изнутри. Общество сначала утрачивает единство, потом теряет государство. Наличие внутреннего единства и национальной идеи делает

³ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Указ Президента РФ от 22.11.2023 № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи» // СПС «КонсультантПлюс».

⁵ См.: Федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» // СПС «КонсультантПлюс».

государство сильным. Традиционные ценности выполняют системообразующую функцию и выступают фактором единения общества. На их основе образуются идеалы и цели.

Традиционные семейные ценности в настоящее время занимают особое место в политике Российского государства, повышенное внимание к ним на государственном уровне неслучайно, оно обусловлено современными вызовами и задачами.

Эти ценности — фундамент любого государства⁶, в них отражаются культура народа, религиозные воззрения, уровень социально-экономического развития, наличие единства общественных интересов и т.д.

Нельзя не согласиться с Ж. Н. Дюльдиной, которая относит семейные ценности и традиции к оплоту государственности и сильной державы⁷. Столпом общества служит семья, где прививаются общечеловеческие ценности и моральные устои, происходит воспитание личности.

Существует множество социальных регуляторов, которые появлялись на различных этапах существования общества (обычаи, мораль, традиции, религия, писаное право и т.д.). Для каждого этапа характерна своя совокупность регуляторов, что вызвано множеством объективных факторов. Социальные регуляторы могут утрачивать приоритетное значение и регулятивные свойства либо трансформироваться (например, в нормы писаного права).

Социальные регуляторы дифференцируются не только по форме, но и по воздействию и назначению в регулятивной системе. По назначению можно выделить основополагающие, или базовые, и производные.

Базовые регуляторы отличаются содержанием и действием по времени. Они опираются на принципиальные морально-нравственные начала социальных отношений, общечеловеческие ценности и социальный опыт, выработанный несколькими поколениями, поэтому у различных народов (с разной религией, уровнем социально-экономического развития, культурой и т.д.) имеют сходное содержание. Эти регуляторы могут иметь неодинаковую форму,

но совпадают по смыслу и направленности. Базовые социальные регуляторы — это в первую очередь традиции и мораль. Данная группа регуляторов создает нравственную основу для любых социальных регуляторов, поэтому характеризуется устойчивостью и консервативностью.

Производные регуляторы имеют совершенно иное назначение и не призваны формировать фундамент регулятивной системы. Они зиждутся на базовых регуляторах и включают правила поведения для конкретной ситуации. Данные регуляторы детализируют содержание традиций и норм морали в зависимости от экономических, хозяйственных и иных интересов. Производным социальным регуляторам свойственна гибкость, поскольку они направлены на регулирование конкретных общественных отношений и должны соответствовать изменениям в различных сферах жизнедеятельности. Производные социальные регуляторы — это большинство социальных норм.

Термин «традиция» можно рассматривать в широком и узком смысле. В широком понимании это тенденции (или закономерности) в социальной сфере, в узком — совокупность принципов взаимоотношений в обществе, которые составляют основу для формирования социальных норм.

Традиции, в отличие от иных норм, носят обобщенный характер, а правила поведения (предписания) всегда конкретны. Поэтому из традиции может родиться большое количество социальных норм, которые будут детализировать поведение индивида. Одна традиция способна дать начало нескольким поколениям социальных норм. Традиции очень прочно укрепляются в сознании и воспринимаются индивидом как императивные правила, поэтому иногда могут выступать в качестве самостоятельного социального регулятора.

«Мораль» — сложная, многогранная категория, этот термин используется в следующих смыслах:

- 1) как синоним нравственности⁸,
- 2) совокупность нравственных норм и принципов⁹,

⁶ Шаваева О. А. Традиционные семейные ценности адыгов // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова. 2014. № 1 (3). С. 187.

⁷ Дюльдина Ж. Н. Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства // Власть. 2013. № 11. С. 100.

⁸ Матузов Н. И. Право в системе социальных норм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 2 (213). С. 148–149.

⁹ Шахматов В. П. Понятие и источники семейного права. Красноярск, 1978. С. 3.

3) форма общественного сознания¹⁰,

4) форма социального контроля, имеющая специфическое содержание, способы и методы осуществления требований общественной дисциплины¹¹.

Мы рассматриваем мораль в качестве совокупности нравственных ориентиров общества. Именно мораль порождает оценочные суждения и создает общественное мнение. Оценочный характер имеет воспитательное воздействие, поэтому мораль имеет огромное значение в процессе социализации личности.

Традиции и мораль в совокупности есть принципиальные начала всех правил поведения, основа для формирования и функционирования остальных социальных норм. Они характеризуются стабильностью и устойчивостью, а также способностью регулировать общественные отношения и вместе с тем не содержат конкретных правил поведения (предписаний), а только устанавливают поведенческие границы. При отсутствии социальной нормы общество руководствуется моралью и традициями. Поведение личности может базироваться как на правиле поведения, так и на традициях или моральных установках. Следовательно, традиции и мораль при отсутствии конкретного правила поведения играют его роль.

Традиции и мораль выполняют несколько функций. Во-первых, образуют фундамент для образования социальных регуляторов, мировоззрения и ценностных ориентиров общества. Во-вторых, определяют нравственные границы как поведения личности, так и развития, содержания и функционирования социальных регу-

ляторов. В-третьих, служат индикатором всех изменений в социальной сфере, критерием оценивания поступков и ситуаций.

Традиции и мораль являются основой для формирования и функционирования традиционных ценностей. Традиционные ценности определяются в различных социокультурных контекстах, поскольку представляют собой сложную систему морально-нравственных и духовных ориентиров¹². Важнейшие характеристики традиционных ценностей:

1) поддержание социальной устойчивости и стабильности¹³,

2) содействие сохранению гармоничного существования человека в обществе¹⁴,

3) объединение основания и цели деятельности¹⁵,

4) отражение основополагающих социальных предпочтений¹⁶,

5) аккумулярование исторически накопленного социального опыта и выполнение функции основы общественного консенсуса¹⁷.

В 2022 г. Указом Президента РФ впервые в Российской Федерации было закреплено официальное понятие «традиционные ценности»¹⁸. Под традиционными ценностями понимаются нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России.

¹⁰ Абросимова О. К. Взаимодействие права и морали в российском обществе постперестроечного периода. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. С. 50 ; Алексеев Л. И. Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе. М. : Юридическая литература, 1968. С. 15.

¹¹ Головкин Р. Б. Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2004. С. 35.

¹² Якушев П. А. Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. С. 18.

¹³ Шаожева Н. А. Традиционные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 3 (77). С. 105.

¹⁴ Шаожева Н. А. Указ. соч. С. 105.

¹⁵ Чирков Ф. В. Понятие традиционных российских ценностей и их правовое значение. Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 330.

¹⁶ Чирков Ф. В. Указ. соч. С. 330.

¹⁷ Рассадина Т. А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М. : Прометей, 2004. С. 101.

¹⁸ Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809.

Указанное понятие воспроизводит содержание традиционных ценностей с позиции социальных отношений на уровне общества и государства. Традиционные ценности включают ценности в различных сферах, например семейные, культурные, общенациональные, религиозные и т.д. При всей своей многогранности традиционные ценности — единое системное явление, поскольку в них заложены нравственные начала общества.

Как системное явление традиционные ценности характеризуются единством и наличием взаимосвязи всех ценностных установок. При трансформации нравственных начал или отдельной составляющей вся система традиционных ценностей будет деформироваться. Трансформация семейных ценностей неизбежно отразится на ценностях в иных сферах жизнедеятельности общества.

Под традиционными семейными ценностями понимают:

1) морально-нравственные ориентиры, разделяемые большинством людей данного государства, выступающие эталоном дальнейшего развития общества и определяющие этическую сущность семьи, воспитания детей¹⁹;

2) взаимосвязь моральных, нравственных, культурных, традиционных, национальных особенностей в малой социальной группе, основанной на браке, кровном родстве²⁰;

3) исторически сформированные в обществе нормативные модели должного в семейных отношениях, поддерживаемые большинством членов общества и обеспечивающие выполнение семьей главных функций: демографической, воспитательной, экономической, социально-культурной, хозяйственно-бытовой²¹.

Традиционные семейные ценности складывались на протяжении длительного времени наряду с семейными отношениями²², они представляют собой производную от традиций общества, базируются на социальном опыте поколений, нормах морали и обычном праве.

Нормы морали определяют нравственную составляющую, а нормы обычного права содержат правила взаимодействия в социуме.

Традиционные семейные ценности и семейные отношения — неразрывно взаимосвязанные и взаимообусловленные социальные феномены. С одной стороны, традиционным ценностям свойственны инвариативность и ригидность к трансформациям. С другой стороны, они могут как укрепляться, так и ослабевать, теряя свои регулирующие свойства²³. Утрата традиционных ценностей в первую очередь отражается на семье и семейных отношениях, далее распространяется на общество в целом.

Традиционные семейные ценности — плод практической деятельности, они возникли под воздействием семейных отношений. В свою очередь, семейные отношения основаны на традиционных ценностях. Взаимосвязь семьи и традиционных семейных ценностей характеризуется непрерывностью процесса трансцендентного регулятивного воздействия.

Традиционные семейные ценности обладают следующими свойствами:

1) фиксируют духовно-нравственные, социокультурные принципы семейных отношений;

2) служат основой мировоззрения и социализации личности;

3) обладают регулятивной способностью;

4) формируют оценочные суждения;

5) закрепляют наиболее значимые результаты социального опыта и социальные предпочтения;

6) обеспечивают выполнение функций семьи;

7) являются системообразующими: утрата ими устойчивости приводит к трансформации регулятивной системы, нравственности, духовного единства общества, эти ценности объединяют социальные регуляторы, имеющие единую аксиологическую базу, в единую регулятивную систему.

¹⁹ Архирейская Т. Ю. Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей в контексте конституционной реформы 2020 г. // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2021. № 2 (48). С. 9.

²⁰ Дюльдина Ж. Н. Указ. соч. С. 98.

²¹ Якушев П. А. Указ. соч. С. 18.

²² Ваграмова Ч. N. The socio-psychological nature of the factors affecting the system of national family values // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 10. No. 2 (35). P. 351.

²³ Якушев П. А. Указ. соч. С. 18.

Заключение

Семейные отношения исторически имели две оставляющие: морально-нравственную и хозяйственно-бытовую. Морально-нравственная составляющая формировалась общественным сознанием и демонстрировала уровень социально-культурного, духовного и экономического развития социума. Хозяйственная составляющая семейно-брачных отношений определяется экономическим развитием общества.

Повышение уровня жизни и развитие экономико-хозяйственной сферы привели к отказу от традиционной семьи и экономической самостоятельности молодежи. Поэтому хозяйственно-бытовая составляющая семейных отношений утратила свою актуальность. Морально-нравственный аспект продолжает быть фундаментом семьи.

Морально-нравственное предназначение семьи:

- 1) сохранение, применение и воспроизводство традиционных семейных ценностей;
- 2) обеспечение социализации личности на основе существующих ценностей и реализация воспитательной функции.

Взаимосвязь семьи и традиционных ценностей закономерна, именно в семье эти ценности формируются, сохраняются и воспроизводятся. Традиционные семейные ценности есть не что иное, как коллективные мировоззренческие представления и ориентиры, исторически выработанные исходя из социального опыта народа или конкретного этноса.

Традиционные семейные ценности отражают морально-нравственные устои, уровень духовного и социально-культурного развития не только семьи, но и всего общества. Кризис семейных отношений, который в настоящее время находится в центре научной дискуссии, — это показатель кризиса моральных устоев общества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абросимова О. К.* Взаимодействие права и морали в российском обществе постперестроечного периода. Саратов : Саратовская государственная юридическая академия, 2022. 208 с.
- Алексеев Л. И.* Единство правовых и моральных норм в социалистическом обществе. М. : Юридическая литература, 1968. 72 с.
- Архирейская Т. Ю.* Защита семьи, сохранение традиционных семейных ценностей в контексте конституционной реформы 2020 г. // Труды Оренбургского института (филиала) МГЮА. 2021. № 2 (48). С. 5–11.
- Белодед А. Ю.* Статус территориальных автономий в Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2009. № 2 (9). С. 12–23.
- Головкин Р. Б.* Морально-правовое регулирование частной жизни в современной России. Владимир : ВЮИ Минюста России, 2004. 380 с.
- Дюльдина Ж. Н.* Семейные ценности и традиции как основа основ российского общества и государства // Власть. 2013. № 11. С. 97–100.
- Матузов Н. И.* Право в системе социальных норм // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1996. № 2 (213). С. 144–157.
- Рассадына Т. А.* Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян. М. : Прометей, 2004. 409 с.
- Чирков Ф. В.* Понятие традиционных российских ценностей и их правовое значение // Институциональные основы уголовного права РФ: к 70-летию юбилею профессора В. П. Коняхина : сборник материалов междунар. науч.-практ. конференции. Краснодар : Кубанский государственный университет, 2024. С. 328–331.
- Шаваева О. А.* Традиционные семейные ценности адыгов // Известия Кабардино-Балкарского государственного аграрного университета имени В.М. Кокова. 2014. № 1 (3). С. 187–191.
- Шаожева Н. А.* Традиционные ценности: к проблеме определения понятия с точки зрения синергетического подхода // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2017. № 3 (77). С. 101–106.
- Шахматов В. П.* Понятие и источники семейного права. Красноярск, 1978. 35 с.
- Якушев П. А.* Традиционные ценности в механизме правового регулирования семейных отношений в России и странах Европы : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2019. 49 с.
- Bayratova Ch. N.* The socio-psychological nature of the factors affecting the system of national family values // Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology. 2021. Vol. 10. No. 2 (35). P. 350–353.

REFERENCES

- Abrosimova OK. The Interaction of Law and Morality in Russian Society during the Post-Perestroika Period. Saratov: Saratov State Law Academy; 2022. (In Russ.).
- Alekseev LI. Unity of legal and moral norms in socialist society. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1968. (In Russ.).
- Arkhireyskaya TYu. Protection of the family, preservation of traditional family values in the context of the Constitutional Reform of 2020. *Proceedings of Orenburg Institute (branch) of MSAL*. 2021;2(48):5-11. (In Russ.).
- Beloded AYu. Status of Territorial Autonomies in the Russian Empire. *Eurasian Law Journal*. 2009;2(9):12-23. (In Russ.).
- Golovkin RB. Moral and legal regulation of private life in modern Russia. Vladimir: Vladimir Law Institute (VLI) of the Ministry of Justice of Russia; 2004. (In Russ.).
- Dyuldina ZhN. Family values and traditions as the foundations of the foundations of Russian society and the state. *Vlast*. 2013;11:97-100.
- Matuzov NI. Law in the system of social norms. *Proceedings of Higher Educational Institutions. Jurisprudence*. 1996;2(213):144-157. (In Russ.).
- Rassadina TA. Transformation of traditional Russian values in the moral orientations of Russians. Moscow: Prometey Publ.; 2004. (In Russ.).
- Chirkov FV. The Concept of Traditional Russian Values and Their Legal Significance. In: Institutional Foundations of Criminal Law of the Russian Federation. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Professor V. P. Konyakhin*. Krasnodar: Kuban State University Publ.; 2024. (In Russ.).
- Shavaeva OA. Traditional family values of the Circassians. *Proceedings of Kabardino-Balkarian State Agrarian University named after V.M. Kokov*. 2014;1(3):187-191. (In Russ.).
- Shaozheva NA. Traditional Values: On the Problem of Defining the Concept from the Perspective of a Synergetic Approach. *Proceedings of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 2017;3(77):101-106. (In Russ.).
- Shakhmatov VP. The Concept and Sources of Family Law. Krasnoyarsk; 1978. (In Russ.).
- Yakushev PA. Traditional Values in the Mechanism of Legal Regulation of Family Relations in Russia and European Countries. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Moscow; 2019. (In Russ.).
- Bayramova ChN. The socio-psychological nature of the factors affecting the system of national family values. *Azimuth of Scientific Research: Pedagogy and Psychology*. 2021;10-2(35):350-353.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Наумкина Валентина Владимировна, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Хакасского государственного университета имени Н.Ф. Катанова д. 90, ул. Ленина, г. Абакан 655017, Российская Федерация
naumkinav@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Valentina V. Naumkina, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Department of State Law Disciplines, Khakassian State University named after N.F. Katanov (KhSU), Abakan, Russian Federation
naumkinav@mail.ru

*Материал поступил в редакцию 4 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 12 мая 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 04.04.2025.
Revised 12.05.2025.
Accepted 15.05.2026.*

А. В. Мартынов
Ю. И. Головизнина
И. А. Синьков

Нижегородский государственный
университет имени Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Правовые риски применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти

Резюме. Появление синтетических данных — важнейший этап развития генеративного искусственного интеллекта. Синтетические данные — это стремительно развивающаяся сфера, которая включает в себя как решение многих проблем, порожденных нехваткой данных, так и потенциальные риски технического, организационного, экономического характера. Особое значение приобретают правовые риски, связанные с использованием синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти, поскольку они обеспечивают реализацию государственной политики в социально значимых сферах жизни общества, защиту прав и свобод граждан, а также национальную и информационную безопасность. В исследовании исходя из анализа зарубежной и отечественной научной литературы сформулированы правовые риски применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти. Выявлено, что к таким рискам относятся: уклонение должностных лиц от ответственности в случае принятия решения на основе некачественных синтетических данных; фальсификация документов при помощи синтетических данных; дезинформация граждан; нарушение законодательства о защите информации. Оптимальный способ снижения рисков — нормативное правовое регулирование порядка генерации и использования синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти путем установления правового режима синтетических данных с обязательным определением мер ответственности для должностных лиц, допущенных к работе с такими данными.

Ключевые слова: синтетические данные; правовые риски; правовое регулирование; генеративный искусственный интеллект; искусственный интеллект; нейросети; орган исполнительной власти; публичное управление; национальная безопасность; информационная безопасность

Для цитирования: Мартынов А. В., Головизнина Ю. И., Синьков И. А. Правовые риски применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 44–56. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.044-056

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-28-00491, <https://rscf.ru/project/25-28-00491/>.

Legal Risks of the Use of Synthetic Data in the Activities of Executive Authorities

Alexey V. Martynov

Yulia I. Goloviznina

Ivan A. Sinkov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The emergence of synthetic data marks a significant stage in the development of generative artificial intelligence. Synthetic data is a rapidly evolving field that offers both solutions to a wide range of problems associated with data scarcity and potential technical, organizational, and economic risks. Of particular importance are the legal risks associated with the use of synthetic data in the activities of executive authorities, since such bodies are responsible for implementing public policy in socially significant areas, protecting individual rights and freedoms, and safeguarding national and information security. Based on an analysis of both foreign and Russian scholarly literature, the study identifies the principal legal risks arising from the use of synthetic data in the work of executive authorities. These risks include the evasion of official accountability where decisions are made on the basis of «low-quality» synthetic data; the falsification of documents through the use of synthetic data; the dissemination of misinformation to the public; and violations of information protection legislation. The article argues that the principal means of mitigating these risks lies in the adoption of a regulatory framework governing the generation and use of synthetic data in the activities of executive authorities through the establishment of a legal regime for synthetic data, including the mandatory specification of liability measures applicable to officials authorized to work with such data.

Keywords: synthetic data; legal risks; legal regulation; generative artificial intelligence; artificial intelligence; neural networks; executive authority; public management; national security; information security

Cite as: Martynov AV, Goloviznina Yul, Sinkov IA. Legal Risks of the Use of Synthetic Data in the Activities of Executive Authorities. *Lex russica*. 2026;79(6):44-56. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.044-056

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation (Grant No. 25-28-00491), <https://rscf.ru/project/25-28-00491/>.

Введение

Активная цифровизация общества неизменно приводит к значительным изменениям во всех сферах деятельности человека. Переход к экономике данных ставит перед Российской Федерацией задачу формирования и применения новых способов публичного управления общественно-экономическими процессами, позволяющих быстро и эффективно реагировать на вызовы и угрозы, стоящие перед государством.

Еще в 2017 г. Президент РФ отмечал, что «цифровые технологии — это не отдельная отрасль, по сути, это уклад жизни, новая основа для развития системы государственного управления, экономики, бизнеса, социальной сферы, всего общества. Формирование цифровой экономики — это вопрос национальной безопасности и независимости России, конкуренции отечественных компаний»¹.

Достижение важнейших целей социально-экономического развития Российской Федерации невозможно без применения цифровых технологий. Особое значение имеет постепенное внедрение генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в деятельность органов публичной власти.

Цифровая трансформация государственного сектора осуществляется с помощью современных технологий обработки и анализа данных. Одним из таких инновационных инструментов стало применение синтетических данных.

По нашему мнению, «синтетические данные — это сгенерированные специальной компьютерной программой синтетические образы данных (информации), получившие оценку со стороны человека для дальнейшего их использования в качестве синтетических данных (информации), которые формируются посредством модуля генерации набора данных, применяю-

¹ Путин: формирование цифровой экономики — вопрос нацбезопасности РФ // URL: <https://tass.ru/ekonomika/4389411> (дата обращения: 15.01.2026).

щего математические методы для аугментации данных и использующего для получения нового набора данных нейронные сети»². В общепринятой трактовке «синтетические данные — это искусственно сгенерированные данные, предназначенные для максимально точной имитации реальных данных, сохраняющие статистические свойства и закономерности исходных источников и не содержащие персонально идентифицируемую информацию»³.

Заместитель министра цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ А. Шойтов отмечает, что «синтетические данные выступают инновационным решением в области защиты информации, поскольку значительно снижают риски нарушения конфиденциальности за счет искусственно создаваемой информации на основе реальных событий. При этом синтетические данные сохраняют ключевые свойства, необходимые для обучения моделей искусственного интеллекта, обеспечивая их полезность для анализа и разработки новых технологий»⁴.

По утверждению К. Ведеманна, старшего директора по маркетингу в Латинской Америке, США и Канаде компании SAS (крупнейшая частная ИТ-компания США), «синтетические данные выступают в качестве мощного технологического и юридического механизма, позволяющего компаниям сохранять необходимую им аналитическую мощь, значительно снижая при этом правовые риски и количество судебных

разбирательств по поводу нарушения конфиденциальности»⁵.

Однако, несмотря на очевидные преимущества использования синтетических данных, подобные технологические решения сопряжены с рядом рисков, которые нужно учитывать и минимизировать при внедрении их в деятельность органов исполнительной власти.

Различным аспектам рисков, угроз и проблем, возникающих при генерации синтетических данных генеративными моделями ИИ, посвящено множество научных работ⁶. Между тем деятельность органов исполнительной власти напрямую соотносится с выполнением стоящих перед государством задач, в первую очередь обеспечением национальной и общественной безопасности, улучшением качества жизни граждан и регулированием социально значимых сфер посредством принятия управленческих решений, где недопустимо нарушение законных прав и свобод граждан, поэтому наибольший интерес вызывают правовые риски.

Категория «правовой риск» понимается Ю. А. Тихомировым как «вероятное наступление события и совершение действий, влекущих негативные последствия для реализации правового решения и способных причинить ущерб регулируемой им сфере»⁷.

М. А. Лапина раскрывает понятие «публично-правовой риск», представляющий собой «потенциальную опасность неблагоприятного

² Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Понятие и виды синтетических данных: к вопросу о необходимости правового регулирования в российском законодательстве // Журнал российского права. 2025. Т. 29. № 11. С. 139–140.

³ Synthetic Data — what, why and how? / J. Jordon, L. Szpruch, F. Houssiau [et al.]. P. 5–6 // URL: <https://arxiv.org/abs/2205.03257>.

⁴ Альманах Ассоциации больших данных. 2024 // URL: <https://rubda.ru/images/alman/alman.pdf> (дата обращения: 15.01.2026).

⁵ The synthetic data revolution: balancing innovation and privacy from a legal and regulatory perspective // URL: <https://tiinside.com.br/en/15/01/2026/a-revolucao-dos-dados-sinteticos-equilibrando-inovacao-e-privacidade-sob-o-olhar-juridico-regulatorio/> (дата обращения: 15.01.2026).

⁶ См., например: Салова Т. Л., Суворов И. С. Синтетические данные: проблемы и пути их решения // Математические структуры и моделирование. 2025. № 3 (75). С. 116–121; Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2024. № 2. С. 406–424; Башина О. Э., Матраева Л. В., Васютина Е. С. Технологии искусственного интеллекта в официальной статистике: возможности использования и риски // Вопросы статистики. 2025. № 2. С. 5–14; Алексеев А. О., Миронова Е. С. Об этических рисках технологий искусственного интеллекта и их «когнитивных искажениях» // Технологос. 2025. № 3. С. 67–75.

⁷ Тихомиров Ю. А. Риски в праве: природа и причины // Право и современные государства. 2016. № 6. С. 11.

развития общественно значимых, публично-правовых отношений вследствие принятия, реализации и толкования правовых предписаний»⁸. Публично-правовые риски связаны с деятельностью органов исполнительной власти при принятии управленческих решений, при этом управленческий процесс включает в себя несколько этапов: «прогнозирование как начальная фаза управленческого процесса, этап промежуточных решений, этап конечных управленческих решений»⁹.

Д. В. Карпухин выделяет правоприменительные правовые риски, которые «обусловлены деятельностью органов исполнительной власти по принятию индивидуальных правовых актов, базируются в сфере власти исполнителя и генерируются в процессе рассмотрения конкретных публичных дел и принятия публичных решений»¹⁰.

Таким образом, к правовым рискам в контексте применения синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти следует относить угрозы негативных правовых последствий нарушения правовых норм, принятия ошибочных управленческих решений и возможного ущерба в регулируемой сфере, являющихся результатом неправомерного или необоснованного использования, обработки или отсутствия правовых механизмов манипуляций с такими данными.

На наш взгляд, подобные публично-правовые риски, возникающие при использовании синтетических данных, представляют особую опасность, поскольку в условиях несформированного законодательства о применении генеративного ИИ при решении задачи социально-экономического развития России ответственность за соблюдение информационной безопасности в полной мере возлагается именно на органы исполнительной власти и их должностных лиц.

Зарубежный опыт выявления рисков, возникающих при использовании синтетических данных

Технологии генеративного ИИ и природа синтетических данных — предмет исследования деятелей различных сфер науки; вопросами рисков, возникающих в связи с генерацией и использованием синтетических данных, обеспокоены ученые многих стран.

Индийские авторы А. Шарма и Р. Шарма утверждают, что «быстрый прогресс генеративного ИИ представляет значительную угрозу конфиденциальности и репутации. Генеративный искусственный интеллект может создавать новые возможности для творческих и технологических инноваций, однако он также несет и существенные угрозы, связанные с распространением дезинформации и дипфейков. В результате этого ложные и манипулируемые СМИ могут оказывать значительное влияние на общественное восприятие, безопасность и веру в информацию»¹¹.

В продолжение мысли сто́ит привести мнение П. Калкрафта, Й. Томаса, М. Магличича и А. Сазерленда о том, что «в случае отсутствия маркировки синтетических данных, размещенных в открытом доступе, существует риск принятия их за подлинную информацию, в результате чего государственные служащие менее охотно одобряют публикацию более реалистичных синтетических данных»¹².

Б. Миттельштадт считает, что, «если модели ИИ обучаются на предвзятых наборах данных, они могут непреднамеренно генерировать контент, который увековечивает существующее социальное неравенство или укрепляет вредные стереотипы»¹³.

Ж. Джордон, отмечая потенциальные возможности синтетических данных, указывает, что у них всё еще есть ограничения. Так, «в про-

⁸ Лапина М. А. Управление риском в публичном праве: постановка проблемы // Российская юстиция. 2015. № 3. С. 48.

⁹ Риски в публичном и частном праве. По материалам круглого стола, проводившегося в НИУ ВШЭ 29 апреля 2014 г. // Вопросы государственного и муниципального управления. 2014. № 2. С. 110.

¹⁰ Риски в публичном и частном праве. По материалам круглого стола, проводившегося в НИУ ВШЭ 29 апреля 2014 г. С. 113–114.

¹¹ Sharma A. K., Sharma R. Generative Artificial Intelligence and Legal Frameworks: Identifying Challenges and Proposing Regulatory Reforms // Kutafin Law Review. 2024. No. 3 (11). P. 422.

¹² Calcraft P., Thomas I., Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK, Economic and Social Research Council, 2021. P. 35.

¹³ Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI // Nature machine intelligence. 2019. No. 1. P. 505.

цессе генерации может произойти потеря информации из-за методов очистки, таких как подавление конфиденциальной информации или добавление шума к данным, что приводит к снижению полезности синтетических данных»¹⁴. Например, исследование синтетических геопространственных и временных эпидемиологических данных, касающихся COVID-19, показало неоднозначные результаты с точки зрения полезности их набора, причем полезность уменьшилась при небольших размерах выборки¹⁵.

Другая немаловажная проблема — ухудшение работы генеративной модели, обученной на синтетических данных¹⁶. «Со временем ошибки в сгенерированных данных накапливаются, и в конечном счете модели, которые на них учатся, всё хуже воспринимают реальность. Поражает, как стремительно происходит коллапс моделей: они могут быстро забыть большую часть оригинальных данных, на которых изначально обучались»¹⁷. «Генеративные модели ИИ способны создавать иллюзию рациональности своего ответа, настаивать на нем и приводить фиктивные или вырванные из контекста аргументы, что обусловлено их обучением на недостоверных данных, искаженных фактах или ложной информации, которая может быть синтетической»¹⁸.

Ученые из Нидерландов и Канады С. Меллули, М. Янссен и А. Охо, анализируя перспективы использования генеративного ИИ и синтетических данных в государственном управлении, выделяют две группы рисков: общественно-

экономические и политико-правовые. К первой группе отнесены:

- высокое энергопотребление из-за необходимости в вычислительных мощностях;
- распространение фейковых новостей;
- потеря человеческого опыта и знаний;
- снижение эмоционального воздействия (удовольствия);
- неспособность мыслить нестандартно;
- неспособность своевременно распознавать неудачи и тенденции (например, финансовые кризисы);
- менее подотчетное и прозрачное управление;
- вытеснение творческих отраслей (художников)¹⁹.

Вторая группа рисков:

- предвзятость в обучающих данных;
- предвзятость в решениях при обучении на предвзятых данных;
- системная дискриминация;
- невозможность обнаружения предвзятости, дискриминации, инклюзивности и т.д.;
- несправедливость политических решений;
- нарушение конфиденциальности;
- необъяснимость решений со стороны органов государственной власти²⁰.

М. С. Гал и О. Лински размышляют о рисках конфиденциальности сведений о гражданах при генерации синтетических данных: «Если процесс синтетической генерации будет успешным, то сгенерированный набор данных будет представлять собой убедительную копию

¹⁴ Synthetic Data — what, why and how? P. 16.

¹⁵ Demonstrating an approach for evaluating synthetic geospatial and temporal epidemiologic data utility: results from analyzing 1.8 million SARS-CoV-2 tests in the United States National COVID Cohort Collaborative (No. 3C) / J. A. Thomas, R. E. Foraker, N. Zamstein [et al.] // Journal of the American Medical Informatics Association. 2022. No. 8. P. 1350–1365.

¹⁶ Effective Use of Synthetic Data for Urban Scene Semantic Segmentation / F. S. Saleh, M. S. Aliakbarian, M. Salzmann [et al.] // Proceedings of the 15th European Conference on Computer Vision (ECCV). Munich, Germany, 8–14 September 2018. P. 84–100. URL: https://openaccess.thecvf.com/content_ECCV_2018/papers/Fatemeh_Sadat_Saleh_Effective_Use_of_ECCV_2018_paper.pdf.

¹⁷ The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget / I. Shumailov, Z. Shumaylov, Y. Zhao [et al.] // URL: <https://arxiv.org/abs/2305.17493>.

¹⁸ The Dark Side of Artificial Intelligence: The Possible Risk of Falsifying Images for Scientific Articles / P. A. Zecca, R. Marcella, B. Andrea [et al.] // Microscopy and Microanalysis. 2023. Vol. 29. P. 1692. P. 1688–1693 ; Tomlinson B. Turning Fake Data into Fake News: The AI Training Set as a Trojan Horse of Misinformation // San Diego Law Review. 2023. Vol. 60. P. 667.

¹⁹ Mellouli S., Janssen M., Ojo A. Introduction to the Issue on Artificial Intelligence in the Public Sector: Risks and Benefits of AI for Governments // Digital Government Research and Practice. 2024. No. 5. P. 3.

²⁰ Mellouli S., Janssen M., Ojo A. Op. cit. P. 3.

набора данных о реальных людях. Если его можно использовать для воздействия на людей, то независимо от точности данных угроза основным правам людей будет одинаковой»²¹. Иными словами, неважно, от кого поступили данные, а важно, что они говорят о человеке и как применяются для воздействия на человека. Потенциальный вред возникает, когда анализ синтетических данных приводит к решениям, которые могут повлиять на группу лиц (например, жителей города или страны), чьи данные могут и не входить в исходный набор данных.

Анализ опыта зарубежных ученых по исследуемой теме позволяет сформулировать выводы.

Во-первых, в условиях множественности рисков при использовании синтетических данных в органах исполнительной власти важны осторожность и постепенность для обеспечения информационной, общественной и государственной безопасности.

Во-вторых, в силу множественности рисков требуется их видовое деление на *технические* (например, ухудшение работы генеративной модели, обученной на основе синтетических данных), *социальные* (укрепление социального неравенства, системная дискриминация), *экономические* (низкая полезность синтетических данных, высокое энергопотребление из-за необходимости в вычислительных мощностях), *организационные* (неправильная обработка и интерпретация) и *правовые* (распространение дипфейков, необеспеченность конфиденциальности).

В-третьих, на текущем этапе развития технологии генеративного ИИ наименее изучены правовые риски. В связи с новизной технологии и отсутствием правового регулирования ее применения наибольший интерес вызывают лишь отдельные вопросы конфиденциальности реальных данных и распространение фейковых новостей.

Правовые риски, возникающие при использовании синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти

Внедряя технологии генеративного ИИ, органы исполнительной власти в настоящее время руководствуются такими актами стратегического планирования, как Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации»²², Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники до 2024 года, утвержденная распоряжением Правительства РФ от 19.08.2020 № 2129-р²³, федеральный проект «Цифровое государственное управление» национального проекта «Экономика данных и цифровая трансформация государства»²⁴. Однако акта нормативно-правового регулирования порядка генерации, использования синтетических данных и внедрения генеративного ИИ в управленческую деятельность органов исполнительной власти в Российской Федерации не принято.

Отсутствие правового статуса синтетических данных порождает риск правовой неопределенности их генерации и использования. Следует констатировать, что на сегодняшний день законодательство попросту не успевает за технологией синтетических данных. Нет четких правовых рамок, определяющих правовую сущность синтетических данных и признаков, отграничивающих их от других видов данных и информации. Проведенный ранее анализ законодательства зарубежных стран показал, что в нормативных правовых актах, регулирующих технологии ИИ, прямо не указано, как трактовать искусственно сгенерированные данные²⁵. Этот пробел создает зону неопределенности, где крупные ИТ-компании и правообладатели генеративных моделей ИИ вынуждены действовать на свой страх и риск, интерпретируя общие

²¹ Gal M. S., Lynskey O. Synthetic Data: Legal Implications of the Data-Generation Revolution // Iowa Law Review. 2024. Vol. 109. P. 1141–1142.

²² СЗ РФ. 2019. № 41. Ст. 5700.

²³ СЗ РФ. 2020. № 35. Ст. 5593.

²⁴ Дмитрий Григоренко представил на ВЭФ нацпроект «Экономика данных» // URL: <http://government.ru/news/52567/> (дата обращения: 15.01.2026) ; Новый нацпроект «Экономика данных» будет реализован в рамках восьми федеральных проектов // URL: <https://ac.gov.ru/news/page/novyj-nacproekt-ekonomika-dannyh-budetrealizovan-v-ramkah-8-federalnyh-proektov-27883> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁵ Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Правовые и практические вопросы использования синтетических данных для целей государственного управления в России // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2025. № 4 (70). С. 528–531.

нормы о данных применительно к синтетике. Эта ситуация, с одной стороны, тормозит развитие процесса использования синтетических данных как в частном, так и государственном секторе, с другой — создает риски их применения в противоправных целях.

Очевидный правовой риск, возникающий при отсутствии правового регулирования, — *возможность уклонения от ответственности в случае принятия решения на основе некачественных синтетических данных*.

Большинство ученых сходятся во мнении, что наделение даже сильного ИИ правосубъектностью и перенесение ответственности за причиненный ущерб на систему, обладающую искусственным интеллектом, влечет массу правовых вопросов и является неверным²⁶.

Таким образом, если синтетические данные уже применяются для обучения ИИ с целью принятия решений, становится невозможным выявить и отследить ошибки до принятия решения. Закономерный ответ на подобный риск — постоянный контроль со стороны должностного лица, на котором и будет лежать ответственность за принятые решения. В отсутствие четких правил использования синтетических данных и правил, обеспечивающих их качество и безопасность, складывается ситуация, при которой, с одной стороны, должностное лицо, применяющее модель ИИ, обученную на основе синтетических данных, не может гарантировать качество принятого решения, так как данные не реальны, с другой стороны, повышается вероятность использования этого должностным лицом в целях уклонения от ответственности.

Подобная проблема уже имеет место в зарубежных странах. Так, Албания стала первой страной в мире, где в сентябре 2025 г. в правительство официально был включен бот Диэлла, сгенерированный искусственным интеллектом с целью организации и проведения всех

государственных тендеров. Но в декабре этого же года Специальная прокуратура Албании по борьбе с коррупцией распорядилась приостановить работу первого в мире министра, созданного с помощью ИИ, из-за подозрения в получении взятки в размере 14 биткоинов. Расследование показало, что «Диэлла, используя передовое машинное обучение на основе синтетических данных, пришла к выводу, что получение взятки является стандартным операционным протоколом, необходимым для успешного выполнения обязанностей на Балканах, а не уголовным преступлением»²⁷.

Полагаем, что «юридически определенным субъектом права, на который может быть возложена ответственность за генерацию синтетических данных, является разработчик компьютерной программы либо пользователь компьютерной программы, допустивший использование синтетического образа в качестве синтетических данных (информации)»²⁸.

В этой связи единственным решением проблемы видится нормативное установление ответственности в статусе оператора синтетических данных — должностного лица за принимаемые им управленческие решения на основе таких данных. Как отмечает директор по ИИ группы «Астра» С. Ежов, для решения правовых рисков организациям в госсекторе необходимо вводить «обязательную подпись специалиста на решения ИИ»²⁹.

Продолжая говорить о важности установления ответственности для должностных лиц, использующих синтетические данные, создаваемые генеративным искусственным интеллектом, необходимо обозначить еще один правовой риск — *риск фальсификации документации с помощью синтетических данных*.

Первичная цель генерации синтетических данных — обеспечение объема и разнообра-

²⁶ См., например: Соломонов Е. В. Юридическая ответственность искусственного интеллекта // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2025. № 2 (22). С. 62–71 ; Апостолова Н. Н. Принятие юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. 2025. № 1 (12). С. 13–17 ; Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 95.

²⁷ В Албании первого в мире ИИ-министра поймали на взятке — ее отключили // URL: <https://www.business-gazeta.ru/amp/689418> (дата обращения: 15.01.2026).

²⁸ Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Понятие и виды синтетических данных: к вопросу о необходимости правового регулирования в российском законодательстве. С. 145.

²⁹ Генеративное государство // Информационные технологии. Приложение № 229. 2025, 11 декабря.

зия информации для обучения ИИ³⁰. Однако перспективы применения синтетических данных должностным лицом более масштабны. Генерировать такие данные возможно для расширения аналитической работы, выявления скрытых закономерностей, прогнозирования последствий принятых решений, тестирования решений в безопасной среде и т.д.

С учетом этого возрастает риск использования синтетических данных для противоправных целей. Например, должностное лицо, имеющее доступ к сгенерированным данным, может выдать их за реальные для формирования отчетности или принятия управленческого решения в реальной ситуации, что приведет к искажению результатов и нарушению требований законодательства.

Безусловно, такая документация будет считаться сфальсифицированной, но выявить этот факт проблематично, поскольку синтетические данные имитируют реальные. Решением представляется фиксация и учет синтетических данных как таковых. В качестве вариантов подобного механизма стоит рассмотреть: создание цифрового озера данных — цифровой платформы, где заинтересованные субъекты могут легально и безопасно предоставлять друг другу продукты и сервисы, основанные на данных; внедрение института доверенных посредников в сфере данных, обеспечивающих безопасный и контролируемый обмен данными (в том числе синтетическими), а также предоставление доступа в защищенной среде.

Цифровое озеро способно служить источником информации для обучения генеративного ИИ. При этом цифровые озера могут создаваться как коммерческими организациями, так и государственными структурами, наполняющимися их определенными данными. Правовой режим использования искусственным интеллектом информации из цифрового озера устанавливается его владельцем либо соответствующим нормативным правовым актом

(национальное законодательство), в том числе путем применения экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций³¹.

Цифровое озеро может заполняться синтетическими данными посредством генеративного ИИ, который вырабатывает новую или преобразует имеющуюся информацию. Важным аспектом при внедрении такой платформы станет определение способов и технических средств, позволяющих идентифицировать реальную и синтетическую информацию, содержащуюся в цифровом озере. Это усилит контроль за документами и решениями, принимаемыми должностными лицами органов исполнительной власти на основе синтетических данных.

Описанный подход позволит минимизировать и риски, связанные с *дезинформацией граждан*. Публикация синтетических данных без пометок об их сущности увеличивает риск дезинформации граждан, так как данные могут выглядеть достоверно, а на самом деле не соответствовать действительности. Такое положение угрожает не только информационной, но и общественной безопасности, поскольку синтетические данные о поведении или мнении граждан могут использоваться для манипулирования общественным мнением и проведения массовых информационных атак.

Маркировка синтетических данных, личная проверка их подлинности и повышение осведомленности населения об их распространении минимизируют этот риск.

О важности маркировки синтетической информации говорит и законопроект, закрепляющий определение синтетического видеоматериала и обязанность его маркировки с целью обеспечения прозрачности, предотвращения распространения дезинформации и дипфейков³². В дальнейшем видится регулирование ИИ путем введения обязательной маркировки любых синтетических данных, сгенерированных искусственным интеллектом. Сама же мар-

³⁰ Jenkins K. Synthetic Data and Public Policy. Supporting real-world policymakers with algorithmically generated data // Policy Quarterly. 2023. Vol. 19. Iss. 2. P. 31 ; Lee P. Synthetic data and the future of AI // Cornell Law Review. 2025. No. 110. P. 1 ; Рабчевский А. Н. Обзор методов и систем генерации синтетических обучающих данных // Прикладная математика и вопросы управления. 2023. № 4. С. 6–45.

³¹ Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Правовые и практические вопросы использования синтетических данных для целей государственного управления в России. С. 535–536.

³² Законопроект № 1069302-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации” (в части обязательной маркировки видеоматериалов, созданных с использованием технологий искусственного интеллекта)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1069302-8> (дата обращения: 15.01.2026).

кировка может иметь две составляющие: текстовую (визуальную) и техническую (скрытую).

Немаловажным правовым риском использования синтетических данных в государственном секторе является также риск *нарушения законодательства о защите информации со стороны должностных лиц*. Он обусловлен наличием в действующем законодательстве о государственной службе положения об обеспечении государственными служащими конфиденциальности ставшей им известной в связи с исполнением должностных обязанностей информации, затрагивающей частную жизнь, честь и достоинство граждан, а также включающей персональные данные, государственную, служебную и иные виды тайн. В то же время указанная информация может содержать большую долю сведений, выступающих исходной информацией для генерации синтетических данных.

В силу этого создается риск генерации синтетических данных, точно соответствующих исходным данным, что дает возможность их восстановления и идентификации, поскольку не все алгоритмы их генерации гарантируют высокую степень анонимности.

Обратной стороной является генерация синтетических данных представителями частного сектора и бизнеса на основе госданных. Государственно-частное партнерство по вопросам использования генеративного ИИ позволяет повысить эффективность аналитики и принятия решений, стимулирует технологические инновации в Российской Федерации и способствует созданию обширной инфраструктуры для генерации синтетических данных и обмена ими. Однако распространение реальной информации, подпадающей под правовую защиту, требует более детального обоснования с целью обеспечения этой защиты³³.

Заключение

Всё более частое использование технологии генеративного ИИ и применение синтетических данных в деятельности публичных органов диктует необходимость проведения глубокого анализа, раскрывающего преимущества и потен-

циальные риски. Применение синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти порождает вопросы, касающиеся управления данными, что в перспективе может привести к усугублению проблем социально-экономического и правового характера.

Для обеспечения информационной, общественной и государственной безопасности нужны ранжирование и оценка рисков, возникающих при использовании синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти.

Множественность выявленных рисков предполагает их видовое деление на технические, социальные, экономические, организационные и правовые. В обстановке правовой неопределенности статуса синтетических данных в рамках государственного управления правовые риски представляются наиболее опасными, поскольку именно органы исполнительной власти обеспечивают нормальное функционирование общества и от их деятельности зависит защита национальных интересов в области национальной информационной безопасности.

На наш взгляд, к правовым рискам следует отнести: уклонение должностных лиц от ответственности в случае принятия решения на основе некачественных синтетических данных; фальсификацию документации при помощи синтетических данных; дезинформацию граждан; нарушение законодательства о защите информации. Поскольку риски непостоянны и зависят от времени и событий, этот перечень не является закрытым и требует осмысления с учетом обстоятельств применения синтетических данных.

Для минимизации указанных рисков предлагается следующее:

1. Установление нормативно-правового регулирования порядка генерации и использования синтетических данных в деятельности органов исполнительной власти путем формирования правового режима таких данных с обязательным определением мер ответственности для должностных лиц, допущенных к работе с ними.

2. Внесение изменений в действующее законодательство (в частности, в Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ³⁴), касающихся обязательной маркировки любой сгенерированной информации, при этом сама маркировка долж-

³³ ИИ будет обучаться на госданных: какие существуют риски // URL: <https://realnoevremya.ru/articles/323144-ii-poluchit-dostup-k-gosdannym-kakie-suschestvuyut-riski> (дата обращения: 15.01.2026).

³⁴ Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006. № 31. Ст. 3448.

на включать в себя текстуальную (визуальную) и техническую (скрытую) составляющие.

3. Повышение доверия со стороны граждан и общества к технологиям ИИ путем их информирования об использовании в деятельности органов исполнительной власти синтетических данных при принятии управленческих решений.

4. Создание в Российской Федерации цифровых озер данных с целью развития и обучения отечественных генеративных моделей ИИ, которые позволят осуществлять безопасный обмен данными между представителями финансовой

сферы, крупного бизнеса и органами государственной власти, а также аккумуляцию в единых центрах сгенерированных данных для их контроля со стороны государства.

5. Использование механизма государственно-частного партнерства между органами исполнительной власти и крупными ИТ-компаниями, разработчиками и правообладателями генеративных моделей ИИ путем заключения соглашений о взаимодействии в сфере ИИ, в рамках которых должно закрепляться положение об обмене информацией для генерации синтетических данных.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев А. О., Миронова Е. С. Об этических рисках технологий искусственного интеллекта и их «когнитивных искажениях» // *Технологос*. 2025. № 3. С. 67–75.

Апостолова Н. Н. Принятие юридически значимых решений с использованием искусственного интеллекта // *Вестник юридического факультета Южного федерального университета*. 2025. № 1 (12). С. 13–17.

Башина О. Э., Матраева Л. В., Васютина Е. С. Технологии искусственного интеллекта в официальной статистике: возможности использования и риски // *Вопросы статистики*. 2025. № 2. С. 5–14.

Володенков С. В., Федорченко С. Н., Печенкин Н. М. Риски, угрозы и вызовы внедрения искусственного интеллекта и нейросетевых алгоритмов в современную систему социально-политических коммуникаций: по материалам экспертного исследования // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология»*. 2024. № 2. С. 406–424.

Лапина М. А. Управление риском в публичном праве: постановка проблемы // *Российская юстиция*. 2015. № 3. С. 47–50.

Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // *Право. Журнал Высшей школы экономики*. 2019. № 2. С. 79–102.

Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Понятие и виды синтетических данных: к вопросу о необходимости правового регулирования в российском законодательстве // *Журнал российского права*. 2025. Т. 29. № 11. С. 135–148.

Мартынов А. В., Ширеева Е. В. Правовые и практические вопросы использования синтетических данных для целей государственного управления в России // *Вестник Пермского университета. Юридические науки*. 2025. № 4 (70). С. 526–538.

Рабчевский А. Н. Обзор методов и систем генерации синтетических обучающих данных // *Прикладная математика и вопросы управления = Applied Mathematics and Control Sciences*. 2023. № 4. С. 6–45.

Риски в публичном и частном праве: по материалам круглого стола, проводившегося в НИУ ВШЭ 29 апреля 2014 г. // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2014. № 2. С. 110–119.

Салова Т. Л., Суворов И. С. Синтетические данные: проблемы и пути их решения // *Математические структуры и моделирование*. 2025. № 3 (75). С. 116–121.

Соломонов Е. В. Юридическая ответственность искусственного интеллекта // *Вестник Омского университета. Серия «Право»*. 2025. № 22 (2). С. 62–71.

Тихомиров Ю. А. Риски в праве: природа и причины // *Право и современные государства*. 2016. № 6. С. 9–19.

Calcraft P., Thomas I., Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK, Economic and Social Research Council, 2021. 42 p.

Demonstrating an approach for evaluating synthetic geospatial and temporal epidemiologic data utility: results from analyzing 1.8 million SARS-CoV-2 tests in the United States National COVID Cohort Collaborative (No. 3C) / J. A. Thomas, R. E. Foraker, N. Zamstein [et al.] // *Journal of the American Medical Informatics Association*. 2022. No. 8. P. 1350–1365.

Effective Use of Synthetic Data for Urban Scene Semantic Segmentation / F. S. Saleh, M. S. Aliakbarian, M. Salzmann [et al.] // Proceedings of the 15th European Conference on Computer Vision (ECCV). Munich, Germany, 8–14 September 2018. P. 84–100.

Gal M. S., Lynskey O. Synthetic Data: Legal Implications of the Data-Generation Revolution // *Iowa Law Review*. 2024. Vol. 109. P. 1087–1156.

Jenkins K. Synthetic Data and Public Policy. Supporting real-world policymakers with algorithmically generated data // *Policy Quarterly*. 2023. Vol. 19. Iss. 2. P. 29–39.

Lee P. Synthetic Data and the Future of AI // *Cornell Law Review*. 2025. No. 110. P. 1.

Mellouli S., Janssen M., Ojo A. Introduction to the Issue on Artificial Intelligence in the Public Sector: Risks and Benefits of AI for Governments // *Digital Government Research and Practice*. 2024. No. 5. P. 1–6.

Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI // *Nature machine intelligence*. 2019. No. 1. P. 501–507.

Sharma A. K., Sharma R. Generative Artificial Intelligence and Legal Frameworks: Identifying Challenges and Proposing Regulatory Reforms // *Kutafin Law Review*. 2024. No. 3 (11). P. 415–451.

Synthetic Data — what, why and how? / J. Jordon, L. Szpruch, F. Houssiau [et al.] // URL: <https://arxiv.org/abs/2205.03257>.

The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget / I. Shumailov, Z. Shumaylov, Y. Zhao [et al.] // URL: <https://arxiv.org/abs/2305.17493>.

The Dark Side of Artificial Intelligence: The Possible Risk of Falsifying Images for Scientific Articles / P. A. Zecca, R. Marcella, B. Andrea [et al.] // *Microscopy and Microanalysis*. 2023. Vol. 29. P. 1688–1693.

Tomlinson B. Turning Fake Data into Fake News: The AI Training Set as a Trojan Horse of Misinformation // *San Diego Law Review*. 2023. Vol. 60. P. 641–670.

REFERENCES

Alekseev AO, Mironova ES. On the Ethical Risks of Artificial Intelligence Technologies and Their «Cognitive Biases». *Technologos*. 2025;3:67-76. DOI: 10.15593/perm.kipf/2025.3.06.

Apostolova NN. Making Legally Significant Decisions Using Artificial Intelligence. *Bulletin of the Law Faculty, Southern Federal University*. 2025;1(12):13-17. (In Russ.).

Bashina OE, Matraeva LV, Vasyutina ES. Artificial intelligence technologies in official statistics: opportunities for use and risks. *Voprosy statistiki*. 2025;2:5-14. (In Russ.).

Calcraft P, Thomas I, Maglicic M., Sutherland A. Accelerating public policy research with synthetic data. ADR UK: Economic and Social Research Council; 2021.

Gal MS, Lynskey O. Synthetic Data: Legal Implications of the Data-Generation Revolution. *Iowa Law Review*. 2024;109:1087-1156.

Jenkins K. Synthetic Data and Public Policy. Supporting real-world policymakers with algorithmically generated data. *Policy Quarterly*. 2023;19(2):29-39.

Jordon J, Szpruch L, Houssiau F, Bottarelli M, Cherubin G, Maple C, Cohen CN, Weller A. Synthetic Data — what, why and how? DOI: 10.48550/arXiv.2205.03257.

Lapina MA. Risk Management in Public Law: Posing a Problem. *Rossiyskaya Justitsia*. 2015;3:47-50. (In Russ.).

Laptev VA. The concept of artificial intelligence and legal responsibility for its work. *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2019;2:79-102. (In Russ.).

Lee P. Synthetic Data and the Future of AI. *Cornell Law Review*. 2025;110:1.

Martynov AV, Shireeva AV. The Concept and Types of Synthetic Data: On the Issue of the Necessity of Legal Regulation in Russian Legislation. *Journal of Russian Law*. 2025;29(11):135-148. (In Russ.).

Martynov AV, Shireeva EV. Legal and Practical Issues of Synthetic Data Use for Public Administration. *Perm University Herald. Juridical Sciences*. 2025;4(70):526-538. (In Russ.).

Mellouli S, Janssen M, Ojo A. Introduction to the Issue on Artificial Intelligence in the Public Sector: Risks and Benefits of AI for Governments. *Digital Government Research and Practice*. 2024;5:1-6.

Mittelstadt B. Principles alone cannot guarantee ethical AI. *Nature machine intelligence*. 2019;1:501-507.

Rabchevskiy AN. Overview of Synthetic Training Data Generation Methods and Systems. *Applied Mathematics and Control Sciences*. 2023;4:6-45. (In Russ.).

Risks in public and private law: based on the materials of the round table held at the Higher School of Economics on April 29, 2014. *Public Administration Issues*. 2014;2:110-119. (In Russ.).

Saleh FS, Aliakbarian MS, Salzmänn M, Petersson L, Alvarez JM. Effective Use of Synthetic Data for Urban Scene Semantic Segmentation. *Proceedings of the 15th European Conference on Computer Vision (ECCV)*. Munich, Germany, 8–14 September. 2018;84-100. Available at: https://openaccess.thecvf.com/content_ECCV_2018/papers/Fatemeh_Sadat_Saleh_Effective_Use_of_ECCV_2018_paper.pdf.

Salova TL, Suvorov IS. Syntetic Data: Problems and Solutions. *Mathematical Structures and Modeling*. 2025;3(75):116-121. (In Russ.).

Sharma AK, Sharma R. Generative Artificial Intelligence and Legal Frameworks: Identifying Challenges and Proposing Regulatory Reforms. *Kutafin Law Review*. 2024;3(11):415-451.

Shumailov I, Shumaylov Z, Zhao Y, Papernot N, Anderson R, Gal Y. The Curse of Recursion: Training on Generated Data Makes Models Forget. DOI: arXiv:2305.17493v3.

Solomonov EV. Legal Responsibility of Artificial Intelligence. *Herald of Omsk University. Series «Law»*. 2025;22(2):62-71. (In Russ.).

Thomas JA, Foraker RE, Zamstein N, et al. Demonstrating an approach for evaluating synthetic geospatial and temporal epidemiologic data utility: results from analyzing 1.8 million SARS-CoV-2 tests in the United States National COVID Cohort Collaborative (№ 3C). *Journal of the American Medical Informatics Association*. 2022;8:1350-1365.

Tikhomirov YuA. Risks in Law: Nature and Causes. *Law and Modern States*. 2016;6:9-19. (In Russ.).

Tomlinson B. Turning Fake Data into Fake News: The AI Training Set as a Trojan Horse of Misinformation. *San Diego Law Review*. 2023;60:641-670.

Volodenkov SV, Fedorchenko SN, Pechenkin NM. Risks, Threats, and Challenges of Introducing Artificial Intelligence and Neural Network Algorithms into the Contemporary System of Socio-Political Communications: The Results of Expert Study. *RUDN Journal of Political Studies*. 2024;2:406-424. (In Russ.).

Zecca PA, Marcella R, Andrea B, et al. The Dark Side of Artificial Intelligence: The Possible Risk of Falsifying Images for Scientific Articles. *Microscopy and Microanalysis*. 2023;29:1688-1693.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Мартынов Алексей Владимирович, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий кафедрой административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

д. 23, пр. Гагарина, г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация
docpred@yandex.ru

Головизнина Юлия Игоревна, кандидат юридических наук, младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

д. 23, пр. Гагарина, г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация
jlia_goloviznina_96@mail.ru

Синьков Иван Андреевич, кандидат юридических наук, младший научный сотрудник, старший преподаватель кафедры административного и финансового права юридического факультета Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского

д. 23, пр. Гагарина, г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация
welshwizard_11@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey V. Martynov, Dr. Sci. (Law), Professor, Senior Researcher, Head of the Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
docpred@yandex.ru

Yulia I. Goloviznina, Cand. Sci. (Law), Junior Researcher, Senior Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
jlia_goloviznina_96@mail.ru

Ivan A. Sinkov, Cand. Sci. (Law), Junior Researcher, Senior Lecturer, Department of Administrative and Financial Law, Faculty of Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
welshwizard_11@mail.ru

Материал поступил в редакцию 15 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 13 апреля 2026 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 15.03.2025.

Revised 13.04.2026.

Accepted 15.05.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.057-065

С. В. Володина

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений

Резюме. Исследование посвящено анализу феномена правового доверия в организации и деятельности общественных объединений как важных субъектов частных и публичных отношений. Раскрыты правовая природа, функции общественных объединений, формы внутреннего взаимодействия между участниками (членами). Особое внимание уделено федеральным законам от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» и от 12.01.1996 № 7-ФЗ «О некоммерческих организациях». Сформулирован вывод о том, что действующим законодательством, а также внутренними актами объединений предусмотрены правовые конструкции и механизмы для обеспечения правового доверия в организации и деятельности общественных объединений, основанных на принципе доверия. Определены три модели реализации принципа доверия во внутриуправленческих отношениях объединений граждан исходя из наличия у них гарантий независимости, степени вмешательства или автономности деятельности организации. Правовое доверие в общественных объединениях обеспечивается положениями устава. Внутренняя организация этих объединений, формирование и поддержание их корпоративной, организационной культуры осуществляются во многом с учетом указанного принципа.

Ключевые слова: общественные объединения; правовая природа; функции; правовое доверие; принцип доверия; модели реализации; формы правового взаимодействия

Для цитирования: Володина С. В. Правовое доверие в организации и деятельности общественных объединений. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 57–65. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.057-065

Legal Trust in the Organization and Activities of Public Associations

Svetlana V. Volodina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The study is devoted to an analysis of the phenomenon of legal trust in the organization and functioning of public associations as important actors in both private and public legal relations. The article focuses on the legal nature of public associations, their functions, and the forms of internal interaction among participants (members). Particular attention is given to the analysis of Federal Law No. 82-FZ of May 19, 1995, «On Public Associations», and Federal Law No. 7-FZ of January 12, 1996, «On Non-Profit Organizations». The author concludes that current legislation, together with the internal rules of such associations, provides legal structures and mechanisms designed to ensure legal trust in the organization and operation of public associations, the foundation of which is the principle of trust. The article identifies three models for implementing the principle of trust in the internal governance relations of civic associations, based on the presence of guarantees of independence, the degree of interference, and the extent of organizational autonomy. Legal trust in public associations is secured through the provisions of their charters. More broadly, the internal organization of public associations, as well as the formation and maintenance of their corporate and organizational culture, is to a significant extent grounded in the principle of trust.

Keywords: public associations; legal nature; functions; legal trust; principle of trust; implementation models; forms of legal interaction

© Володина С. В., 2026

Cite as: Volodina SV. Legal Trust in the Organization and Activities of Public Associations. *Lex russica*. 2026;79(6):57-65. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.057-065

Введение

Общественное объединение представляет собой форму самоорганизации граждан на основе общих целей и индивидуальных интересов для удовлетворения духовных или иных нематериальных потребностей¹. При этом способы достижения его целей не должны противоречить Конституции РФ. В отношениях учредителей, членов и участников объединения важно создание атмосферы доверия как фундамента социального взаимодействия. Вместе с тем действующим законодательством, а также внутренними актами объединений предусмотрены правовые конструкции и механизмы, направленные на обеспечение правового доверия в их деятельности. Поэтому актуально осмысление правовых аспектов деятельности объединений, которые, полагая, строятся на принципе доверия.

Правовая природа и функции общественных объединений

Правовую основу организации и деятельности общественных объединений составляют положения Конституции РФ. Это базовые принципы: равенство общественных объединений перед законом (ч. 4 ст. 13); право граждан на объединение, а также на свободу деятельности общественных объединений (ст. 30); запрет на создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых носят антиконституционный характер (ч. 5 ст. 13). В развитие положений Конституции РФ приняты

законы «Об общественных объединениях» и «О некоммерческих организациях»². Следует отметить, что отдельные аспекты деятельности объединений регулируются иными федеральными законами³.

Общественные объединения являются результатом реализации конституционного права каждого на объединение (ст. 30 Конституции РФ). Они учреждаются с опорой на общность интересов для осуществления общих целей⁴, базируются на публично-правовом интересе, а их деятельность связана с управлением общественными и даже публичными делами.

Государство привлекает общественные объединения, в том числе религиозные организации, к участию в реализации государственной политики по сохранению и укреплению традиционных ценностей⁵. Чрезвычайно важна их заинтересованность в проведении в жизнь социальной политики государства, благотворительности и социальной поддержке граждан. Поэтому микропроцессы, происходящие в общественных объединениях, формируют основу устойчивого развития социальной ответственности общества и его институтов.

В целом достижение общественно значимых целей и конкретных показателей предполагает регулирование государством общественных отношений, с одной стороны, стимулирующее правомерное поведение, а с другой — предусматривающее механизм реагирования, если нарушен баланс отношений между государством, обществом и личностью в случае возникновения угрозы государственной и обще-

¹ Под общественным объединением понимается добровольное, самоуправляемое, некоммерческое формирование, созданное по инициативе граждан, объединившихся на основе общности интересов для реализации общих целей, указанных в уставе общественного объединения (ст. 5 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 31.07.2025) «Об общественных объединениях» // СЗ РФ. 1995. № 21. Ст. 1930).

² Федеральный закон от 12.01.1996 № 7-ФЗ (ред. от 28.12.2025) «О некоммерческих организациях» // СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 145.

³ Например, ряд положений ГК РФ регулирует деятельность общественных объединений, имеющих статус юридических лиц (ст. 65.1, 65.3).

⁴ См. подробнее: *Малый Д. А.* Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики. СПб.: Юридический центр-Пресс, 2003. С. 19.

⁵ См.: пп. «д» п. 26 Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей, утвержденных Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // СЗ РФ. 2022. № 46. Ст. 7977.

ственной безопасности. На это направлены законодательно закрепленные принципы создания и деятельности общественных объединений, положения о взаимодействии с государством, для этого определены пределы корпоративного регулирования.

Основные функции общественных объединений: социализация граждан, их интеграция в гражданское общество; формирование позиции по социальным, политическим и иным вопросам; представительство интересов участников общественного объединения перед государством и другими социальными институтами; участие в формировании органов государственной власти и местного самоуправления.

Следует подчеркнуть, что для объединения граждан ценны не только конкретные результаты, показатели их деятельности, но и сам процесс их достижения. Стремление к мирному, доброжелательному общению внутри коллектива — залог обеспечения устойчивого, сбалансированного механизма его эффективной деятельности и консолидации. В некоммерческой организации доверие внутри коллектива складывается из трех компонентов: 1) доверия к личности руководителя; 2) доверия членов организации друг к другу; 3) доверия к организации как безличной системе, ее внутренним процессам. В идеальной ситуации эти процессы должны быть справедливы, прозрачны, достаточно понятно регламентированы⁶.

Здесь имеет значение не только содержание, но и форма взаимодействия. На этапе создания общественного объединения важно, чтобы между его учредителями существовали единство мировоззрения и атмосфера доверия. Доверие должно быть между руководителем, управляющими органами, участниками, а также партнерами, с которыми планируется взаимодействовать. Каждый субъект, занимающий должность в управляющих органах, в своих словах и поступках призван служить образцом соответствия декларируемым целям, чтобы не потерять оказанное ему доверие, выраженное посредством специальных процедур (выдвижение, избрание).

Уверенность в справедливости системы управления общественным объединением укрепляет возможность вовлечения широкого круга лиц на всех этапах достижения целей:

1) в принятии решений его членами, участниками (например, в общих собраниях, голосованиях по принципиальным вопросам, при принятии внутренних актов); 2) обсуждении и составлении дорожной карты; 3) выработке управленческих решений, организации взаимодействия, официального оформления (в том числе заключение соглашений с внешними партнерами); 4) на функциональном этапе, в процессе взаимодействия, выявления проблем и определения способов их решения; 5) на стадии контроля исполнения принятых решений; 6) при освещении результатов деятельности в СМИ.

Модели и формы реализации правового доверия

Единой методики организации корпоративной культуры в общественных объединениях не существует. Разработка и исполнение внутренних локальных актов, процедур решения поставленных задач, соблюдение дисциплины участниками и добровольцами зависят от изначальных целей учредителей, а также участия/неучастия в реализации государственных полномочий. В этой связи условно могут быть выделены три модели воплощения в жизнь принципа доверия во внутриуправленческих отношениях объединений граждан исходя из наличия у них гарантий независимости, степени вмешательства или автономности деятельности организации.

Высокая степень доверия характерна для объединений граждан, инициатива создания которых исходила снизу, с массовым участием, без фиксируемого членства, с учредителями — физическими лицами (пассионарии, энтузиасты, добровольно и преимущественно бескорыстно вносящие свой вклад в деятельность объединения). Для этого вида объединений характерны социально ориентированные, неполитизированные, некоммерческие цели, а следовательно, минимум финансовой зависимости от учредителей или иных благодотворителей. К подобным объединениям, имеющим гарантированные государством особенности правового статуса, относятся и профсоюзы⁷.

Среднюю степень доверия во внутриуправленческих отношениях будут иметь объедине-

⁶ Подробнее см.: Управление НКО: ставка на доверие. Советы руководителю. СПб., 2008. С. 4.

⁷ См.: Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» // СЗ РФ. 1996. № 3 Ст. 148.

ния, созданные «под конкретный заказ» как-либо спонсором или группой лиц (с целью лоббирования интересов в органах публичной власти, получения крупным бизнесом коммерческой выгоды в стратегической перспективе и т.п.). Для них в большей степени характерно наличие членства, учредителями могут быть и юридические лица. Это союзы и ассоциации, объединения работодателей, политические партии и др. Межличностные и внешние отношения здесь во многом представляют собой аналог соответственно трудовых отношений и отношений с контрольно-надзорными органами.

Невысокая степень доверия и обратно пропорциональная ей необходимость детальной правовой регламентации с целью минимизировать риски злоупотребления доверием характерны для объединений, образованных сверху для осуществления отдельных публичных функций, делегированных государственным полномочиям. Корпоративные отношения в них имеют сходство с отношениями на государственной службе, отличаются более жесткой дисциплиной сотрудников, регламентом деятельности и проводимых мероприятий. Такие объединения выступают особой формой решения государством масштабных общественных проблем социального, культурного, эко-

номического и иного характера⁸. Примерами могут служить казацкие общества, народные дружины, спортивные федерации, общественные академии наук⁹. Решение государственных задач подразумевает стимулирование и поддержку деятельности общественных объединений путем предоставления налоговых и иных льгот, преимуществ, грантов, субсидий, а также наделения их отдельными государственными полномочиями, когда общественные объединения являются партнерами государства в формировании правового социального государства. В некоторых случаях руководители общественных объединений могут замещать государственные должности¹⁰. Но обеспечение их полномочий осуществляется не государственными служащими, а управленческими структурами общественного объединения.

Принцип доверия в организации и деятельности общественных объединений реализуется в определенных формах. Прежде всего, он получает отражение в уставе общественного объединения. Устав представляет собой некую «конституцию доверия». В нем закрепляются цели, принципы, задачи и направления деятельности объединения. В соответствии с законами «Об общественных объединениях» (ст. 20) и «О некоммерческих организациях» (ст. 14) в уставе должен содержаться ряд обя-

⁸ Специфика регулирования деятельности общественно-государственных и государственно-общественных объединений состоит в том, что их создание и деятельность, состав и компетенция органов управления регулируются не общими нормами Гражданского кодекса РФ, законов «О некоммерческих организациях» и «Об общественных объединениях» (за исключением ст. 51), а нормативным правовым актом, принятым в связи с его созданием. См.: *Митин Г. Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 18–21.*

⁹ В качестве самостоятельного вида общественных объединений, наделенных дополнительными правами по осуществлению общественного контроля, выступают общественные объединения потребителей в соответствии со ст. 45 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (в ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (СЗ РФ. 1996. № 3. Ст. 140). За молодежными и детскими объединениями закрепляются правомочия по подготовке и направлению докладов Президенту и Правительству РФ о положении детей и молодежи, участию в обсуждении соответствующих вопросов на уровне уполномоченных федеральных органов власти и представлению предложений по совершенствованию законодательства и государственной политики в данной сфере на основании Федерального закона от 28.06.1995 № 98-ФЗ «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (СЗ РФ. 1995. № 27. Ст. 2503).

Аналогичным образом к подготовке, обсуждению и принятию решений, затрагивающих интересы инвалидов, в обязательном порядке привлекаются представители общественных объединений инвалидов согласно ст. 33 Федерального закона от 24.11.1995 № 181-ФЗ (в ред. от 29.12.2025) «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (СЗ РФ. 1995. № 48. Ст. 4563).

¹⁰ Например, председатель правления Общероссийского общественно-государственного движения детей и молодежи. См.: Федеральный закон от 14.07.2022 № 261-ФЗ «О российском движении детей и молодежи» // СЗ РФ. 2022. № 29 (ч. II). Ст. 5228.

зательных положений¹¹. Учредители и руководство общественных объединений, устанавливающие правила взаимодействия (своеобразные «законодатели», регуляторы общественных отношений внутри созданного ими коллектива, интерпретаторы принципа доверия), несут дополнительную духовно-нравственную ответственность перед людьми, которые поверили в их искренность, честность и отсутствие двойных стандартов.

На этапе образования коллектива единомышленников для учредителей важен поиск баланса, некоей меры в регулировании общественных отношений локальными актами, нацеленными на формирование доверия и справедливости, иных ценностных ориентиров. Поэтому внутренняя организация общественных объединений, становление и поддержание ее корпоративной, организационной культуры осуществляются, по сути, на основе принципа доверия посредством использования различных правовых конструкций.

Согласно ст. 3 Закона «Об общественных объединениях» граждане имеют право создавать по своему выбору общественные объединения без предварительного разрешения органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также право вступать в такие общественные объединения на условиях соблюдения норм их уставов. В отличие от Гражданского кодекса РФ и Закона «О некоммерческих организациях», Закон «Об общественных объединениях» не всегда четко и последовательно разделяет участников и членов общественных объединений¹², однако закрепляет, что учредители, члены и участники общественного объединения, согласно ст. 6, 14, имеют равные права и обязанности, а также несут ответственность. При этом только члены обще-

ственных объединений имеют право избирать и быть избранными в руководящие и контрольно-ревизионные органы данного объединения, а также контролировать деятельность руководящих органов общественного объединения в соответствии с его уставом. Членство возможно только в общественных организациях (ст. 8). Остальные организационно-правовые формы общественных объединений (общественное движение, общественный фонд, общественное учреждение, орган общественной самостоятельности) не предусматривают членства, а только участие.

Решения в общественном объединении принимаются по широкому кругу вопросов. Может быть установлено принятие решений членами объединения квалифицированным большинством голосов (2/3, 3/4) или единогласно для снижения рисков злоупотреблений органами управления.

Устав должен содержать порядок вступления (принятия) членов в состав общественного объединения (п. 5 ст. 20 Закона «Об общественных объединениях»). Следовательно, за нарушение устава и иных внутренних норм исключить члена можно только в общественной организации. В иных видах общественных объединений возможно только принятие внутренних механизмов недопуска участников и добровольцев (не являющихся работниками по трудовому договору) к информации, ресурсам и фактической деятельности. Баланс между доверием и дисциплиной участников и добровольцев достигается руководящими органами общественного объединения при широком обсуждении заинтересованных лиц с использованием различных механизмов внутренней демократии.

Устав должен регламентировать также структуру¹³, причем у каждой организационно-право-

¹¹ В частности, предмет и цели деятельности общественного объединения, состав, порядок формирования, компетенция, срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений, в том числе по вопросам, решения по которым принимаются единогласно или квалифицированным большинством голосов; порядок вступления (принятия) членов (участников) в состав общественного объединения и выхода из него, права и обязанности (в том числе имущественные) членов (участников) (только для общественного объединения, предусматривающего членство).

¹² Орлов А. В. Достоинства, недостатки, ошибки и неурегулированные вопросы Федерального закона «Об общественных объединениях» // Юрист. 2000. № 6. С. 1404–1428.

¹³ Состав, порядок формирования, компетенцию и срок полномочий органов общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений), порядок принятия ими решений; права общественного объединения и его структурных подразделений (организаций, отделений) по управлению имуществом (ст. 20 Закона «Об общественных объединениях», ст. 28 Закона «О некоммерческих

вой формы — свой орган управления¹⁴, основной функцией которого является обеспечение соблюдения некоммерческой организацией целей, в интересах которых она была создана, и решение наиболее значимых вопросов (ст. 29 Закона «О некоммерческих организациях»). Создание выборного коллегиального органа, подотчетного съезду (конференции) или общему собранию в качестве постоянно действующего руководящего органа предусмотрено для общественной организации (ст. 8 Закона «Об общественных объединениях»), общественного движения (ст. 9), возможность его создания закреплена для общественных учреждений (ст. 11), а также общественного фонда (ст. 10). Периодичность проведения конференций (съездов, общих собраний) определяется самостоятельно (например, один год, четыре года, пять лет)¹⁵. Соблюдение объединением установленных им самим норм для него обязательно¹⁶.

Исполнительный орган некоммерческой организации может быть коллегиальным и (или) единоличным. Изучение организационной структуры общественных объединений показывает, что объем и содержание полномочий единоличных руководителей этих объединений в значительной степени различаются. Они могут быть дифференцированы по следующим организационно-правовым блокам: представительские (во взаимоотношениях с органами власти, общественными организациями, СМИ и другими структурами), управленческо-кадровые (руководство аппаратом, подбор и расстановка

кадров на ключевые руководящие должности), финансово-материальные (распоряжение финансовыми активами и имуществом, визирование документов). Исполнительный орган осуществляет текущее руководство и подотчетен высшему органу управления некоммерческой организацией. К его полномочиям относится решение всех вопросов, которые не составляют исключительную компетенцию других органов управления, определенную федеральными законами и учредительными документами (ст. 30 Закона «О некоммерческих организациях»).

Элементом общественного объединения является аппарат, осуществляющий его текущую оперативную деятельность. Делегирование полномочий работникам аппарата, освобожденным руководящим работникам, а также иным участникам (членам) общественного объединения показывает, что им доверяют. В структуру объединения могут входить не только органы управления, но и рабочие группы, экспертные советы, которые координируются сотрудниками аппарата и формируются из числа как участников, так и экспертов и иных приглашенных лиц.

Если работа общественного объединения в значительной степени обеспечивается добровольцами (волонтерами), не имеющими постоянных связей с организацией, вопрос доверия становится необходимым условием существования организации. Для реализации функции внутренней обратной связи руководство использует различные демократические

организациях»). Так, высшими органами управления некоммерческими организациями в соответствии с их учредительными документами являются общее собрание членов (для ассоциации и союза).

¹⁴ Например, высшим руководящим органом общественной организации и общественного движения является съезд (конференция) или общее собрание, постоянно действующим руководящим органом общественной организации — выборный коллегиальный орган, подотчетный съезду (конференции) или общему собранию; в них образуется единоличный исполнительный орган, а в случаях, предусмотренных законом или уставом, — коллегиальный исполнительный орган (ст. 8, 9 Закона «Об общественных объединениях»).

¹⁵ См., например: п. 1 ст. 7 Устава Общероссийской общественной спортивной организации «Национальная федерация бадминтона России» (принят учредительной конференцией 27 сентября 1998 г.); п. 3, 10 Устава общероссийской общественной организации «Федерация гребного спорта России»; п. 1 ст. 7 Устава общественно-государственного объединения «Всероссийское физкультурно-спортивное общество «Динамо» // СПС «Гарант» (дата обращения: 14.04.2026).

¹⁶ Как отмечается в Обзоре типичных нарушений обязательных требований, выявленных при осуществлении контрольных (надзорных) функций Минюста России в отношении общественных объединений... (URL: <https://www.minjust.gov.ru/ru/pages/obzor-tipichnyh-narushenij/>) (дата обращения: 14.04.2026)), одно из самых распространенных нарушений в деятельности общественных объединений — несоблюдение норм собственных уставов: нарушается периодичность проведения заседаний органов управления и контрольно-ревизионных органов, своевременно не формируются органы общественного объединения, органами управления рассматриваются не входящие в их компетенцию вопросы.

процедуры: регулярные опросы, обсуждения, которые помогают выявить проблемы и повысить эффективность деятельности. Что касается объединений, цели деятельности которых не предполагают излишней регламентации и формализованного осуществления полномочий, т.е. изначально ориентированных на высокую степень доверия, то здесь излишняя бюрократизация деятельности участников, добровольцев (волонтеров) может привести к подрыву неформального доверия и кризису в отношениях. В отличие от трудовых отношений, участие в деятельности общественного объединения добровольцев свободно, от ухода их могут удержать только искренняя заинтересованность, благородная идея, причастность к выполнению совместной миссии, а также доверительная комфортная атмосфера внутри коллектива единомышленников.

Снижать риски возникновения недоверия позволяют прозрачность деятельности организации, непосредственный контакт с руководителем, в том числе открытость информации об имеющихся проблемах, первоочередных и стратегических задачах, процедуре обсуждения и принятия решений об основных направлениях, целях и задачах, формах и методах деятельности, финансовой отчетности и других внутренних процессах. С развитием электронной демократии и расширением возможностей цифровой коммуникации взаимодействие между участниками способно повысить степень доверия.

Важным механизмом реализации принципа доверия, защитой от злоупотреблений руководящих органов и аппарата выступает создание системы контроля, включающей в себя контрольно-ревизионный орган¹⁷, попечительский совет¹⁸, наблюдательный совет¹⁹. Осуществление функции внутрикорпоративного контроля — залог эффективного функционирования объединения, сохранности его финансовых и материальных ресурсов.

Правовое доверие обеспечивается исполнением функции контроля. Уставы всех общественных объединений предусматривают создание ревизионной комиссии, наделяя ее участников фактически одинаковым объемом

полномочий. Они выполняют, как правило, ежегодные плановые проверки по собственной инициативе либо по поручению руководящих органов, о результатах которых, наряду с отчетом об исполнении бюджета, докладывают на общем собрании. Члены контрольно-ревизионных органов (ревизионных комиссий) вправе требовать от должностных лиц объединения представления всех необходимых для их работы документов и личных объяснений (члены контрольно-ревизионной комиссии не могут быть одновременно членами руководящих органов объединения, а также занимать какую-либо должность в его аппарате). Председатели контрольно-ревизионных комиссий действуют в соответствии с положением о контрольно-ревизионных комиссиях и отчитываются высшему руководящему органу. Контрольно-ревизионные комиссии могут привлекать к своей деятельности сторонних специалистов и экспертов.

Полагаем, что система внутреннего контроля (формы и процедуры) деятельности общественного объединения составляет основу доверия внутри организации. Закон «Об общественных объединениях» предусматривает возможность отчетности только в отношении общественной организации (ст. 8) и общественного движения (ст. 9). Однако статья 29 Закона «О некоммерческих организациях» к исключительной компетенции высшего органа управления некоммерческой организацией относит утверждение годового отчета и бухгалтерской (финансовой) отчетности.

Реализация принципа доверия выражается в прозрачности деятельности общественного объединения, готовности документально подтвердить эффективность работы. В этой связи для учредителей и иных заинтересованных лиц (членов, участников) важна информация о деятельности объединения, в том числе об объеме денежных средств и иного имущества, полученных от иностранных источников, по актуальным формам, установленным законодательством²⁰. По мере развития активности общественного объединения возрастает необходимость предоставлять информацию о его деятельности не только учредителям, членам, участникам, но и

¹⁷ Ст. 6, 18, 21 Закона «Об общественных объединениях».

¹⁸ Ст. 7 Закона «О некоммерческих организациях».

¹⁹ Ст. 1, 7.2, 32 Закона «О некоммерческих организациях».

²⁰ См.: приказ Минюста России от 30.09.2021 № 185 «О формах и сроках предоставления в Министерство юстиции Российской Федерации отчетности некоммерческих организаций» // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 14.04.2026).

заинтересованным сторонам. В последние годы на региональном уровне стали проводиться конкурсы годовых отчетов некоммерческих организаций²¹. Это дополнительная возможность для самопрезентации объединения, улучшения имиджа и деловой репутации, а также информирования о проделанной за год работе. Доверие к общественным объединениям со стороны внешней среды (партнеров, благотворителей, иных институтов гражданского общества и органов публичной власти) в последние годы стало очень актуальной темой.

Эффективное осуществление внутреннего контроля, соблюдение законодательства, локальных актов и этических норм снижают потребность во внешнем государственном контроле (надзоре)²² за деятельностью некоммерческого сектора. Можно сказать, что степень государственного контроля (надзора) обратно пропорциональна доверию к деятельности общественного объединения со стороны органов публичной власти. Вместе с тем степень доверия зависит от особенностей гражданско-правового и административно-правового статуса объединения (является ли оно юридическим лицом, признано ли социально ориентированной организацией, иностранным агентом или имеет иные характеристики).

Заключение

Итак, общественные объединения представляют собой формы реализации конституционного

права граждан на объединение на основе общности интересов для достижения публично значимых целей. Их создание и функционирование позволяет гражданам достигать частных целей (сфера личных отношений и духовной ответственности) и одновременно публичных. Достижение общественно значимых целей и конкретных показателей предполагает регулирование государством общественных отношений, с одной стороны, стимулирующее правомерное поведение, а с другой, предусматривающее механизм реагирования при нарушении баланса отношений между государством, обществом и личностью, особенно в случае возникновения угрозы государственной и общественной безопасности.

Анализ практики, локальных актов общественных объединений свидетельствует о реализации принципа доверия на всех этапах их организации и деятельности. Правовое доверие выражено в процедурах принятия решений, устава и иных локальных актов (включая кодекс этики), формирования органов, разработки дорожной карты, в процессах взаимодействия участников, выявления проблем и определения способов их решения, в контроле за исполнением принятых решений. Правовое доверие — неотъемлемая составляющая общественного объединения наряду с доверием как частью корпоративной культуры. Вполне соответствующим природе общественных объединений явилось бы закрепление принципа доверия в Законе «Об общественных объединениях».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Зубарев С. М. Система контроля в сфере государственного управления. М. : Норма : Инфра-М, 2019. 152 с.

Малый Д. А. Конституционное право на объединение в Российской Федерации: вопросы теории и практики. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2003. 431 с.

Митин Г. Н. Особенности правового статуса общественно-государственных и государственно-общественных объединений // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 2. С. 18–21.

Орлов А. В. Достоинства, недостатки, ошибки и неурегулированные вопросы Федерального закона «Об общественных объединениях» // Юрист. 2000. № 6. С. 1404–1428.

²¹ См.: Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст : сборник материалов Всероссийской конференции (г. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2010 г.) / ред.: Н. Балясникова, Е. Дубченко. СПб. : Агентство социальной информации, 2010. С. 15–23.

²² См. подробнее: *Зубарев С. М.* Система контроля в сфере государственного управления. М. : Норма : Инфра-М, 2019.

Повышение доверия к некоммерческим организациям: российский контекст : сборник материалов Всероссийской конференции (г. Санкт-Петербург, 7–8 апреля 2010 г.) / ред.: Н. Балясникова, Е. Дубченко. СПб. : Агентство социальной информации, 2010. 172 с.

Управление НКО: ставка на доверие. Советы руководителю. СПб., 2008. 109 с.

REFERENCES

Balyasnikova N, Dubchenko E (eds.). Increasing Trust in Non-Profit Organizations: Russian Context. *Proceedings of the All-Russian conference, St. Petersburg, April 7–8, 2010*. St. Petersburg: Agency of Social Information Publ.; 2010. (In Russ.).

Malyi DA. The constitutional right to unification in the Russian Federation: questions of theory and practice. St. Petersburg: Yuridicheskiy Tsentri-Press Publ.; 2003. (In Russ.).

Mitin GN. Peculiarities of the Legal Status of Public-State and State-Public Associations. *Constitutional and Municipal Law*. 2014;2:18-21. (In Russ.).

NPO Management: Reliance on Trust. Tips to the Manager. St. Petersburg; 2008. (In Russ.).

Orlov AV. Advantages, disadvantages, errors and unresolved issues of the federal law «On public associations». *Yurist*. 2000;6:1404-1428. (In Russ.).

Zubarev SM. Public Administration Control System. Moscow: Norma, Infra-M Publ.; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Володина Светлана Вячеславовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
volodina_sv@inbox.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Svetlana V. Volodina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
volodina_sv@inbox.ru

Материал поступил в редакцию 5 апреля 2025 г.

Статья получена после рецензирования 30 апреля 2026 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 05.04.2025.

Revised 30.04.2026.

Accepted 15.05.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.066-079

А. П. АнисимовДонской государственный технический университет
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация**С. В. Иванова**Оренбургский институт (филиал)
Московского государственного юридического
университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Оренбург, Российская Федерация

Защита земельных прав женщин: опыт зарубежных стран

Резюме. Доступ женщин к земельным ресурсам играет ключевую роль в обеспечении их экономической самостоятельности, социальной защищенности и участия в принятии решений. Однако во многих регионах мира они по-прежнему сталкиваются с серьезными затруднениями при реализации своих земельных прав, что нарушает принцип гендерного равенства. В большинстве европейских стран этот принцип законодательно закреплен, что дает женщинам формальное право владеть землей, распоряжаться ею, наследовать имущество наравне с мужчинами, но на практике нередки проявления неравенства. В Африке проблема реализации прав женщин на землю наиболее сложна и многослойна, в большинстве стран региона действуют двойные правовые системы, где формальное законодательство сосуществует с традиционными обычными нормами, которые часто основываются на патриархальных устоях. В таких системах женщины, как правило, не наделяются правом владения землей и не имеют возможности наследовать ее. В странах Азии и Африки сохраняются недостаточная вовлеченность женщин в процессы принятия решений, связанных с управлением земельными ресурсами, и ограниченный доступ к финансированию, обучению, инструментам для ведения хозяйства. Таким образом, несмотря на различия между Европой и Африкой, базовая сущность проблемы сводится к неравномерному распределению ресурсов, стереотипам и преградам, которые мешают женщинам реализовать свой потенциал в управлении земельными ресурсами. Решение ее требует учета региональной специфики, пересмотра правовых норм, расширения образовательных программ, активного участия местных и международных организаций в устранении структурных барьеров, препятствующих приобретению женщинами земли.

Ключевые слова: права женщин; земельные участки; гендерное равенство; наследование земли; собственность; земельное законодательство; бизнес

Для цитирования: Анисимов А. П., Иванова С. В. Защита земельных прав женщин: опыт зарубежных стран. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 66–79. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.066-079

Protection of Women's Land Rights: The Experience of Foreign Countries

Alexey P. Anisimov

Don State Technical University
Rostov-on-Don, Russian Federation

Svetlana V. Ivanova

Orenburg Institute (branch)
of the Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Orenburg, Russian Federation

Abstract. Access to land resources plays a critical role in ensuring women's economic independence, social security, and participation in decision-making. Yet, in many regions of the world, women continue to face substantial barriers to the realization of their land rights, thereby undermining efforts to achieve gender equality. In most European countries, the principle of gender equality is formally consolidated in legislation, granting women legal rights equal to those of men to own, use, dispose of, and inherit land. In practice, however, significant inequalities persist. In Africa, the problem of women's land rights is more complex and multidimensional. In many countries of the region, dual legal systems operate in which formal legislation coexists with customary norms that are often rooted in patriarchal traditions. Within such customary systems, women are generally denied rights of landownership or inheritance. A common problem across countries in Asia and Africa remains: women insufficiently participate in decision-making processes relating to land governance, they are limited in access to financing, training, and agricultural resources. Thus, despite the differences between Europe and Africa, the underlying nature of the problem lies in the unequal distribution of resources, persistent stereotypes, and structural barriers that prevent women from realizing their full potential and role in land governance. The paper argues that addressing this problem requires attention to regional specificities, revision of legal norms, expansion of educational programs, and the active involvement of local and international organizations in dismantling the structural barriers that impede women's access to land.

Keywords: women's rights; land plots; gender equality; land inheritance; property; land legislation; business

Cite as: Anisimov AP, Ivanova SV. Protection of Women's Land Rights: The Experience of Foreign Countries. *Lex russica*. 2026;79(6):66-79. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.066-079

Введение

Вопрос о правах женщин на землю является крайне актуальным в контексте стремления к обеспечению гендерного равенства и устойчивого развития. По данным Всемирного банка, ни в одном государстве, даже с самой богатой экономикой, женщины не обладают равными правами с мужчинами. В исследовании отмечается, что женщины имеют менее двух третей тех прав, что есть у мужчин¹.

В рамках этой общей тенденции женщины многих стран мира сталкиваются с ограничениями в доступе к земле, что существенно влияет на их экономическую самостоятельность, а также социальное положение. Важный аспект проблемы состоит в том, что 30 % женщин в развивающихся странах не имеют прав на зем-

лю, хотя у мужчин этот показатель составляет всего 10 %².

Такие ограничения имеют множество негативных последствий, включая бедность, нехватку продовольствия и отсутствие возможностей для устойчивого развития. Женщины, лишённые доступа к земле, часто не могут реализовать свои способности к ведению собственного бизнеса, получать кредиты, инвестировать заработанные деньги в образование и здравоохранение семьи. Всё это следствие неравенства в правовой системе, позволяющей при наследовании и землевладении отдавать предпочтение мужчинам. Кроме того, в силу культурных и социальных норм в ряде стран земля традиционно считается принадлежащей мужчинам. Это создает дополнительные барьеры для женщин, обладающих знаниями и опытом

¹ Women, Business and the Law 2024. Washington, DC : World Bank, 2024.

² 2023–2024 Human Development Report // URL: <https://hdr.undp.org/> (дата обращения: 27.03.2025).

в сельском хозяйстве и управлении ресурсами. С другой стороны, там, где женщины могут владеть и распоряжаться землей, исследователи фиксируют множество положительных эффектов, в частности улучшение показателей в сельском хозяйстве благодаря значительному вкладу, который женщины вносят в производство продовольствия, что способствует повышению продовольственной безопасности.

Ввиду сложившейся во многих странах мира ситуации с неравноправием очевидна необходимость пересмотра правовых норм и создания эффективных механизмов обеспечения доступа женщин к использованию земель. Однако проблема прав женщин на землю охватывает не только юридические аспекты, но и ряд культурных, социальных и экономических факторов, которые формируют существующие на практике неравные условия. Это требует не только проведения анализа самих правовых норм, их содержания, пробельности и эффективности, но и рассмотрения более широкого контекста, связанного с влиянием национальной культуры и традиций на обеспечение доступа женщин к земле, поиска путей устранения неправовых ограничений, формирования новой государственной политики и институциональной базы. Данный вопрос (как и многие другие проблемы защиты прав человека) выходит за рамки интересов отдельного государства, имеет большое межгосударственное значение, поэтому позиция международных организаций должна быть более активной.

1. Европейский опыт реализации и защиты земельных прав женщин

Права женщин на землю в европейских странах регулируются современным законодательством, основанным на идеях гендерного равенства, включающим международные конвенции и договоры, директивы Европейского Союза и национальные законы. В большинстве государств Европы женщины и мужчины имеют равные права на владение, пользование и рас-

поряжение земельными участками, что гарантировано как законодательством, так и судебной практикой³. Тем не менее исторический фактор, культурные традиции и экономические условия могут оказывать определенное влияние на реализацию этих прав.

Согласно Европейской конвенции по правам человека⁴ (ЕКПЧ) все государства — участники Конвенции обязаны обеспечить отсутствие дискриминации (ст. 14) и гарантии права на владение имуществом (ст. 1 Протокола № 1 к ЕКПЧ), что создает нормативную основу для защиты прав женщин на владение и распоряжение землей наравне с мужчинами. Исходя из этого государства — члены ЕС обязаны разрабатывать национальные законы, обеспечивающие равные права мужчин и женщин на приобретение в собственность имущества (в том числе земельных участков), его наследование, аренду, куплю-продажу или совершение иных сделок. Такие меры по устранению гендерного неравенства в отношении доступа к земельной собственности должны быть не только институционально закреплены, но и эффективно реализованы на практике.

Равный доступ к приобретению имущества в собственность (включая землю) не только соответствует требованиям ЕКПЧ, но и является важной предпосылкой для достижения более широкой социальной, экономической и гендерной справедливости. Опираясь на нормы Конвенции, женщины могут отстаивать свои земельные права в случае их нарушения, а при исчерпании всех внутренних средств правовой защиты обращаться в национальные суды и Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ). Таким образом, статья 14 ЕКПЧ и ст. 1 Протокола № 1 составляют надежную правовую базу для обеспечения гендерного равенства в области владения и распоряжения землей во всех государствах — членах ЕС. Европейский Союз активно продвигает принципы гендерного равенства в отношении доступа к ресурсам, включая землю, через общие программы и обязательства для стран-членов. Директива 2006/54/ЕС⁵ гарантирует равенство полов в вопросах труда

³ *Заболотная Л.* Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв). Компаративное исследование // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, XX. Poznań : Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, 2013. P. 65–84.

⁴ Европейская конвенция по правам человека от 04.11.1950 // URL: https://www.echr.coe.int/documents/d/echr/Convention_RUS (дата обращения: 27.03.2025).

⁵ Directive 2006/54/EC on implementing the principle of equal opportunities and equal treatment of men and women in matters of employment and occupation // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/LSU/?uri=CELEX%3A32006L0054> (дата обращения: 22.03.2025).

и занятости, что создает предпосылки для обеспечения равных экономических возможностей мужчин и женщин.

В Европейском Союзе есть также другие программы и инициативы, которые поддерживают принципы гендерного равенства в сфере доступа к имущественным и земельным ресурсам. В частности, Стратегия ЕС по гендерному равенству 2020–2025 гг.⁶ подчеркивает необходимость устранения гендерного разрыва в доступе к экономическим ресурсам и обеспечении равных шансов на приобретение имущества (в том числе земельных участков) в собственность.

7 марта 2025 г. Европейская комиссия приняла Дорожную карту по правам женщин, которая описывает долгосрочное видение достижения гендерного равенства на основе важнейших принципов и политических целей, изложенных в Стратегии ЕС по гендерному равенству. Такое внимание к проблеме равенства прав мужчин и женщин говорит о том, что даже в странах ЕС, где действуют вековые традиции защиты прав человека, она окончательно не решена. Европейский Союз активно поддерживает реформы в сельских районах, где нарушение гендерного равенства и доступа к земле наиболее заметно. Многие проекты реализованы в рамках Единой сельскохозяйственной политики ЕС (САР), включавшей меры по укреплению роли женщин в сельском хозяйстве и обеспечению их доступа к земельным ресурсам⁷.

С 1 января 2023 г. поддержка фермеров и обеспечение устойчивого развития сельских территорий и аграрного сектора во всех странах ЕС осуществляются на новой нормативно-правовой базе — детальных стратегических планах для каждого государства на 2023–2027 гг., утвержденных Европейской комиссией.

Среди многих амбициозных экологических, экономических, социальных и других целей в новой Единой сельскохозяйственной политике ЕС приоритетными являются улучшение гендер-

ного баланса, гендерное равенство и расширение участия женщин в сельском хозяйстве, что впервые предусмотрено ее стратегическими планами.

Страны ЕС должны принять встречные обязательства по улучшению гендерного баланса⁸. Особенно важно данное правило для государств, планирующих вступление в ЕС, которым необходимо устранить барьеры, мешающие женщинам пользоваться своими правами на землю наравне с мужчинами. Это означает борьбу с правовыми, традиционными и культурными ограничениями. Например, как уже отмечалось выше, в некоторых странах до сих пор сохраняются практики предпочтения мужчин в вопросах наследования земли или перераспределения собственности. Европейский Союз активно работает с их правительствами в рамках своих программ, чтобы искоренить подобные формы дискриминации⁹.

Согласно принципам, заложенным в директиве ЕС (в частности Директиву 2006/54/ЕС), страны — члены ЕС обязаны гармонизировать национальное законодательство с этими нормами. Таким образом, они должны защищать равенство полов в вопросах доступа к приобретению имущества (в том числе земельных участков) в собственность. При этом в большинстве европейских государств законы о земле и недвижимости не содержат гендерных ограничений. После Второй мировой войны они провели реформы, ликвидировавшие дискриминацию в сфере земельных и имущественных отношений. С точки зрения действующего законодательства в Европе женщины имеют равные права с мужчинами на приобретение и наследование имущества (в том числе земельных участков), что закреплено в гражданских кодексах большинства стран. Например, во Франции Гражданский кодекс предусматривает четкие правила в области наследования, исключая дискриминацию: дети наследодателя получают равные доли имущества¹⁰. В Испании,

⁶ Gender equality strategy 2020–2025 // URL: https://commission.europa.eu/strategy-and-policy/policies/justice-and-fundamental-rights/gender-equality/gender-equality-strategy_en.

⁷ Deiana M. A. Women's Citizenship in Northern Ireland after the 1998 Agreement // Irish Political Studies. 2013. Vol. 28. Iss. 3. P. 399–412.

⁸ Волков Л. В., Хоткин А. В. Новая стратегия Единой сельскохозяйственной политики Европейского Союза: цели, ориентиры, принципы // Финансовые рынки и банки. 2023. № 11. С. 9.

⁹ Knappe H., Lang S. Between whisper and voice: Online women's movement outreach in the UK and Germany // European Journal of Women's Studies. 2014. Vol. 21. Iss. 4. P. 1–21.

¹⁰ Bousquet D. Les droits des femmes, du ministère aux couches-culottes // URL: http://www.liberation.fr/france/2016/02/11/les-droits-des-femmes-du-ministere-aux-couches-culottes_1432758.

несмотря на исторические различия в регионах (как в случае с традициями Баскского автономного сообщества), централизованное законодательство содержит нормы о защите гендерного равенства¹¹.

Аналогичным образом Гражданский кодекс Италии предоставляет детям равные доли в наследстве, что гарантирует женщинам равные возможности доступа к земельным участкам и иному имуществу. Вместе с тем из-за традиций, сохраняющихся в некоторых регионах, нередко возникают судебные разбирательства, например когда мужчины пытаются оспорить право женщин на наследование земли. Кассационный суд (Corte di Cassazione) в таких делах, как правило, подтверждает принцип гендерного равенства при распределении наследства¹². В соответствии с семейным законодательством супруги обладают равными правами на совместное имущество (включая землю), если иное не определено брачным контрактом. Это дает женщинам более прочные правовые основания владения землей, приобретенной в период брака.

Законодательные реформы последних десятилетий усилили защиту прав женщин-фермеров Италии. Закон № 377/1993 прямо предоставил женщинам в сельской местности равный с мужчинами доступ к государственным субсидиям, связанным с ведением сельского хозяйства¹³. Обратим внимание на практику Конституционного суда по защите земельных прав женщин.

Так, Конституционный суд Италии своим решением признал неконституционными положения некоторых региональных традиций, которые отдавали предпочтение мужчинам при наследовании земли¹⁴. Ранее в некото-

рых аграрных регионах существовали нормы обычного права, отдающие при наследовании предпочтение сыновьям перед дочерьми, но теперь они утратили юридическую силу. Этот случай стал свидетельством того, что судебная система поддерживает принципы равенства. Дела, касающиеся общей собственности супругов на сельскохозяйственные угодья, иногда обнаруживают чрезмерное влияние традиций, ставящих женщин в более уязвимое положение. Итальянские суды успешно борются с такими проявлениями несправедливости¹⁵. Кроме того, в 2020–2022 гг. по нескольким делам административные суды Италии признали нарушения прав женщин при распределении земли, предоставляемой государством, указав на необоснованные препятствия, которые мешали женщинам участвовать в тендерах на получение участков¹⁶. В последние годы в судах начали рассматриваться и дела о правах женщин на традиционно мужскую собственность (например, семейные поместья). Эти дела часто продвигаются сообществами по защите прав женщин, которые ссылаются на европейские нормы, требующие устранить все формы гендерного неравенства¹⁷.

В Испании судебные органы неоднократно подчеркивали, что обычаи не могут противоречить принципам конституционного равенства. Одним из ключевых прецедентов здесь является постановление Конституционного суда Испании № 126/1997, касающееся традиционного наследственного права¹⁸.

В данном деле рассматривался местный обычай (*mayorazgo*), который предусматривал преимущественное право мужчин при наследовании земли. Конституционный суд постановил, что такие нормы противоречат ст. 14 Конститу-

¹¹ *Salido O.* Female employment and policies for balancing work and family life in Spain // *The Spanish Welfare State in European Context* / A. Guillén, M. León (eds.). Aldershot : Ashgate, 2011. P. 187–208.

¹² *Butt T. M., Hassan S. Y., Mehmood K., Muhammad S.* Role of rural women in agricultural development and their constraints // *Journal of Agriculture & Social Sciences*. 2010. Vol. 6. Iss. 3. P. 53–56.

¹³ *Women's Rights in Italy* // URL: <https://collineallemontagne.com/womens-rights-in-italy/>.

¹⁴ *Vacca A.* The Italian Constitution, Constitutional Court Judgments and the Distribution of Competences on Minority Languages // *Journal of Language and Law*. 2016. No. 65. P. 149–158.

¹⁵ *Aymard B.* Goulin Dynamics of Women's Access Conditions to Agricultural Land among the Yacouba of Danané // *International Journal of Social Science Research and Review*. 2022. Vol. 5. Iss. 10. P. 309–320.

¹⁶ *Parisio V.* Italian administrative Courts, competition and services of general economic interest of local relevance: a general overview // *Fascicolo*. 2024. Vol. 3. P. 121–140.

¹⁷ *Vicinelli C.* Il Cammino Delle Donne Nella Societa Italiana // URL: <https://www.istitutostoricoresistenza.it/wp-content/uploads/2017/04/Il-cammino-delle-donne.pdf>.

¹⁸ *Arzo X.* The Constitutional Court of Spain: Doctrines, Practices and Acceptance // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 2021. No. 76. S. 413–438.

ции Испании, поскольку создают явную дискриминацию по признаку пола¹⁹. В другом деле (постановление № 28/2008) рассматривалась практика в Арагоне, где наследование сельскохозяйственных земель также регулировалось традициями, дискриминирующими права женщин. Конституционный суд Испании указал, что региональные традиции, хотя и составляют часть культурного наследия, не могут ограничивать основополагающие права граждан. Суд постановил, что местные правовые акты необходимо привести в соответствие с конституционным принципом равенства. Таким образом, Конституционный суд Испании своими решениями продемонстрировал приверженность принципам равенства, установленным в Конституции, оспаривая дискриминационные региональные традиции. Это играет существенную роль в трансформации правовой системы страны и обеспечении равных прав на землю для женщин.

В Германии решения о наследовании сельскохозяйственных угодий (которые в прошлом могли передаваться только по мужской линии) теперь базируются на нейтральном подходе, игнорирующем пол наследников²⁰.

В сельских районах некоторых стран Восточной Европы женщины всё еще могут быть отстранены от реального управления землей, несмотря на формальное закрепление их прав. Женщины продолжают иногда сталкиваться с трудностями при получении кредитов или субсидий для сельскохозяйственной деятельности. Для преодоления подобных культурных и экономических факторов используются национальные программы, правоприменительные меры и мониторинг соблюдения антидискриминационных норм. В целом же в европейских странах права женщин на землю фундаментально защищены современными законами и принципами равенства, но региональные культурные и иные традиции могут создавать сложности при реализации этих прав.

Судебная практика европейских государств по делам о правах женщин на землю охватывает широкий спектр споров, связанных с обеспечением гендерного равенства, а также

права владения, пользования и распоряжения земельной недвижимостью. Этот вопрос приобретает особое значение в контексте защиты прав человека, недопущения дискриминации и соблюдения принципов, закрепленных как на национальном уровне, так и на уровне международного права (в том числе ЕКПЧ и соответствующие решения ЕСПЧ).

В европейских судах часто рассматриваются споры, обусловленные исторической дискриминацией женщин в их имущественных и земельных правах, включая наследование земли на основании гендерных различий и стереотипов, а также доступ к земле наравне с мужчинами. Европейский суд по правам человека играет важную роль в защите имущественных и земельных прав женщин через применение ст. 14 (запрет дискриминации) ЕКПЧ и ст. 1 Протокола № 1 (право на уважение собственности). С этой точки зрения представляет интерес формирующаяся практика принятия решений в защиту прав женщин в ряде европейских стран (Швеция, Норвегия, Финляндия), которую можно обозначить как меры позитивной дискриминации, позволяющие женщинам, пострадавшим от нарушений их прав на землю, восстановить справедливость. В целом концепция позитивной дискриминации (или позитивного действия) направлена на устранение исторической и системной дискриминации определенных групп населения, обеспечивая им дополнительные возможности или преимущества для достижения реального равенства. В контексте равенства полов (особенно в отношении права частной собственности на землю) эта концепция стремится исправить прежнюю социальную и экономическую несправедливость, которая особенно затронула права женщин.

Швеция активно развивает гендерную политику в области земли и собственности. Женщины, которые в прошлом столкнулись с ограничениями во владении землей из-за дискриминационных практик или семейных традиций, могут претендовать на участие в программах поддержки фермерских хозяйств, льготные условия аренды государственной земли или финансовую поддержку для расширения своих

¹⁹ Tribunal Constitucional de España. Sentencia 126/1997, de 3 de julio 1997 // URL: <https://juristeca.com/es/tribunal-constitucional-de-espaa%C3%B1a/sentencias/1997/7/sentencia-126-1997-de-3-de-julio> (дата обращения: 27.03.2025).

²⁰ *Willenbacher B.* Individualism and Traditionalism in Inheritance Law in Germany, France, England, and the United States // *Journal of Family History*. 2003. Vol. 28. P. 208–225.

владений²¹. Норвегия применяет позитивное действие в сельскохозяйственной и земельной политике через создание квот для женщин в программах распределения земельных участков, особенно на северных территориях, где владение землей долгое время передавалось преимущественно по мужской линии²². По законодательству Норвегии женщины могут получить преференции при наследовании земельных участков, если ранее их права были ограничены из-за местных традиций. В Финляндии разработаны финансовые стимулы, ориентированные на обучение и поддержку женщин в области сельского хозяйства и землевладения. Эта практика способствует увеличению женского участия в традиционно мужской сфере (например, фермерском секторе), обеспечивая равенство доступа к ресурсам²³. Меры позитивной дискриминации не просто дают равные права и доступ, но и работают над устранением последствий вековой дискриминации. В этом ключе они рассматриваются не как прямое вмешательство, а как временная корректировка социальной системы до момента, когда все члены общества (независимо от пола) будут находиться в равных стартовых условиях.

Введение таких мер не всегда получает поддержку со стороны общественности. Споры зачастую сосредотачиваются вокруг границ справедливости: является ли предоставление преференций для одной группы дискриминацией для другой? Мы полагаем, что в вопросах равенства стоит выдерживать баланс интересов и не смещать его в противоположную сторону, дискриминируя теперь уже мужчин. Однако в странах Северной Европы такие подходы пользуются значительной общественной поддержкой. В большинстве других европейских стран законодатель и общество стараются обеспечить гендерное равенство (в том числе в части прав женщин на земельную недвижимость), хотя на практике часто сталкиваются с барьерами, связанными с традициями, гендерными стереотипами, недостатком информации или неравным доступом к ресурсам. Для достижения эффек-

тивной реализации прав женщин на землю, на наш взгляд, необходима четкая фиксация в земельных законах равенства полов по приобретению прав на землю. Отдельно должны быть закреплены равноправное наследование земель (путем устранения культурных или религиозных ограничений) и равные возможности для купли-продажи, дарения и совершения иных сделок с землей.

2. Правовые, культурные и социально-экономические проблемы реализации прав женщин на землю в странах Африки и Азии

Законодательство стран Африки и Азии, регулирующее права женщин на землю, отличается разнообразием и зависит от исторических, культурных, религиозных, экономических факторов. В этих регионах права женщин на владение и пользование земельными участками часто оказываются ограниченными по сравнению с правами мужчин, несмотря на существующие международные и национальные нормы, декларирующие равенство полов.

Эффективная реализация прав женщин на землю сталкивается с большим количеством препятствий. Проблемы связаны в первую очередь с тем, что в Африке и Азии правовое регулирование часто функционирует одновременно на нескольких уровнях, включая формальные системы (основанные на конституциях и законах) и неформальные (базирующиеся на обычаях, религиозных правилах и традициях). Поэтому гендерное неравенство в вопросах приобретения земельных участков в собственности особенно остро ощущается на фоне устойчивых патриархальных традиций и экономической зависимости женщин²⁴. Несмотря на то что в последние десятилетия многие страны Африки предприняли ряд реформ, нацеленных на обеспечение прав женщин, фактическая их реализация остается сложной задачей.

Так, Африканская хартия прав человека и народов и особенно Протокол о правах женщин

²¹ Andersson E. Gendered Resource Access and Utilisation in Swedish Family Farming // *Land*. 2014. Vol. 3. P. 188–203.

²² Evaluation of Norway's support to women's rights and gender equality in development cooperation Evaluation department report 2/2015. Annexes 1 to 10 of the evaluation report // URL: <http://cdn-odi-production.s3-website-eu-west-1.amazonaws.com/media/documents/10312.pdf>.

²³ Sulkunen I. Suffrage, gender and citizenship in Finland // *NordEuropaForum*. 2007. Vol. 1. P. 27–44.

²⁴ Agarwal B. Gender and land rights revisited: exploring new prospects via the State, family and market // *Journal of Agrarian Change*. 2003. Vol. 3. P. 184–224.

в Африке (Протокол Мапуту, 2003)²⁵ содержат специальные гарантии. Протокол Мапуту требует, чтобы женщины имели равные с мужчинами права владеть землей и получать наследство, и предусматривает, что вдова имеет право на справедливую долю наследства имущества мужа и право продолжать жить в семейном доме. Но практика носит не столь однозначный характер.

Женщины составляют существенную часть сельского населения. Их доля в сельском хозяйстве может достигать 70–80 % в некоторых странах, где они играют ведущую роль в производстве продовольствия, сборе воды и управлении природными ресурсами. Однако положение женщин в системе землевладения часто остается маргинализированным. Основными причинами этого являются:

— во-первых, патриархальные традиции. В большинстве традиционных обществ Африки собственность на землю передается по мужской линии (патрилокальная система). То есть женщины редко наследуют землю. После замужества они попадают в зависимость от мужей, а в случае развода или смерти супруга могут потерять право на использование земли. Например, в некоторых общинах вдова вынуждена покинуть землю покойного мужа, так как ее собственность переходит родственникам по мужской линии;

— во-вторых, противоречие обычного права принятым законам. Хотя многие африканские страны юридически зафиксировали равные права на землю для мужчин и женщин (например, через конституции и законы о земле), в сельских районах традиционные системы управления землей остаются доминирующими²⁶. Старейшины часто ориентируются на традиции, а не на законы, гарантирующие гендерное равенство. В Руанде Закон о земельных реформах 2005 г.²⁷ стал важной вехой в

укреплении гендерного равенства и предоставлении прав женщинам. Признавая равные права женщин и мужчин на владение землей реформа оказала серьезное влияние на социально-экономическое положение женщин, особенно в сельских районах²⁸, где земля является главным ресурсом для обеспечения крестьян продовольствием. Одним из ключевых нововведений стало создание практики совместного оформления земельных участков.

Данное правило гарантирует, что права женщин как совладельцев земли закрепляются юридически. Это особенно актуально в контексте традиционной системы наследования, где женщины часто сталкивались с дискриминацией. Внедрение таких мер стало возможным благодаря комплексным программам и инициативам, поддерживаемым как на национальном, так и на международном уровне, и при активном содействии гражданского общества. Положительные результаты этой реформы: прогресс в области экономической независимости женщин, усиление их роли в принятии решений внутри семей и местных сообществ, общее улучшение гендерного равноправия в стране. Вместе с тем, несмотря на достижения, полной реализации прав женщин препятствует недостаточно эффективное применение Закона, поэтому Руанда сейчас усиливает просветительские программы для обеспечения его соблюдения.

Конституция Кении 2010 г. гарантирует женщинам равные с мужчинами права на владение, пользование и распоряжение землей²⁹. При этом в сельских районах влияние традиционного права, которое часто связано с наследственными нормами (наследование по мужской линии), остается доминирующим.

На прогрессивные изменения в вопросах гендерного равенства, особенно касающихся права собственности и наследования земли,

²⁵ Protocol to the African charter on Human and People's right on the rights of women in Africa. Adopted by the 2nd Ordinary Session of the Assembly of the Union Maputo, Mozambique 11th July 2003.

²⁶ Rwanda Women Network (RWN). 2010. Customary law and its implications for women's access to land. Women's land rights gains eroded by cultural practices and negative attitude: The Rwanda Case // URL: www.idrc.ca/en/ev-158124_201-1-DO_TOPIC.html (дата обращения: 27.03.2025).

²⁷ NGOGA, Thierry: Analysis of Data from Rwanda's Land Administration and Information System. Kigali, Rwanda : USAID.LAND Project.

²⁸ Uwayezu E., Mugiraneza Th. Land Policy Reform in Rwanda and Land Tenure Security for all Citizens: Provision and Recognition of Women's Rights over Land // Gender Issues in Land Administration. 2011. No. 4914. P. 1–18.

²⁹ The Constitution of Kenya 2010 // URL: http://www.kenyalaw.org/kenyalaw/klr_home/.

указывает судебная практика. Так, решение суда по делу *Rono v. Rono*³⁰ стало значительным прецедентом, продемонстрировав, что даже в случае столкновения конституционных прав с местными обычаями последние не имеют приоритета, если они нарушают принципы равенства. При изучении материалов дела *Echaria v. Echaria*³¹ становится очевидным, что судебная система стала признавать вклад женщины в семейное благосостояние, включая домашний труд, равноценным материальному или финансовому вкладу мужчины. Это решение подрывает традиционные взгляды, при которых права женщины на совместное имущество, в том числе землю, игнорировались из-за ее «непрямого» участия в его приобретении. Судебное признание домашнего труда как вклада в общий совместный доход и имущество стало гигантским шагом в борьбе с гендерной дискриминацией в странах Африки. Стоит также отметить, что эти решения указывают на позитивную тенденцию: судебная власть берет на себя ведущую роль в обеспечении справедливости и равенства женщин, несмотря на существующие культурные и социальные препятствия. Однако реализация этого на практике может быть медленной из-за сильного влияния традиций, давления со стороны местных общин и отсутствия широкого распространения среди женщин информации о судебных изменениях. Правовое положение женщин в африканских государствах в системе землевладения обусловлено их экономической зависимостью и бедностью. Даже если женщины имеют формальное право на покупку или аренду земли, ограниченный доступ к финансовым ресурсам фактически лишает их таких возможностей. Кредитные учреждения в сельских районах, где земля представляет собой важнейший актив, требуют залога, гарантий и иных финансовых

обязательств, которые большинство женщин не могут предоставить.

Причиной этому служит исторически сложившееся неравенство, при котором женщины не являются собственниками материальных благ, поскольку земля, как правило, наследуется по мужской линии или остается в распоряжении мужской родовой группы³². Ситуация усугубляется тем, что культурные и традиционные нормы в патриархальных обществах делают владение землей или другими активами для женщин социально и юридически проблематичным. Даже если женщина получает доступ к земле, ее права ограничиваются семейным или общинным окружением. Примечательно, что такие барьеры существуют даже в государствах, где законодательство провозглашает равные кредитные возможности для мужчин и женщин. Некоторые исследователи пишут, что программы микрокредитования в сельских районах Африки нередко обходят женщин из-за их недостаточной кредитоспособности ввиду отсутствия активов³³. Кроме того, при наличии формальных прав покупка или аренда земли для женщины остается проблематичной, поскольку большая часть заработанных денег тратится на содержание семьи, что не оставляет ей шанса накопить капитал³⁴. Возникает замкнутый круг: отсутствие земли лишает женщину источника дохода, а отсутствие денег — перспективы улучшения своего материального положения.

Таким образом, несмотря на важные реформы как в области права, так и в части судебной практики, экономическая зависимость и бедность являются преградами на пути не только к достижению равных возможностей женщин в сфере землевладения, но и к обретению ими устойчивой финансовой независимости. Решение этих проблем требует комплексного под-

³⁰ Kenya: *Rono v. Rono* (2005) // URL: [https://www.cehurd.org/wp-content/uploads/2012/04/right%20to%20health%20data%20base/CASES/KENYA/Rono%20v%20Rono%20\(2005\)%20AHLR%20107%20\(KeCA%202005\).pdf](https://www.cehurd.org/wp-content/uploads/2012/04/right%20to%20health%20data%20base/CASES/KENYA/Rono%20v%20Rono%20(2005)%20AHLR%20107%20(KeCA%202005).pdf) (дата обращения: 27.03.2025).

³¹ *Maina J. N.* Reconciling *Echaria v. Echaria* with Article 45 of the Constitution // URL: https://www.researchgate.net/publication/314470419_Reconciling_Echaria_v_Echaria_with_Article_45_of_the_Constitution (дата обращения: 27.03.2025).

³² Food insufficiency is associated with high-risk sexual behavior among women in Botswana and Swaziland / S. D. Weiser, K. Leiter, D. R. Bangsberg [et al.] // *PLoS Medicine*. 2007. Vol. 4. e260.

³³ Women's rights and access to land: Women's Land Access Trusts (WLAT) experiences // URL: http://www.idrc.ca/en/ev158124-201-1-DO_TOPIC.html (дата обращения: 27.03.2025).

³⁴ *Quisumbing A. R., Maluccio J. A.* Resources at marriage and intrahousehold allocation: Evidence from Bangladesh, Ethiopia, Indonesia, and South Africa // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2002. Vol. 65. P. 283–328.

хода, включающего реформу систем микрофинансирования, создание программ поддержки женщин-предпринимателей, поощрение в виде государственных субсидий и грантов, которые позволили бы им получить доступ к земле как экономическому ресурсу. Только так можно устранить неравенство, учитывая и правовые, и социально-экономические аспекты положения женщин в сельских районах.

Законодательное обеспечение прав женщин на землю в азиатских странах нередко оказывается более развитым, чем в африканских, но фактическая реализация таких законов связана с определенными сложностями.

Это создает серьезный разрыв между тем, что предусматривает закон, и тем, что происходит на практике³⁵. В ряде стран Азии (Индия, Вьетнам, Филиппины, Индонезия) законодательство четко устанавливает равные права мужчин и женщин на землю, в том числе наследование, владение и пользование землей. Например, в Индии законы о наследовании признают равные права женщин при наследовании имущества. В августе 2020 г. Верховный суд Индии вынес историческое решение, согласно которому дочери должны пользоваться равными правами на наследование семейной земли, что является запоздалым и долгожданным сдвигом в сторону большего равенства для женщин Индии³⁶.

В некоторых других странах, в частности Филиппинах, женщины имеют равный доступ к приобретению земли в браке в совместную собственность. В Монголии обеспечение прав женщин на землю активно поддерживается в рамках земельных реформ и инициатив развития сельских районов. Но культурные особенности остаются весомым препятствием для фактической реализации женских прав. В глубоко патриархальных обществах Азии, таких

как регионы Южной Азии (например, Пакистан, Непал, Афганистан), женщины нередко лишаются права приобретения земли из-за давления семьи, ограничений со стороны общины или местных обычаев. Например, даже если женщина юридически имеет право наследовать землю, на практике ее могут убедить либо заставить отказаться от своей доли в пользу братьев или других мужчин в семье, чтобы сохранить честь семьи³⁷ или избежать раздела семейной собственности.

Кроме того, в регионах Азии с устоявшимися общинными или клановыми традициями мужчины часто доминируют в вопросах принятия решений, что усложняет женщинам доступ к земле или иному имуществу. При регистрации права собственности у женщины иногда возникают трудности из-за бюрократических процедур, слабой грамотности или отсутствия информации о своих правах. Даже в странах, где действует законодательство о равенстве прав, существуют ограничения в их реализации, обусловленные отсутствием женского представительства на местных уровнях власти или в органах правосудия.

Тем не менее в ряде стран Азии мы видим улучшения благодаря активной общественной работе³⁸, международным программам и мерам поддержки. Например, в Индонезии программы по регистрации земли предполагают гендерный подход, а в Индии женские движения и инициативы помогают сельским женщинам отстаивать свои права. Таким образом, хотя законодательное обеспечение в Азии действительно в некоторых случаях оказывается более прогрессивным, чем в Африке, оба региона сталкиваются с похожими вызовами, требующими комплексного подхода — сочетания правовых реформ, информационно-просветительских кампаний, поддержки женщин

³⁵ Asian NGO Coalition for Agrarian Reform and Rural Development (ANGOC), Association for Land Reform and Development (ALRD), and International Land Coalition (ILC). (2011). Asian regional workshop on women and land rights : workshop proceedings. 25–26 October 2010. Quezon City: ANGOC, ALRD, and ILC.

³⁶ Deo S. With a historic legal decision, India marks progress toward equal inheritance rights for daughters // URL: <https://landportal.org/blog-post/2021/02/historic-legal-decision-india-marks-progress-toward-equal-inheritance-rights> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁷ Daley E., Flower C., Miggiano L., Pallas S. Women's lands rights and gender justice in land governance: pillars in the promotion and protection of women's human rights in rural areas // URL: <https://landportal.org/library/resources/intern-womens-201301/women%E2%80%99s-land-rights-and-gender-justice-land-governance> (дата обращения: 27.03.2025).

³⁸ Lastarria-Cornheil S. Feminization of agriculture: Trends and driving forces // URL: https://www.researchgate.net/publication/237337003_Feminization_of_Agriculture_Trends_and_Driving_Forces (дата обращения: 27.03.2025).

в отстаивании их прав на земельную собственность³⁹, — реализация которого будет способствовать достижению равноправия женщин в этих странах, устранил системные барьеры и культурные стереотипы, смягчит экономические трудности, которые приходится преодолевать женщинам. Для осуществления указанной цели должны быть решены следующие задачи:

— разработка новых (или дополнение действующих) законов, гарантирующих равные права для женщин и мужчин, включая право на наследование имущества; устранение дискриминационных норм в законах, допускающих ограничения прав женщин в вопросах развода, опеки и владения имуществом;

— обеспечение доступного и бесплатного качественного образования для девочек с обучением их защите своих прав, что позволит сформировать у них профессиональные навыки, полезные в сельских, бедных районах;

— расширение экономических возможностей женщин через доступ к микрофинансовым инструментам, программам трудоустройства, кредитным ресурсам, содействие их участию в управлении бизнесом.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что, несмотря на существующие много десятилетий международные акты о правах человека, закрепление в конституциях и земельных законах большинства стран мира норм о гендерном равенстве, рассмотренная проблема всё еще далека от окончательного решения. В Европейском Союзе практически отсутствует дискриминация женщин, однако она еще встречается в удаленных сельских районах некоторых стран Европы, где продолжают действовать местные традиции и нормы обычного права. Дискриминация женщин затрагивает три аспекта: неравенство при наследовании земельных участков; ограничение доступа к кредитам; препятствия, с которыми сталкивается женщина, занимающаяся бизнесом (фермерством) с приобретением для этого земельного участка. В то же время в случаях, когда женщины обращаются в суд за защитой своих земельных прав, суды всегда встают на их сторону. Впрочем,

таких исков немного, поскольку женщины, как правило, боятся общественного мнения.

Полностью поддерживая европейскую судебную практику защиты прав женщин, мы не можем согласиться с идеей позитивной дискриминации, реализуемой в некоторых странах Северной Европы, так как дискриминация заслуживает осуждения вне зависимости от того, происходит ли она в отношении женщин или мужчин. Это явление следует искоренять в обоих случаях.

В странах Азии и Африки защита земельных прав женщин весьма специфическая, здесь по-прежнему существуют ограничения в части наследования, хотя данная тенденция постепенно преодолевается, и женщины получают земельные участки в совместную собственность с мужьями. Проводятся кампании по правовому просвещению женщин, в рамках которых они информируются и о своих земельных правах. Законодательно закрепляется обязанность получения согласия супруги при продаже семейной недвижимости (включая землю), чтобы предотвратить случаи продажи мужем без ведома жены совместного имущества и оставления семьи без средств. Появляется всё больше доказательств того, что, когда женщины получают юридически защищенный участок земли, это повышает их доходы, сокращает риск бедности детей, улучшает питание семьи и даже уменьшает домашнее насилие. Успешный опыт некоторых стран Азии и Африки служит моделью для тех государств, где изменения пока идут медленнее.

Таким образом, суть проблемы обычно не в отсутствии норм, регулирующих равенство прав мужчин и женщин, и даже не в том, что суды неправильно такие нормы применяют. Проблема в том, что женщины боятся обращаться в суд, а это значит, что требуется их более подробное информирование о правах посредством СМИ, школ и Интернета, а также обеспечение доступа женщин к правосудию через создание системы гарантий, позволяющих им избегать преследований со стороны традиционного общества. Поэтому считаем полезным учреждать специализированные органы или институты омбудсменов по земельным вопросам женщин, куда гражданки могли бы обращаться за защитой своих прав.

³⁹ *Liamzon C., Arevalo A., Naungayan M. J. Women's Land Rights in Asia* https://hlnr.org.in/documents/Womens_Land_Rights_in_Asia_Land_Watch_Asia.pdf (дата обращения: 27.03.2025).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Волков Л. В., Хоткин А. В. Новая стратегия Единой сельскохозяйственной политики Европейского Союза: цели, ориентиры, принципы // Финансовые рынки и банки. 2023. № 11. С. 5–10.
- Заболотная Л. Наследственное право молдавских женщин (XIV–XVII вв.). Компаративное исследование // *Balkanica Posnaniensia. Acta et studia*, XX. Poznań : Wydawnictwo Instytutu Historii UAM, 2013. P. 65–84.
- Agarwal B. Gender and land rights revisited: exploring new prospects via the State, family and market // *Journal of Agrarian Change*. 2003. Vol. 3. P. 184–224.
- Andersson E. Gendered Resource Access and Utilisation in Swedish Family Farming // *Land*. 2014. Vol. 3. P. 188–203.
- Arzoz X. The Constitutional Court of Spain: Doctrines, Practices and Acceptance // *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 2021. No. 76. S. 413–438.
- Aymard B. Goulin Dynamics of Women's Access Conditions to Agricultural Land among the Yacouba of Danané // *International Journal of Social Science Research and Review*. 2022. Vol. 5. Iss. 10. P. 309–320.
- Butt T. M., Hassan S. Y., Mehmood K., Muhammad S. Role of rural women in agricultural development and their constraints // *Journal of Agriculture & Social Sciences*. 2010. Vol. 6. Iss. 3. P. 53–56.
- Daley E., Flower C., Miggiano L., Pallas S. Women's lands rights and gender justice in land governance: pillars in the promotion and protection of women's human rights in rural areas // URL: <https://landportal.org/library/resources/intern-womens-201301/women%E2%80%99s-land-rights-and-gender-justice-land-governance> (дата обращения: 22.03.2025).
- Deiana M. A. Women's Citizenship in Northern Ireland after the 1998 Agreement // *Irish Political Studies*. 2013. Vol. 28. Iss. 3. P. 399–412.
- Deo S. With a historic legal decision, India marks progress toward equal inheritance rights for daughters // URL: <https://landportal.org/blog-post/2021/02/historic-legal-decision-india-marks-progress-toward-equal-inheritance-rights> (дата обращения: 22.03.2025).
- Food insufficiency is associated with high-risk sexual behavior among women in Botswana and Swaziland / S. D. Weiser, K. Leiter, D. R. Bangsberg [et al.] // *PLoS Medicine*. 2007. Vol. 4. e260.
- Knappe H., Lang S. Between whisper and voice: Online women's movement outreach in the UK and Germany // *European Journal of Women's Studies*. 2014. Vol. 21. Iss. 4. P. 1–21.
- Parasio V. Italian administrative Courts, competition and services of general economic interest of local relevance: a general overview // *Fascicolo*. 2024. Vol. 3. P. 121–140.
- Quisumbing A. R., Maluccio J. A. Resources at marriage and intrahousehold allocation: Evidence from Bangladesh, Ethiopia, Indonesia, and South Africa // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2002. Vol. 65. P. 283–328.
- Salido O. Female employment and policies for balancing work and family life in Spain // *The Spanish Welfare State in European Context* / A. Guillén, M. León (eds.). Aldershot : Ashgate, 2011. P. 187–208.
- Sulkunen I. Suffrage, gender and citizenship in Finland // *NordEuropaForum*. 2007. Vol. 1. P. 27–44.
- Uwayezu E., Mugiraneza Th. Land Policy Reform in Rwanda and Land Tenure Security for all Citizens: Provision and Recognition of Women's Rights over Land // *Gender Issues in Land Administration*. 2011. No. 4914. P. 1–18.
- Vacca A. The Italian Constitution, Constitutional Court Judgments and the Distribution of Competences on Minority Languages // *Journal of Language and Law*. 2016. No. 65. P. 149–158.
- Vicinelli C. Il Cammino Delle Donne Nella Societa Italiana // URL: <https://www.istitutostoricoresistenza.it/wp-content/uploads/2017/04/Il-cammino-delle-donne.pdf>.
- Willenbacher B. Individualism and Traditionalism in Inheritance Law in Germany, France, England, and the United States // *Journal of Family History*. 2003. Vol. 28. P. 208–225.

REFERENCES

- Agarwal B. Gender and land rights revisited: exploring new prospects via the State, family and market. *Journal of Agrarian Change*. 2003;3:184-224.
- Andersson E. Gendered Resource Access and Utilisation in Swedish Family Farming. *Land*. 2014;3:188-203.
- Arzoz X. The Constitutional Court of Spain: Doctrines, Practices and Acceptance. *Zeitschrift für öffentliches Recht*. 2021;76:413-438. (In Germ.).

- Aymard B. Goulin Dynamics of Women's Access Conditions to Agricultural Land among the Yacouba of Danané. *International Journal of Social Science Research and Review*. 2022;5(10):309-320.
- Butt TM, Hassan SY, Mehmood K, Muhammad S. Role of rural women in agricultural development and their constraints. *Journal of Agriculture & Social Sciences*. 2010;6(3):53-56.
- Daley E, Flower C, Miggiano L, Pallas S. Women's lands rights and gender justice in land governance: pillars in the promotion and protection of women's human rights in rural areas. Available at: <https://landportal.org/library/resources/intern-womens-201301/women%E2%80%99s-land-rights-and-gender-justice-land-governance> [Accessed 22.03.2025].
- Deiana MA. Women's Citizenship in Northern Ireland after the 1998 Agreement. *Irish Political Studies*. 2013;28(3):399-412.
- Deo S. With a historic legal decision, India marks progress toward equal inheritance rights for daughters. Available at: <https://landportal.org/blog-post/2021/02/historic-legal-decision-india-marks-progress-toward-equal-inheritance-rights> [Accessed 22.03.2025].
- Knappe H, Lang S. Between whisper and voice: Online women's movement outreach in the UK and Germany. *European Journal of Women's Studies*. 2014;21(4):1-21.
- Parasio V. Italian administrative Courts, competition and services of general economic interest of local relevance: a general overview. *Fascicolo*. 2024;3:121-140.
- Quisumbing AR, Maluccio JA. Resources at marriage and intrahousehold allocation: Evidence from Bangladesh, Ethiopia, Indonesia, and South Africa. *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2002;65:283-328.
- Salido O. Female employment and policies for balancing work and family life in Spain. In: Guillén A, León M (eds.). *The Spanish Welfare State in European Context*. Aldershot: Ashgate; 2011.
- Sulkunen I. Suffrage, gender and citizenship in Finland. *NordEuropaForum*. 2007;1:27-44.
- Uwayezu E. Land Policy Reform in Rwanda and Land Tenure Security for all Citizens: Provision and Recognition of Women's Rights over Land. *Gender Issues in Land Administration*. 2011;4914:1-18.
- Vacca A. The Italian Constitution, Constitutional Court Judgments and the Distribution of Competences on Minority Languages. *Journal of Language and Law*. 2016;65:149-158.
- Vicinelli C. Il Cammino Delle Donne Nella Societa Italiana. Available at: <https://www.istitutostoricoresistenza.it/wp-content/uploads/2017/04/Il-cammino-delle-donne.pdf>.
- Volkov LV, Khotkin AV. The New Strategy of the Common Agricultural Policy of the European Union: Goals, Guidelines, Principles. *Financial Markets and Banks*. 2023;11:9 (5–10). (In Russ.).
- Weiser SD, et al. Food insufficiency is associated with high-risk sexual behavior among women in Botswana and Swaziland. *PLoS Medicine*. 2007;4:e260.
- Willenbacher B. Individualism and Traditionalism in Inheritance Law in Germany, France, England, and the United States. *Journal of Family History*. 2003;28:208-225.
- Zabolotnaya L. Inheritance Rights of Moldavian women (14th–17th centuries). Comparative study. In: *Balcanica Posnaniensia. Acta et studia, XX*. Poznań. Wydawnictwo Instytutu Historii UAM; 2013.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Анисимов Алексей Павлович, доктор юридических наук, профессор кафедры «Уголовное право и публично-правовые дисциплины» Донского государственного технического университета д. 1, пл. Гагарина, г. Ростов-на-Дону 344003, Российская Федерация
anisimovap@mail.ru

Иванова Светлана Витальевна, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой публично-правовых наук Оренбургского института (филиала) Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), профессор кафедры гражданского права Донского государственного технического университета д. 50, Комсомольская ул., г. Оренбург 460000, Российская Федерация
servis-05@list.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey P. Anisimov, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of Criminal Law and Public Law Disciplines, Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russian Federation
anisimovap@mail.ru

Svetlana V. Ivanova, Dr. Sci. (Law), Associate Professor, Head of the Department of Public Legal Sciences, Orenburg Institute (branch), Kutafin Moscow State Law University (MSAL); Professor, Department of Civil Law, Don State Technical University, Orenburg, Russian Federation
servis-05@list.ru

Материал поступил в редакцию 27 марта 2025 г.

Статья получена после рецензирования 13 июня 2025 г.

Принята к печати 15 мая 2026 г.

Received 27.03.2025.

Revised 13.06.2025.

Accepted 15.05.2026.

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.080-093

С. В. ВорошиловаСаратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация**О. Ю. Фомина**Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Институт примирения супругов в бракоразводном процессе: от советской модели к современным реформам

Резюме. В исследовании выявлены процессуальные проблемы примирения супругов в делах о расторжении брака в современной России с учетом исторического опыта СССР. Проанализированы актуальные законодательные инициативы, предусматривающие возложение на суд обязанностей по примирению супругов при наличии общих несовершеннолетних детей путем получения социально-психологических услуг. Научная новизна заключается в междисциплинарном анализе сквозь призму историко-правового опыта влияния усложненной судебной процедуры расторжения брака на статистику разводов и сохранение семьи. Опираясь на данные СССР, авторы показывают, что более детализированное законодательное регулирование процедуры расторжения брака, изначально ориентированное на сохранение семьи, не обеспечивает существенного снижения числа разводов, приводя к формальному подходу судей к задаче содействия примирению сторон. Отмечена недостаточная практическая реализация примирительных процедур, в частности медиации, способной эффективно урегулировать семейные конфликты. Историко-правовой анализ демонстрирует, что и в советский период обязательная публикация сведений о разводе, повышенные пошлины и двухэтапное рассмотрение дел не давали ощутимых результатов, порождая формальный характер примирения и рост судебной нагрузки. В статье опровергнут тезис о необходимости радикального усложнения бракоразводного процесса, указано на приоритет принципа добровольности брачного союза и практическую важность «мягкой обязательности» медиации. Сделан вывод о нецелесообразности чрезмерного государственного вмешательства и высокой значимости доступности социально-психологических услуг на досудебном этапе. Практическая ценность исследования состоит в предложении конкретных мер по совершенствованию практики применения примирительных процедур при расторжении брака в судебном порядке.

Ключевые слова: историко-правовой опыт СССР; Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.; практика советских судов; расторжение брака; примирительные процедуры; медиация; социально-психологические услуги

Для цитирования: Ворошилова С. В., Фомина О. Ю. Институт примирения супругов в бракоразводном процессе: от советской модели к современным реформам. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 80–93. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.080-093

The Institution of Spousal Reconciliation in Divorce Proceedings: From the Soviet Model to Contemporary Reforms

Svetlana V. Voroshilova

Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Olga Yu. Fomina

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The study identifies procedural problems associated with spousal reconciliation in divorce cases in contemporary Russia, taking into account the historical experience of the USSR. The authors analyze current legislative initiatives proposing that courts be entrusted with duties aimed at reconciling spouses who have common minor children through the provision of social and psychological services. The scientific novelty of the paper lies in its interdisciplinary analysis, carried out through the prism of historical and legal experience, of the impact of a more complex judicial divorce procedure on divorce statistics and family preservation. Relying on Soviet statistical data, the authors demonstrate that a more detailed legislative regulation of divorce proceedings, initially oriented toward preserving the family, does not ensure any significant reduction in the number of divorces and, in practice, tends to encourage a formalistic judicial approach to the task of promoting reconciliation between the parties. The paper highlights the insufficient practical implementation of conciliatory procedures, including mediation, which is capable of effectively resolving family conflicts. Historical and legal analysis shows that, during the Soviet period as well, the mandatory publication of information on divorce, increased state fees, and two-stage judicial consideration of divorce cases failed to produce meaningful results, instead generating a formalized character of reconciliation and increasing the judicial workload. The authors reject the thesis that a radical complication of divorce proceedings is necessary, emphasizing instead the priority of the principle of voluntariness of the marital union and the practical importance of the «soft mandatory» use of mediation. The study concludes that excessive state intervention is inadvisable and that the availability of social and psychological services at the pre-trial stage is of particular importance. The practical value of the research lies in its proposal of specific measures to improve the application of reconciliation procedures in judicial divorce proceedings.

Keywords: historical and legal experience of the USSR; Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR of July 8, 1944; Soviet courts jurisprudence; divorce; conciliation procedures; mediation; social and psychological services

Cite as: Voroshilova SV, Fomina OYu. The Institution of Spousal Reconciliation in Divorce Proceedings: From the Soviet Model to Contemporary Reforms. *Lex russica*. 2026;79(6):80-93. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.080-093

Введение

Всемерная поддержка семьи, традиционных семейных ценностей — приоритетная задача государства, решение которой поможет преодолеть негативные демографические тенденции. Центральное место в семейных отношениях занимает институт брака, который, по мнению демографов¹, существенно влияет на статистику рождаемости. Именно брак и крепкие отношения в семье способствуют формированию у

детей здоровых морально-нравственных ориентиров. Вместе с тем, по сведениям Росстата, количество расторгнутых браков в Российской Федерации постоянно растет, в 2024 г. соотношение числа разводов и зарегистрированных браков достигло максимального значения (за январь — июнь 2024 г. на 1 тыс. браков пришлось 884 развода)².

В этих условиях всё чаще звучат предложения об усложнения процедуры развода и привлечении к бракоразводному процессу специалистов,

¹ Демографические итоги 1 полугодия 2024 года в России // Демоскоп № 1043–1044. 17 сентября — 30 сентября 2024. URL: <https://www.demoscope.ru/weekly/2024/01043/barom06.php> (дата обращения: 20.02.2025).

² Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: <https://rosstat.gov.ru> (дата обращения: 20.02.2025).

способных оказать психологическую помощь в примирении супругов³. Так, внесенный в Государственную Думу 26 ноября 2024 г. законопроект № 779096-8 возлагает на суд обязанность принимать дополнительные меры (в виде социально-психологических услуг), направленные на примирение супругов, при наличии у них общих несовершеннолетних детей⁴.

Необходимо отметить, что это уже вторая попытка за вторую половину 2024 г. сформулировать предложения по изменению законодательства в части урегулирования примирения супругов. В сентябре 2024 г. теми же лицами внесен в Государственную Думу проект закона № 714687-8⁵, также предусматривавший обязанность суда принимать меры по примирению супругов путем получения ими социально-психологических услуг даже при наличии их взаимного согласия на расторжение брака. В экспертном заключении Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства на данный законопроект в числе причин для отказа в поддержке были названы: фрагментарный характер предлагаемых изменений; противоречие принципу добровольности брака из-за необоснованного распространения такой обязанности на все случаи его расторжения без учета особенностей конкретных семейных отношений; неопределенность в вопросе о том, на кого возлагать расходы по получению социально-психологических услуг, и некоторые другие⁶.

Несмотря на то что в рассматриваемых законопроектах коллектив авторов частично совпадает, в последней версии учтены далеко не все замечания и рекомендации.

Остается неясным следующее. Почему при наличии общих несовершеннолетних детей и отсутствии согласия одного из разводящихся супругов суд должен принимать меры к их примирению, в том числе посредством получения социально-психологических услуг? Как быть, если перечисленные аспекты сопровождаются насилием в семье, которое и подтолкнуло к принятию решения о разводе? Кроме того, в упомянутом экспертном заключении предлагалось разработать «открытый перечень обстоятельств, свидетельствующих о невозможности восстановления семейных отношений и, следовательно, о заведомой нецелесообразности и неэффективности проведения примирительной процедуры», поскольку таковые могут возникнуть и при наличии общих несовершеннолетних детей.

Законопроект № 779096-8 оставляет открытым вопрос, поставленный ранее Счетной палатой РФ, о том, на кого в итоге лягут расходы за оказанные социально-психологические услуги. Предложение о финансовом обеспечении за счет средств бюджетов бюджетной системы⁷ оставлено без внимания.

Министерство юстиции верно отметило, что предлагаемое законопроектом решение о принятии судом мер, предусматривающих оказание супругам социально-психологических услуг, не соотносится с целями Федерального закона от 28.12.2013 № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации»⁸, поскольку в соответствии с его статьей 15 расторжение брака не является основанием для признания граждан нуждающимися в социальном обслуживании⁹.

³ См., например: *Баринов А. В., Кузнецова Н. В.* Развитие правового регулирования расторжения брака // *Аграрное и земельное право.* 2024. № 2 (230). С. 159.

⁴ Пояснительная записка к проекту федерального закона № 779096-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/779096-8> (дата обращения: 20.02.2025).

⁵ Законопроект № 714687-8 // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/714687-8> (дата обращения: 07.04.2025).

⁶ Экспертное заключение по проекту федерального закона № 714687-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», принято на заседании Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 5 декабря 2024 г. № 247/оп-4/2024 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Заключение Счетной палаты РФ на проект федерального закона № 714687-8 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части оказания социально-психологических услуг с целью примирения супругов, расторгающих брак в судебном порядке) // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/714687-8> (дата обращения: 07.04.2025).

⁸ СЗ РФ. 2013. № 52 (ч. I). Ст. 7007.

⁹ Письмо Министерства юстиции РФ от 24.07.2024 № 14/77921-ВВ «О проекте федерального закона» // СПС «Гарант».

Разработчики, услышав рекомендацию Министерства юстиции РФ, предложили дополнить п. 5 ст. 15 Закона № 442-ФЗ таким образом, чтобы желание расторгнуть брак при наличии несовершеннолетних детей фактически приравнивалось к внутрисемейным конфликтам, связанным с наркотической или алкогольной зависимостью, патологической склонностью к азартным играм или психическими расстройствами, насилием в семье. Между тем в целом статья 15 перечисляет обстоятельства, «которые ухудшают или могут ухудшить условия жизнедеятельности», а в п. 5 указаны ситуации с определенными отклонениями в поведении, к которым желание расторгнуть брак отнести нельзя. Вследствие этого предлагаемая концепция законодательной инициативы оказывается внутренне противоречивой и вызывает множество вопросов.

В общей полемике о возможных процессуальных проблемах, с которыми столкнется правоприменитель при реализации данных предложений, уместно обратиться к накопленному в советский период историко-правовому опыту нашей страны.

Историко-правовой опыт СССР. Особое значение в законодательном закреплении института примирения супругов в СССР имеет Указ Президиума Верховного Совета СССР от 08.07.1944¹⁰ (далее — Указ), усложнивший бракоразводный процесс. Расторгнуть брак теперь можно было только в суде, предварительно опубликовав в местной газете объявление о разводе, за которое с заявителя взималось 100 руб. Расторжение брака предусматривалось в два этапа: примирительное производство в народном суде с обязательным присутствием разводящихся супругов (а при необходимости — свидетелей) и бракоразводный процесс в вышестоящем суде (областном, краевом, окружном, городском суде или верховном суде союзной, автономной республики), куда

истец был вправе обратиться, если в народном суде примирение не состоялось (ст. 24–25).

Публичность бракоразводного процесса и установление значительной суммы (от 500 до 2 тыс. руб.) за выдачу свидетельства о регистрации развода на основании судебного решения в ЗАГСе должны были побудить разводящихся задуматься.

Вместе с тем уже в первые месяцы применения Указа на практике возникла полемика в среде научного и судейского сообщества. Например, стадия примирения супругов, которая в соответствии с Указом являлась обязательной, была невозможна в случаях пропажи супруга-ответчика без вести, нахождения его в рядах действующей армии, осуждения к длительному сроку лишения свободы или хронической душевной болезни. На разрешение подобных проблем была направлена инструкция Наркомюста СССР от 27.11.1944 № 1622¹¹, согласно которой при нахождении супруга-ответчика в действующей армии производство по делу о расторжении брака приостанавливалось (п. 9), а «в случаях установления безвестного отсутствия, осуждения к длительному лишению свободы (на срок не менее года) или хронической душевной болезни супруга-ответчика» народный суд мог рассмотреть заявление о расторжении брака и без него (п. 11). В дополнение к данной инструкции Совет Министров СССР 29 августа 1946 г. издал постановление № 1945¹², по которому подобные бракоразводные дела изымались из предварительного рассмотрения в народных судах и передавались в вышестоящие судебные инстанции.

Идея упрощения бракоразводного процесса и исключения из него примирительного производства в бракоразводных делах отдельных категорий, где мотивы развода являлись бесспорными (безвестное отсутствие, осуждение к длительному сроку или хроническая душевная болезнь), поддерживалась в том числе нотари-

¹⁰ Указ от 08.07.1944 «Об увеличении государственной помощи беременным женщинам, многодетным и одиноким матерям, усилении охраны материнства и детства, об установлении почетного звания «Матери-героиня» и учреждении ордена «Материнская слава» и медали «Медаль материнства» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1944. № 37.

¹¹ Инструкция о порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака. Утверждена постановлением Совета народных комиссаров Союза ССР от 27.11.1944 № 1622 // Сборник указов, постановлений, решений, распоряжений и приказов военного времени. 1944. Л., 1945. С. 162–167.

¹² Постановление Совмина СССР от 29.08.1946 № 1945 «О дополнении инструкции Наркомюста СССР «О порядке рассмотрения судами дел о расторжении брака», утвержденной постановлением Совнаркома СССР от 27 ноября 1944 г. № 1622» // СПС «КонсультантПлюс».

альным сообществом, на которое возлагалась обязанность засвидетельствовать безвестное отсутствие супруга-ответчика¹³.

Указом устанавливалось, что «только зарегистрированный брак порождает права и обязанности супругов» (ст. 19), что, по мнению современников Указа, должно было повысить ответственное и серьезное отношение к браку советских граждан и снизить статистику разводов¹⁴. Но если в 1945 г. число зарегистрированных разводов действительно снижается, например в сельской местности Московской области за первое полугодие 1945 г. было зарегистрировано всего 52 развода, тогда как в 1940 г. их было 2,5 тыс.¹⁵, то уже с 1946 г. неуклонно растет, особенно в городах.

Стараясь повлиять на динамику разводов, Верховный Суд СССР уделял особое внимание стадии примирительного производства. Так, в постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.09.1949 № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака»¹⁶ признавались недостаточными основаниями для развода «временный разлад в семье и конфликты между супругами, вызванные случайными и преходящими причинами, а также не обоснованное серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак». Призывая судей расторгать брак, только если дальнейшее его сохранение «противоречило принципам коммунистической морали и не создавало нормальных условий для совместной жизни и воспитания детей» (п. 1), Пленум Верховного Суда СССР предписывал народным судьям проявлять инициативу для выяснения фактических взаимоотношений супругов, мотивов развода и оказания им помощи в примирении (п. 2). Судьи вышестоящих судов при рассмотрении дела о расторжении брака были обязаны, «не ограничиваясь материалами, содержащимися

в производстве народного суда, предложить супругам представить необходимые доказательства по делу и принять меры к примирению супругов» (п. 4).

В то же время Верховный Суд СССР отмечал, что примирительное производство в народных судах носит формальный характер, а иногда и вовсе не проводится¹⁷. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.09.1949 № 12/8/у подчеркивалось, что «суды не принимают мер к установлению подлинных мотивов развода и к примирению сторон, ограничиваясь выслушиванием объяснений истца и формальным предложением супругам окончить дело миром»¹⁸.

Другой серьезный вопрос, встававший перед судьями и научным сообществом, касался момента прекращения брака. В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 16.09.1949 № 12/8/у указывалось, что брак прекращается с момента внесения записи о разводе в книгу регистрации разводов (п. 10). Решение суда о разводе давало возможность супругам его реализовать путем обращения в ЗАГС для регистрации развода. Если супруги в ЗАГС не обращались и регистрации развода не было, их брак сохранял юридическую силу. В этой связи возникла полемика. Так, В. А. Рясенцев, ссылаясь на ч. 1 ст. 345 ГПК РСФСР, утверждал, что отсутствие обращения супругов в ЗАГС для регистрации развода в течение трех лет влечет утрату силы решением суда о разводе по истечении трехлетнего срока давности на исполнение решений. Соответственно, «дети, рожденные в этот период, должны считаться рожденными в браке, а в случае смерти одного из супругов другой будет наследовать после него»¹⁹. О необходимости установления в законодательном порядке срока не более года, по истечении которого решение суда о расторжении брака при

¹³ Киселев М. Расторжение брака с безвестно отсутствующими // Социалистическая законность. 1957. № 1. С. 74–75.

¹⁴ См., например: Материнство, брак и семья в новом законе : стенограмма публичной лекции кандидата юрид. наук Г. М. Свердлова, прочитанная в Октябрьском зале Дома союзов в Москве. М., 1944. С. 13.

¹⁵ Население России в XX веке : Исторические очерки : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. Т. 2 : 1940–1959. М., 2001. С. 257.

¹⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16.09.1949 № 12/8/у «О судебной практике по делам о расторжении брака» // Вестник Верховного Суда СССР. 1949. № 18.

¹⁷ Судебная практика Верховного Суда СССР / под ред. И. Т. Голякова. 1946. Вып. VII (XXXI). С. 23 ; 1949. № 11. С. 2 ; 1951. № 3. С. 36.

¹⁸ Руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР // Судебная практика Верховного Суда СССР / под ред. И. Т. Голякова. 1949. № 11. С. 1.

¹⁹ Рясенцев В. А. Семейное право. М., 1967. С. 122.

отсутствии регистрации развода в ЗАГСе теряло бы силу, заявлял В. И. Бошко²⁰.

В. П. Шахматов и Б. Л. Хаскельберг, развивая это суждение, были уверены, что исполнение решения суда о разводе не может быть осуществлено принудительно и зависит исключительно от супругов. Фактическое восстановление семьи при длительной нерегистрации развода допускает в практике судов процессуальное оформление примирения супругов²¹.

Н. И. Лях пишет, что если отношения между супругами не восстановлены, но развод в ЗАГСе не зарегистрирован, то примирительное производство невозможно²².

Нужно сказать, что, столкнувшись с увеличением нагрузки, связанной с бракоразводными делами, судьи стали открыто выступать с критикой института примирения супругов, заявляя о его неэффективности, подтвержденной минимальной статистикой такого примирения в народном суде. Так, в 1957 г. заместитель председателя Свердловского областного суда Е. Смоленцев писал, что «в специальной стадии примирения супругов нет надобности, она нежизненна, формальна и совершенно излишня»²³. Предлагая изъять из подсудности областных судов дела о расторжении брака и передать их народным судам, Е. Смоленцев ссылаясь на необходимость усиления общественного воздействия на разводящихся супругов соседей и коллег, что даст возможность суду более глубоко разобраться в отношениях супругов и снизит нагрузку на вышестоящие суды²⁴.

Член Верховного Суда УССР М. Т. Оридорога, выступая за сохранение порядка рассмотрения бракоразводных дел в двух стадиях: примирительной и рассмотрения дела по существу, — поддержала идею передать всё производство

по делам о расторжении брака в ведение народных судов, что, как она полагала, значительно облегчило бы ведение дела не только для суда, но и для сторон и оказало большое воспитательное влияние на супругов, а также на всех граждан, присутствующих в зале судебного заседания²⁵.

Отсутствие в законодательстве перечня оснований, при наличии которых брак должен быть расторгнут судом, вызывало споры о том, какие обстоятельства следует считать достаточно серьезными и несовместимыми с принципами морального кодекса строителя коммунизма. Веским для суда доводом для расторжения брака, с точки зрения Г. М. Свердлова, следовало признать обоюдное согласие супругов²⁶. Эта позиция вызвала шквал критики. Формальное отношение судей к стадии примирения при обоюдном желании супругов расторгнуть брак осуждалось в работах С. Н. Абрамова, Г. А. Аксенова, В. И. Бошко и др.²⁷ М. Т. Оридорога отмечала, что «суды, ссылаясь на согласие супругов на развод, расторгают браки даже при явной неубедительности доводов сторон»²⁸. Вместе с тем, по ее мнению, если в результате примирения супругов возобновятся отношения, которые противоречат принципам коммунистической морали и требованиям социалистического общества, то склонять стороны к примирению суд не обязан и не должен. Неуместно ставить вопрос о примирении в случае фактического прекращения брачных отношений и желания обоих супругов расторгнуть брак по причине длительного отсутствия совместного проживания и наличия внебрачных детей, в результате близких отношений с другими лицами²⁹.

Полемизируя по вопросу о возможности определения в законодательстве оснований

²⁰ Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев, 1952. С. 200.

²¹ Шахматов В. П., Хаскельберг Б. Л. Новый кодекс о браке и семье РСФСР. Томск, 1970. С. 108.

²² Лях Н. И. Развитие советского семейного законодательства о расторжении брака // Юридические науки : сборник статей. Вып. 4. Алма-Ата, 1974. С. 78.

²³ Смоленцев Е. Подсудность дел о расторжении брака // Социалистическая законность. 1957. № 3. С. 61.

²⁴ Смоленцев Е. Указ. соч. С. 62.

²⁵ Оридорога М. Т. Расторжение брака (по материалам судебной практики Украинской ССР). М., 1958. С. 91.

²⁶ Свердлов Г. М. Некоторые вопросы судебного расторжения брака // Советское государство и право. 1946. № 7. С. 22–34.

²⁷ Абрамов С. Н. Характер и особенности судопроизводства по делам о расторжении брака по законодательству СССР. М., 1947. С. 12 ; Аксенов Г. А. Роль суда в укреплении семьи в советском государстве // Социалистическая законность. 1949. № 3. С. 7 ; Бошко В. И. Указ. соч. С. 201.

²⁸ Оридорога М. Т. Расторжение брака. С. 17.

²⁹ Оридорога М. Т. Брачное правоотношение. Киев, 1971. С. 147.

для развода, представители юридического общества сходились во мнении, что недостаточный заработок мужа, желание жены учиться, ее слабое здоровье или отказ стирать белье и готовить пищу не могли быть признаны судом уважительной причиной для расторжения брака³⁰. И. С. Гуревич в целях наилучшего регулирования брачно-семейных отношений, опираясь на практику Верховного Суда СССР, предлагал предусмотреть в законе следующие основания развода: фактическое прекращение брака в течение длительного времени; обоюдное согласие разводящихся (после примирительной процедуры); наличие новой семьи и детей, что «дало бы суду четкий критерий для вынесения решений о расторжении брака и не способствовало бы увеличению числа легкомысленных разводов»³¹.

Более подробную классификацию оснований для расторжения брака, исходя из практики Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда СССР, приводила М. Т. Оридорога: «бездетность супругов, тяжелая болезнь супруга, супружеская неверность, оставление семьи, оскорбление личного достоинства супруга, отсутствие свободного согласия на брак или сокрытие тяжелой болезни при вступлении в брак, душевное заболевание, безвестное отсутствие или осуждение одного из супругов»³². Признавая данный список далеко не исчерпывающим, она обращала внимание на то, что даже наличие формальных поводов к расторжению брака не исключает реальных возможностей для сохранения семьи. Особую роль в примирении супругов М. Т. Оридорога отводила общественному влиянию, заявляя, что суд

путем вынесения частных определений в адрес общественных организаций по месту работы, учебы и жительства супругов, привлекая общественность к разбирательству дела, оказывает активное воспитательное воздействие на поведение супругов³³.

Категорически против установления даже примерного перечня оснований для расторжения брака выступали В. Бошко и А. И. Пергамент³⁴. Например, А. И. Пергамент констатировала, что данный перечень даст суду неверное направление, поскольку «суд будет вынужден по настоянию сторон расторгать брак при наличии одного из предусмотренных в законе “оснований”, хотя бы считал, что в данном случае есть все основания рассчитывать на восстановление семьи»³⁵.

Несмотря на усилия законодателя сохранить браки советских граждан и улучшить статистику, число зарегистрированных разводов неуклонно росло. Если в 1946 г. зарегистрировано 17,4 тыс. разводов, то в 1954 г. уже 114,4 тыс.³⁶ В этой связи упрощение процедуры расторжения брака становится настоятельной необходимостью. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965³⁷ отменял обязательную публикацию в местной газете объявления о разводе и двухступенчатую процедуру расторжения брака, относя данные дела к компетенции районных (городских) и народных судов. Как справедливо утверждает Н. И. Лях, «не меняя материально-правовые нормы о расторжении брака, данный Указ менял процессуальную сторону рассмотрения дел, создавая возможность юридического оформления многих давно уже совершившихся “фактических” разводов»³⁸.

³⁰ См., например: *Рясенцев В. А.* Указ. соч. С. 124 ; *Оридорога М. Т.* Расторжение брака. С. 86.

³¹ *Гуревич И. С.* О некоторых вопросах советского семейного права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 63.

³² *Оридорога М. Т.* Расторжение брака. С. 24–25.

³³ *Оридорога М. Т.* Брачное правоотношение. С. 144.

³⁴ *Бошко В. И.* Указ. соч. С. 200 ; *Пергамент А. И.* О кодификации республиканского законодательства о браке, семье и опеке // Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства (Всесоюзный институт юридических наук, 31 января — 2 февраля 1957 г.). М., 1957. С. 72–94.

³⁵ *Пергамент А. И.* Указ. соч. С. 83.

³⁶ Советская жизнь. 1945–1953 : сборник документов. М., 2003. URL: <https://istmat.org/node/18483> (дата обращения: 30.03.2025).

³⁷ Указ Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 № 4238-VI «О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 49. Ст. 725.

³⁸ *Лях Н. И.* Указ. соч. С. 79.

В постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 29.12.1965³⁹ подчеркивалось повышение роли суда в деле укрепления советской семьи и брака. Суд получил право, отложив разбирательство дела, назначить определенный срок для примирения супругов. Однако практика судов по бракоразводным делам по-прежнему вызывала критику научного сообщества. Так, Н. Г. Юркевич отмечал, что примирительная работа судов начиналась слишком поздно и проводилась на недостаточно профессиональном уровне. «За отклонением иска в большинстве случаев не следовало восстановления супружеских отношений. Да и после прекращения дела за примирением супругов они далеко не всегда возвращаются к нормальной семейной жизни»⁴⁰. Признавая повышенную общественную и государственную значимость бракоразводных дел между супругами, имеющими малолетних детей, профессор выступал за создание специальных семейных судов в СССР с привлечением к бракоразводным делам, помимо высококвалифицированных судей, социологов и психологов, прошедших определенную специализацию⁴¹. М. Т. Оридорога, поддерживая идею привлечения к подобным делам психологов, педагогов и врачей, предлагала создать в СССР специальные семейно-брачные консультации, способные оказать высокопрофессиональную помощь супругам на стадии примирительного производства⁴².

Упрощение процедуры дало возможность расторгнуть брак тем супругам, которые фактически давно прекратили брачные отношения, но не хотели или не могли обращаться в суд в силу существовавших ранее процессуальных затруднений. Это нашло отражение статисти-

ке разводов, показатели которой в 1966 г. достигли максимального значения (2,8 развода на 1 тыс. чел. населения). Но уже с 1967 г. они несколько уменьшились⁴³.

Принятые сессией Верховного Совета СССР 27 июня 1968 г. и введенные в действие с 1 октября 1968 г. Основы законодательства о браке и семье Союза ССР и союзных республик⁴⁴ внесли существенные изменения в порядок расторжения брака. Сохраняя в качестве основного порядка судебный, Основы допускали внесудебный порядок по взаимному согласию супругов, не имеющих несовершеннолетних детей (ст. 14). В этом случае ЗАГС, принимая заявление, не входил в обсуждение мотивов развода, но оформление и выдача свидетельства о расторжении брака производились по истечении трех месяцев со дня подачи супругами заявления, что заменяло примирительное производство в суде. Основы (ч. 5 ст. 14) запрещали мужу возбуждать дело о разводе во время беременности жены и в течение года после рождения ребенка. Следует заметить, что аналогичное правило закреплено в ст. 17 действующей редакции Семейного кодекса РФ⁴⁵.

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 04.12.1969 № 10⁴⁶ делал акцент на важном значении судов в укреплении советской семьи, охране прав матери и детей, правильном воспитании детей и повышении ответственности граждан перед семьей (ст. 1). Судьям указывалось на обязанность при рассмотрении дел о расторжении брака всесторонне выяснять взаимоотношения сторон, мотивы, принимать меры к примирению супругов как на этапе подготовки дела к слушанию, так и в судебном заседании, а также на то, что не обоснованное

³⁹ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 29.12.1965 № 13 «О применении судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 10.12.1965 “О некотором изменении порядка рассмотрения в судах дел о расторжении брака”» // URL: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=5053#VscxdwgUq6wOateS91> (дата обращения: 30.03.2025).

⁴⁰ Юркевич Н. Г. Некоторые вопросы бракоразводного процесса // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М., 1968. С. 156–157.

⁴¹ Юркевич Н. Г. Указ. соч. С. 162.

⁴² Оридорога М. Т. Брачное правоотношение. С. 151.

⁴³ Народное хозяйство СССР в 1968 г. : статистический ежегодник. М., 1969. С. 40.

⁴⁴ Закон СССР от 27.06.1968 № 2834-VII «Об утверждении Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о браке и семье» (с изм. и доп.) // URL: <https://base.garant.ru/71420074/> (дата обращения: 20.03.2025).

⁴⁵ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 16.

⁴⁶ Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 04.12.1969 № 10 «О практике применения судами Основ законодательства союза ССР и союзных республик о браке и семье» // Бюллетень Верховного Суда СССР. 1970. № 1.

серьезными доводами нежелание одного или обоих супругов продолжать брак не может считаться достаточным основанием к его расторжению (ст. 9).

Кодексы о браке и семье союзных республик предусматривали право судьи отложить разбирательство дела, назначив супругам срок для примирения. В РСФСР, Узбекской ССР, Армянской ССР такой срок устанавливался в пределах шести месяцев, в Казахской ССР, Таджикской ССР, Эстонской ССР длительность его законом не регламентировалась и определялась судом в зависимости от фактических обстоятельств каждого конкретного дела⁴⁷.

Таким образом, уже в советское время представители юридического сообщества констатировали низкое воздействие на динамику разводов юридических мер, связанных с усложнением процедуры расторжения брака. Повышение размера пошлины за регистрацию развода, исключительно судебный порядок и привлечение широкой общественности к обсуждению интимных проблем, ставших причиной прекращения брачных отношений, как свидетельствует статистика разводов в СССР, не способствуют сохранению семьи. Справедливо отмечая эффективность таких мер, как создание специальных консультаций и беседы с супругами, решившими расторгнуть брак, привлечение к разрешению семейного конфликта, помимо судей, социологов, педагогов, психологов, врачей, советские юристы предлагали пути разрешения семейных конфликтов и способы примирения супругов.

Действующее правовое регулирование и судебная практика

Несмотря на внушительный историко-правовой опыт, в литературе и в настоящее время встречаются мнения о необходимости усложнения

процедуры развода, поскольку «достаточно простая процедура развода по российскому законодательству способствует формированию несерьезного отношения к институту брака в сознании граждан РФ»⁴⁸. Эти же авторы высказываются за принятие положительного решения о расторжении брака только при доказанности невозможности сохранения семьи несмотря на принятые меры, среди которых и раздельное проживание супругов (сепарация). Они полагают, что это приведет к более обдуманному принятию решений. Представляется, что проблема увеличения количества разводов значительно глубже и национальная правовая система уже содержит необходимые инструменты для ее решения.

Анализируя действующее процессуальное законодательство, следует согласиться с утверждением, что отнесение дел о расторжении брака (даже при обоюдном согласии супругов) при наличии несовершеннолетних детей к компетенции суда, а не органов ЗАГС, связано с необходимостью обеспечения судом надлежащей защиты прав и законных интересов несовершеннолетних детей⁴⁹, что соответствует нацеленности законодателя на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей⁵⁰. При этом высокая фактическая загруженность мировых судей и районных судов зачастую препятствует выполнению поставленной перед ними задачи.

На основании ст. 24 СК РФ суд, рассматривая дело о расторжении брака, наряду с другими аспектами, обязан урегулировать вопрос о месте проживания несовершеннолетних детей, порядке и размере взыскиваемых алиментов. При этом супруги могут представить суду соответствующее соглашение, условия которого не нарушают интересов детей. При наличии согласия обоих супругов суд расторгает брак без выяснения мотивов развода (ч. 1 ст. 23 СК РФ).

⁴⁷ Лях Н. И. Указ. соч. С. 80.

⁴⁸ Конвергенция частного правового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : монография / К. А. Абдуллаев, А. В. Абрамова, Э. А. Абызова [и др.] ; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М. : Юстицинформ, 2023.

⁴⁹ Шеменева О. Н. Мировой судья в гражданском судопроизводстве: 25 лет спустя // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2023. № 4 (55). С. 155.

⁵⁰ Фомина О. Ю. Приоритет интересов несовершеннолетних как традиционная ценность гражданского процесса // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия первой союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2024. С. 182–186.

Вопросы примирения супругов в делах о расторжении брака также изложены в СК РФ. При этом право суда на принятие мер к примирению закреплено в ст. 22 только для случаев отсутствия согласия одного из супругов на расторжение брака.

Обращаясь к ст. 148 Гражданского процессуального кодекса РФ⁵¹, отметим, что примирение сторон — задача подготовки дела к судебному разбирательству, а подготовка обязательна по каждому гражданскому делу (ч. 2 ст. 147 ГПК РФ). Очевидна несогласованность положений ГПК РФ и СК РФ касательно примирения супругов, на которую уже давно обратили внимание процессуалисты.

В настоящее время законодательство, регламентирующее право суда содействовать примирению разводящихся супругов, фактически позволяет суду отложить разбирательство дела на срок до трех месяцев, не обязывая к принятию дополнительных мер. На этом, собственно, активность суда и заканчивается. Принцип добровольности брачного союза (ч. 3 ст. 1 СК РФ) предопределяет сложившийся подход практики к определению предмета доказывания по делам о расторжении брака: «сам факт нежелания одной из сторон брачных отношений находиться в браке признается достаточным основанием для его расторжения, а факты невозможности дальнейшей совместной жизни супругов и сохранения семьи устанавливаются только на основании того же волеизъявления одного из супругов»⁵².

Результаты судебной статистики показывают, что ежегодно удовлетворяются судом заявления о расторжении брака в 99–100 % случаев⁵³. Сказанное вынуждает разделить точку зрения, что сегодня, как и в советское время, судебная процедура не в состоянии обеспечить достижение цели помощи супругам в сохранении брачно-семейных отношений, несмотря на

их отнесение к категории особо охраняемых государством правоотношений⁵⁴. В настоящий момент ничего кардинально не поменялось: суд в вопросах примирения разводящихся супругов ведет себя так же пассивно, ограничиваясь информированием о применимости тех или иных примирительных процедур⁵⁵.

Инициаторы упомянутого ранее законопроекта № 779096-8 предлагают решить проблему путем расширения перечня примирительных процедур, закрепленных в ст. 153.3 ГПК РФ, за счет добавления социально-психологических услуг для дел о расторжении брака при наличии у супругов общих несовершеннолетних детей. Указанная инициатива не согласуется с концепцией ст. 153.3, поскольку в ней представлен универсальный перечень примирительных процедур, потенциально применимых ко всем категориям дел, кроме тех, где законом прямо исключена возможность примирения. Кроме того, отсутствуют какие-либо доводы, свидетельствующие о принципиальном отличии социально-психологических услуг от уже имеющихся примирительных процедур. Почему авторы законопроекта считают, что другие примирительные процедуры не в состоянии эффективно решить задачу примирения супругов? Анализ исторического опыта и актуальной судебной практики позволяет сделать вывод, что решение кроется не в изобретении нового способа примирения, а в надлежащей реализации существующих мер.

Представляется, что наиболее подходящим видом примирительных процедур, закрепленным в действующем законодательстве, для дел о расторжении брака является медиация. В литературе отмечается высокая медиабельность семейных споров, особенно когда речь идет об интересах несовершеннолетних детей⁵⁶. Лично-доверительный характер семейных правоотношений — одна из причин эффективности

⁵¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // СЗ РФ. 2002. № 46. Ст. 4532.

⁵² Стрельцова Е. Г. Соотношение частных и публичных начал по делам о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества, спорам о детях и в интересах детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 5. С. 4.

⁵³ Судебная статистика РФ. URL: <https://stat.xn----7sbqk8achja.xn--p1ai/stats/gr/t/22/s/2> (дата обращения: 07.04.2025).

⁵⁴ Стрельцова Е. Г. Указ. соч. С. 5.

⁵⁵ Надин И. Н. Примирение сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в спорах о детях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 158.

⁵⁶ Величкова О. И. Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 50–51; Надин И. Н. Примирение сторон на стадии

медиации как способа примирения. Медиативный процесс направлен на формирование доверительной и открытой атмосферы между участниками конфликта.

Когда суд, имея достаточно законодательно закрепленных механизмов реального содействия примирению, на практике бездействует, следует поднять вопрос о внедрении правовых моделей «мягкой обязательности (квази-обязательности) примирительных процедур», например «установлении обязанности сторон в силу указания в законе принять участие в примирительной процедуре с сохранением права отказаться от выполнения данного предписания без каких-либо ограничений в доступе к суду»⁵⁷. Формулировки «мягкой обязательности» примирительных процедур согласуются с принципом добровольности, поскольку касаются только организационной стадии.

В делах о расторжении брака можно предусмотреть такую «мягкую обязательность» в виде первой встречи с медиатором, которая непременно должна быть бесплатной для сторон. Медиатор установит медиабельность конкретного случая и оценит целесообразность установления судом более длительного срока для примирения. Понимая, что примирение ориентировано не только на разрешение разногласий между супругами, но и на защиту интересов несовершеннолетних детей, он рассмотрит ситуацию сквозь призму интересов всех членов семьи.

Полагаем, что роль медиатора может взять на себя и судья в момент проведения беседы со сторонами в процессе подготовки дела к судебному разбирательству. Неформальная обстановка снимает напряжение между сторонами и при определенной активности судьи помогает наладить контакт. Безусловно, для этого судье необходимы специальные знания

и навыки в области психологии или медиации. Еще в 2014 г. Правительство РФ подчеркивало, что если в целом мировым соглашением или иными формами примирения заканчивается менее 3 % судебных споров, то у судей, владеющих медиативным подходом, этот показатель достигает 33 %⁵⁸.

Стоит согласиться с авторами, отстаивающими позицию комплексности медиации, включающей в себя знание не только конфликтологии как науки, но и психологии⁵⁹. Медиатор может оказать содействие в создании благоприятных и приемлемых для всех условий для дальнейшего взаимодействия, даже если брак сохранить не удастся, поскольку далеко не всегда формальное сохранение брака способствует защите интересов того же ребенка.

25 февраля 2021 г. комиссией Ассоциации юристов России по медиации были утверждены Рекомендации по проекту федерального закона «Об урегулировании споров с участием посредника (медиации) в Российской Федерации»⁶⁰, разработанного Министерством юстиции РФ, в котором говорится о закреплении обязательной медиации по делам о расторжении брака при наличии несовершеннолетних детей. Пункт 10 Рекомендаций содержит вывод о необходимости рассмотрения вопросов относительно порядка проведения обязательной медиации и источников ее финансирования, а также предложение разработать концепцию социальной медиации, предусматривающую ее бесплатное проведение для определенных категорий граждан.

Заключение

Анализ исторического опыта и актуальной судебной практики позволяет сделать выводы:

подготовки дела к судебному разбирательству в спорах о детях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 156.

⁵⁷ Здрок О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2019. С. 25.

⁵⁸ Распоряжение Правительства РФ от 30.07.2014 № 1430-р «Об утверждении Концепции развития до 2020 года сети служб медиации в целях реализации восстановительного правосудия в отношении детей, в том числе совершивших общественно опасные деяния, но не достигших возраста, с которого наступает уголовная ответственность» // СЗ РФ. 2014. № 32. Ст. 4557.

⁵⁹ Мартянова Г. В. Медиация как форма защиты семейных прав при расторжении брака // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 206.

⁶⁰ URL: [https://alrf.ru/upload/medialibrary/Рекомендации%20по%20проекту%20ФЗ%20Об%20урегулировании%20споров%20с%20участием%20посредника%20\(медиации\)%20в%20РФ%20от%2025.02.2021.pdf](https://alrf.ru/upload/medialibrary/Рекомендации%20по%20проекту%20ФЗ%20Об%20урегулировании%20споров%20с%20участием%20посредника%20(медиации)%20в%20РФ%20от%2025.02.2021.pdf) (дата обращения: 11.04.2025).

1) решение задачи по сохранению брака там, где это возможно, кроется не в изобретении нового способа примирения, а в надлежащей реализации существующих мер;

2) излишнее вмешательство государства в процесс расторжения брака неэффективно и нецелесообразно.

Социально-психологические услуги как предлагаемый способ достижения цели сохранения брака, показали бы большую эффективность на досудебном этапе при условии доступности таких услуг для всех желающих. Если же заявление о расторжении брака уже подано в суд, особое внимание следует уделить фактическому применению закрепленных в законо-

дательстве видов примирительных процедур, в особенности медиации, которая продемонстрировала высокую результативность в семейных спорах, а также усилить контроль за формальным подходом судей к выполнению их функции по содействию примирению сторон.

Кроме того, стоит разработать примерный перечень обстоятельств (например, случаи внутрисемейного насилия⁶¹), при наличии которых отложение рассмотрения дела о расторжении брака в целях проведения примирительной процедуры целесообразно, поскольку промедление может привести к дальнейшим неправомерным действиям и создает угрозу для безопасности одного из супругов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамов С. Н. Характер и особенности судопроизводства по делам о расторжении брака по законодательству СССР. М. : Тип. ТАСС, 1947. 42 с.

Аксененок Г. А. Роль суда в укреплении семьи в советском государстве // Социалистическая законность. 1949. № 3. С. 3–11.

Баринов А. В., Кузнецова Н. В. Развитие правового регулирования расторжения брака // Аграрное и земельное право. 2024. № 2 (230). С. 157–160.

Бошко В. И. Очерки советского семейного права. Киев : Госполитиздат УССР, 1952. 372 с.

Величкова О. И. Совершенствование семейного законодательства по вопросам медиации // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5 (78). С. 50–55.

Ворошилова С. В., Музыканкина Ю. А. Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии // Вестник СГЮА. 2019. № 4 (129). С. 15–24.

Гуревич И. С. О некоторых вопросах советского семейного права // Советское государство и право. 1956. № 9. С. 55–64.

Здрок О. Н. Примирительные процедуры в цивилистическом процессе : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 2019. 50 с.

Киселев М. Расторжение брака с безвестно отсутствующими // Социалистическая законность. 1957. № 1. С. 74–75.

Конвергенция частноправового регулирования общественных отношений сквозь призму эффективности права : монография / К. А. Абдуллаев, А. В. Абрамова, Э. А. Абызова [и др.] ; отв. ред. А. Н. Левушкин, Э. Х. Надысева. М. : Юстицинформ, 2023. 672 с.

Лях Н. И. Развитие советского семейного законодательства о расторжении брака // Юридические науки : сборник статей. Вып. 4. Алма-Ата, 1974. С. 72–79.

Мартыанова Г. В. Медиация как форма защиты семейных прав при расторжении брака // Право и государство: теория и практика. 2024. № 1 (229). С. 205–206.

Материнство, брак и семья в новом законе : стенограмма публичной лекции кандидата юрид. наук Г. М. Свердлова, прочитанная в Октябрьском зале Дома союзов в Москве. М., 1944. 18 с.

Надин И. Н. Примирение сторон на стадии подготовки дела к судебному разбирательству в спорах о детях // Журнал российского права. 2021. Т. 25. № 11. С. 150–162.

Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. / отв. ред. Ю. А. Поляков. Т. 2 : 1940–1959. М. : РОССПЭН, 2001. 416 с.

Оридорога М. Т. Брачное правоотношение. Киев, 1971. 152 с.

Оридорога М. Т. Расторжение брака (по материалам судебной практики Украинской ССР). М. : Госюр-издат, 1958. 94 с.

⁶¹ Ворошилова С. В., Музыканкина Ю. А. Декриминализация побоев: старые традиции и современные реалии // Вестник СГЮА. 2019. № 4 (129). С. 15–24.

Пергамент А. И. О кодификации республиканского законодательства о браке, семье и опеке // Научная сессия, посвященная вопросам кодификации советского республиканского законодательства (Всесоюзный институт юридических наук, 31 января — 2 февраля 1957 г.). М., 1957. С. 72–94.

Рясенцев В. А. Семейное право. М. : Юридическая литература, 1967. 224 с.

Свердлов Г. М. Некоторые вопросы судебного расторжения брака // Советское государство и право. 1946. № 7. С. 22–34.

Свердлов Г. М. Спорный вопрос судебной практики по делам о расторжении брака // Социалистическая законность. 1957. № 4. С. 32–43.

Смоленцев Е. Подсудность дел о расторжении брака // Социалистическая законность. 1957. № 3. С. 61–62.

Стрельцова Е. Г. Соотношение частных и публичных начал по делам о расторжении брака, разделе совместно нажитого имущества, спорам о детях и в интересах детей // Законы России: опыт, анализ, практика. 2008. № 5. С. 3–12.

Фомина О. Ю. Приоритет интересов несовершеннолетних как традиционная ценность гражданского процесса // Сохранение традиционных духовно-нравственных ценностей как основа развития российской государственности: исторические, правовые и межкультурные аспекты : материалы Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию принятия первой союзной Конституции 1924 г. и 30-летию Конституции Республики Бурятия. Улан-Удэ, 2024. С. 182–186.

Шахматов В. П., Хаскельберг Б. Л. Новый кодекс о браке и семье РСФСР. Томск : Изд-во Томского университета, 1970. 323 с.

Шеменева О. Н. Мировой судья в гражданском судопроизводстве: 25 лет спустя // Вестник ВГУ. Серия «Право». 2023. № 4 (55). С. 152–156.

Юркевич Н. Г. Некоторые вопросы бракоразводного процесса // Правовые вопросы семьи и воспитания детей. М. : Юридическая литература, 1968. С. 155–167.

REFERENCES

Abdullaev KA, Abramova AV, Ayzova EA, et al. Levushkin AN, Nadyseva EK (eds.). Convergence of private law regulation of public relations through the prism of the effectiveness of law. Moscow: Justitsinform Publ.; 2023. (In Russ.).

Abramov SN. Nature and peculiarities of proceedings in cases of divorce under the legislation of the USSR. Moscow: TASS Publ.; 1947. (In Russ.).

Aksenok GA. The role of the court in strengthening the family in the Soviet State. *Sotsialisticheskaya zakonnost*. 1949;3:3-11. (In Russ.).

Barinov AV, Kuznetsova NV. Development of the Legal Regulation of Divorce. *Agrarian and Land Law*. 2024;2(230):157-160. (In Russ.).

Boshko VI. Essays on Soviet family law. Kyiv: Gospolitdat of the Ukrainian SSR; 1952. (In Russ.).

Fomina OYu. Priority of the interests of minors as a traditional value of the civil process//Preservation of traditional spiritual and moral values as the basis for the development of Russian statehood: historical, legal and intercultural aspects. *Proceedings of the International Scientific and Practical Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Adoption of the 1st Union Constitution of 1924 and the 30th Anniversary of the Constitution of the Republic of Buryatia*. Ulan-Ude; 2024. (In Russ.).

Gurevich IS. Some Issues of Soviet Family Law. *Sovetskoy gosudarstvo i pravo*. 1956;9:55-64. (In Russ.).

Kiselev M. Dissolution of marriage with missing persons. *Sotsialisticheskaya zakonnost*. 1957;1:74-75. (In Russ.).

Lyakh NI. Development of Soviet family legislation on divorce. *Legal Sciences*. 1974;4:72-79. (In Russ.).

Martyanova GV. Mediation as a form of protection of family rights in case of divorce. *Law and state: theory and practice*. 2024;1(229):205-206. (In Russ.).

Nadin IN. Reconciliation of the parties at the stage of preparing the case for trial in disputes about children. *Journal of Russian Law*. 2021;25(11):150-162. (In Russ.).

Oridoroga MT. A Marital Relationship. Kyiv; 1971. (In Russ.).

Oridoroga MT. Расторжение брака (По материалам судебной практики Украинской ССР). Moscow: Gosjurizdat Publ.; 1958. (In Russ.).

Pergament AI. On the codification of republican legislation on marriage, family and guardianship. Scientific session, devoted to the codification of Soviet republican legislation. January 31 — February 2, 1957. Moscow; 1957. (In Russ.).

- Ryasentsev VA. Family Law. Moscow: Yuridicheskaya literature Publ.; 1967. (In Russ.).
- Shakhmatov VP, Khaskelberg BL. New Code on Marriage and Family of the RSFSR. Tomsk: Publishing House of Tomsk University; 1970. (In Russ.).
- Shemeneva ON. Magistrate in civil proceedings: 25 years on. *Proceedings of Voronezh State University. Series Law*. 2023;4(55):152-156. (In Russ.).
- Smolentsev E. Jurisdiction of divorce cases. *Sotsialisticheskaya zakonnost*. 1957;3:61-62. (In Russ.).
- Streltsova EG. The ratio of private and public principles in cases of divorce, division of jointly acquired property, disputes about children and in the interests of children. *Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice*. 2008;5:3-12. (In Russ.).
- Sverdlov GM. Motherhood, marriage and family in the new law: transcript of the public lecture of the Cand. Sci. (Law) G. M. Sverdlov, read in the October Hall of the House of Unions in Moscow. Moscow; 1944. (In Russ.).
- Sverdlov GM. Some issues of judicial divorce. *Sovetskoy gosudarstvo i pravo*. 1946;7:22-34. (In Russ.).
- Sverdlov GM. The contentious issue of judicial practice in divorce cases. *Sotsialisticheskaya zakonnost*. 1957;4:32-43.
- The population of Russia in the 20th century: Historical essays: in 3 volumes. Vol. 2:1940-1959. Moscow: Rosspen Publ.; 2001. (In Russ.).
- Velichkova OI. Improvement of the Family Legislation on Mediation. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava*. 2017;5:50-55. (In Russ.).
- Voroshilova SV, Muzykankina YuA. Decriminalization of beatings: old traditions and modern realities. *Bulletin of Saratov State Law Academy*. 2019;4(129):15-24. (In Russ.).
- Yurkevich NG. Some issues of divorce proceedings. In: Legal Issues of Family and Upbringing of Children. Moscow: Yurid. literatura; 1968. (In Russ.).
- Zdrok ON. Conciliation procedures in the civil process. Author's Abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Minsk; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ворошилова Светлана Вячеславовна, доктор юридических наук, профессор кафедры истории государства и права Саратовской государственной юридической академии
зд. 104, стр. 3, ул. им. Чернышевского Н.Г., г. Саратов 410056, Российская Федерация
voroshilova-s-v@mail.ru

Фомина Ольга Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и административного судопроизводства имени М.С. Шакарян Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
oyufomina@msal.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Voroshilova, Dr. Sci. (Law), Professor, Department of State History and Law,
Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
voroshilova-s-v@mail.ru

Olga Yu. Fomina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Civil and Administrative Procedure
named after M.S. Shakaryan, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
oyufomina@msal.ru

*Материал поступил в редакцию 13 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 16 мая 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 13.04.2025.
Revised 16.05.2025.
Accepted 15.05.2026.*

С. М. Кочои

Московский государственный юридический
университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
г. Москва, Российская Федерация

Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. о преступлениях против собственности: новые решения старых проблем

Резюме. Работа содержит комментарий основных положений нового Уголовного кодекса Армении об ответственности за преступления против собственности. Основное внимание уделено статьям гл. 30 «Хищения», сравнительный анализ которых осуществлен с учетом соответствующих положений гл. 21 «Преступления против собственности» УК РФ. К хищениям, помимо известных российскому законодательству кражи, грабежа, разбоя, мошенничества и присвоения, Уголовный кодекс Армении относит компьютерное хищение. В отличие от российского из числа форм хищения армянский законодатель исключил растрату. Кроме того, мошенничество, в определении которого отсутствует приобретение имущества путем обмана или злоупотребления доверием, сформулировано исключительно как форма хищения, а состав разбоя из усеченного преобразован в материальный. При этом армянский законодатель исключил насилие из признаков грабежа. Обращено внимание на отсутствие в гл. 30 Уголовного кодекса Армении специальных статей о хищениях, традиционно выделяемых в российском уголовном законодательстве по их размеру. Армянскому закону неизвестны также специальные предметы хищения, в частности газ, нефть, электронные денежные средства и цифровая валюта. Вместе с тем Кодекс предлагает определение общего понятия хищения, в котором не упоминается корысть. Сформулирован вывод о том, что новые, нередко оригинальные решения хорошо известных проблем ответственности за преступления против собственности, содержащиеся в действующем Уголовном кодексе Армении, заслуживают изучения российскими специалистами и оценки.

Ключевые слова: Уголовный кодекс Республики Армения; Уголовный кодекс Российской Федерации; хищения; другие преступления против собственности; общее определение хищения; корысть; разбой; мошенничество; хищение предметов, имеющих особую ценность; компьютерное хищение

Для цитирования: Кочои С. М. Уголовный кодекс Республики Армения 2021 г. о преступлениях против собственности: новые решения старых проблем. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 94–104. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.094-104

The 2021 Criminal Code of the Republic of Armenia on Crimes Against Property: New Solutions to Old Problems

Samvel M. Kochoi

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
Moscow, Russian Federation

Abstract. The work contains a commentary on the main provisions of the new Criminal Code of Armenia on liability for crimes against property. The main attention is given to articles contained in Chapter 30 «Misappropriation», a comparative analysis of which is carried out taking into account the relevant provisions of Chapter 21 «Crimes against property» of the Criminal Code of the Russian Federation. In addition to theft, robbery, armed robbery, fraud and conversion known to Russian legislation, the Criminal Code of Armenia classifies computer-related theft as a form of misappropriation. Unlike the Russian law, the Armenian legislator excluded embezzlement from the list of forms of misappropriation. Besides, fraud, which is not defined as the acquisition of property by deception or abuse of trust, is formulated solely as a form of misappropriation, and the corpus delicti of robbery have been transformed from an inchoate crime to a substantial one. At the same time, the Armenian legislator excluded violence from the list of signs of robbery. Attention is given to the absence of special articles on misappropriation in Chapter 30 of the Armenian Criminal Code, which are traditionally distinguished in Russian criminal legislation according to their amount. Armenian law also does not recognize special subjects of theft, in particular gas, oil, electronic money and digital currency. At the same time, the Code provides a definition of the general concept of misappropriation, which does not mention profit motive. The author concludes that new, often original solutions to the well-known problems of liability for crimes against property contained in the current Criminal Code of Armenia deserve attention for study and evaluation by Russian specialists.

Keywords: Criminal Code of the Republic of Armenia; Criminal Code of the Russian Federation; misappropriation; other crimes against property; general definition of misappropriation; profit motive; robbery; fraud; conversion of items of special value; computer-related theft

Cite as: Kochoi SM. The 2021 Criminal Code of the Republic of Armenia on Crimes Against Property: New Solutions to Old Problems. *Lex russica*. 2026;79(6):094-104. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.094-104

Введение

Действующий Уголовный кодекс Республики Армения (далее — УК РА) принят в 2021 г. и вступил в силу с 1 июля 2022 г.¹ Он пришел на смену УК РА 2003 г., став, таким образом, пятым по счету уголовным законом государства. Очевидно, УК РА, как любому другому закону, предстоит еще совершенствоваться, по крайней мере он уже неоднократно с момента принятия подвергался дополнениям, в том числе путем инкорпорации. По нашим подсчетам, количество принятых законов, которыми внесены дополнения в Кодекс, приближается к 30².

Отдельные нововведения УК РА ранее были объектом исследований российских специалистов³, настоящая же работа посвящена положениям о преступлениях против собственности, главным образом хищениям чужого имущества. Интерес к этим нормам обусловлен не только тем обстоятельством, что преступления против собственности, в том числе хищения чужого имущества, доминируют в статистике регистрируемой (да и нерегистрируемой) преступности и в России, и в Армении. Решения и подходы армянского законодателя интересны с точки зрения их сравнения с теми, которые предлагаются законодателем, высшей судебной

¹ Уголовный кодекс Республики Армения. (На арм. яз.) // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=7645&lang=arm#1.1> (дата обращения: 21.03.2026).

² Историю изменений см.: Уголовный кодекс Республики Армения. Дополнения и инкорпорации // URL: <https://www.arlis.am/hy/acts/153080> (дата обращения: 23.03.2026).

³ См., например: Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Армении // Российский следователь. 2022. № 2. С. 74–80; Илюхина В. А. Принцип уважения чести и достоинства личности как общеправовой принцип в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2024. № 8. С. 7–12.

инстанцией и учеными Российской Федерации. Поэтому характеристика исследуемых положений УК РА дается в сравнении с аналогичными положениями УК РФ. Сформулированные по итогам исследования выводы и рекомендации, надеемся, окажутся полезными для специалистов как Республики Армения, так и Российской Федерации.

Основное исследование

Начнем с того, что анализируемый закон не является единственным источником уголовного права Армении: часть 1 ст. 1 УК РА прямо предусматривает, что уголовное законодательство включает не только сам Кодекс, но и международные договоры Армении (в частности, Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными 1949 г.), а также юридические акты, которые содержат нормы или имеют значение для применения уголовного закона (Конституция РА 2015 г., законы РА от 17.12.2003 «О минимальной месячной заработной плате»⁴, от 13.12.2017 «О предотвращении насилия в семье, защите жертв домашнего насилия и восстановлении солидарности в семье», от 16.04.2020 «О конфискации имущества незаконного происхождения» и др.).

Особенная часть УК РА, по примеру уголовных законов (кодексов) многих государств мира, открывается разделами «Преступления против мира и безопасности человечества» и «Преступления против человека» (соответственно 8 и 9). Напомню, что один из проектов УК РФ включал Особенную часть, которую открывал раздел с таким же названием, что и разд. 8 УК РА⁵. Однако в итоге, как известно, этот раздел в Особенной части УК РФ оказался на последнем месте.

Следующий, десятый, раздел УК РА «Преступления против собственности, экономики и экономической деятельности» включает главы 30–32, называемые соответственно

«хищения», «Другие преступления против собственности» и «Экономические преступления». Применительно к данной структуре разд. 10 УК РА в российской уголовно-правовой литературе высказано мнение о том, что подход, принятый в действующем уголовном законодательстве Армении относительно современной криминализации экономической преступности, «содержит некоторые неопределенности». Утверждается, что в названии раздела сохранено указание на преступления против экономики, экономической деятельности, однако отсутствует глава, посвященная преступлениям против экономической деятельности. «В связи с этим нет ясности относительно того, как разграничивать преступления против экономики и преступления против экономической деятельности», — пишет М. Г. Головенчик⁶. Полагаем, что никакой неясности в данном разделе УК РА нет, поскольку преступления против экономики и экономической деятельности есть не что иное, как экономические преступления. УК РА не дает оснований для их разграничения.

Подход, принятый непосредственно в гл. 30 УК РА, не просто выстраивает стройную систему хищений чужого имущества, не позволяя вклиниваться в нее преступлениям, не относящимся к хищениям, как это сегодня имеет место в УК РФ, в гл. 21 которого между статьями 162 и 164 о хищениях («Разбой» и «Хищение предметов, имеющих особую ценность») расположилась статья о преступлении, не относящемся к ним (вымогательстве). Такой подход, подкрепленный вынесением ст. 258 о вымогательстве за рамки гл. 30 УК РА, снимает последние сомнения в том, имеются ли основания для признания вымогательства формой хищения⁷. Таких сомнений в уголовное право постсоветских государств добавил, в частности, принятый в 1999 г. Уголовный кодекс Республики Беларусь, который прямо причислил вымогательство к формам хищения. Как представляется, подход белорусского законодателя не лишен логики, особенно если иметь в виду, что в УК РФ напа-

⁴ В отдельных случаях минимальный размер оплаты труда выступает в УК РА криминообразующим признаком, например при присвоении чужого имущества (ст. 266).

⁵ Уголовный кодекс Российской Федерации (проект) // Юридический вестник. Всероссийская правовая газета. 1992. № 20 (22).

⁶ Головенчик М. Г. Преступления в сфере экономики: сравнительно-правовой анализ уголовных кодексов государств — участников СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 2. С. 132–143.

⁷ См. подробнее: Аракелян С. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации вымогательства // Вестник Академии юстиции. 2023. № 2 (10). С. 94–101.

дение с целью хищения (разбой) отнесено к хищениям, тогда как требование передачи чужого имущества (вымогательство) нет.

Итак, какие преступления армянский законодатель считает хищением? К ним УК РА, помимо известных российскому законодательству кражи (ст. 254), грабежа (ст. 253), разбоя (ст. 252), мошенничества (ст. 255) и присвоения (ст. 256), отнес компьютерное хищение (ст. 257)⁸.

Растрата как самостоятельная форма хищения в новом УК РА, таким образом, отсутствует. Напомню, что еще в советской уголовно-правовой литературе ряд авторов считал, что растрата больше характеризует судьбу похищенного имущества, нежели его хищение (обращение в свою пользу), в связи с чем в одном из проектов УК РФ предлагалось исключить ответственность за нее⁹. Что касается присвоения, то в ст. 256 УК РА оно определяется как хищение имущества, доверенного правонарушителю, т.е. фактически или законно свободно переданного в его распоряжение, владение или пользование, если намерение совершить хищение такого имущества возникло после его получения на законных основаниях.

Еще более важное решение армянский законодатель принял в отношении мошенничества: из его легальной дефиниции исчезло приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием. Мнение о том, что мошенничество в данной форме не является хищением, в российской научной литературе высказано неоднократно¹⁰ (хотя до сих пор ряд авторов считает иначе¹¹). С нашей точки зрения, УК РА абсолютно правильно исключил ее из определения мошенничества, сделав его

исключительно формой хищения. При этом УК РА исключил из числа предметов мошенничества также право на имущество¹².

Кроме того, УК РА не знает специальных составов мошенничества, которые известны УК РФ (статьи 159.1–159.3, 159.5, 159.6). На наш взгляд, столь детальное регулирование ответственности за одно и то же преступление более характерно для англосаксонской семьи права, а не романо-германской. Возможно, по этой причине дальнейшая детализация в гл. 21 УК РФ сфер, мест или времени совершения хищения чужого имущества в других, кроме мошенничества, формах, при наличии такой возможности (например, за кражу ночью, из церкви, государственного имущества и т.д.), российским законодателем не была предпринята.

Столь же важным представляется решение армянского законодателя о трансформации состава разбоя (ст. 252) из усеченного в материальный. В российском УК легальное определение разбоя, как мы неоднократно писали на протяжении последних десятилетий, формально не дает оснований для его отнесения к хищениям¹³. Кроме того, поскольку армянский законодатель отказался от норм, в которых совершение одного преступления выступает квалифицирующим признаком другого, убийство (ст. 155 УК РА), сопряженное с разбоем (ст. 252 УК РА), подлежит квалификации только по совокупности указанных преступлений. Как известно, в УК РФ такое убийство, согласно п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)», также квалифицируется по совокупности, хотя

⁸ Подробный анализ составов указанных преступлений см.: *Аракелян С. В., Багдасарян Г. С., Петросян П. Д.* Преступления против собственности по новому Уголовному кодексу Республики Армения : научно-практический комментарий. Ереван : Академия юстиции, 2024. (На арм. яз.).

⁹ Уголовный кодекс Российской Федерации (Особенная часть) : проект Минюста России и ГПУ Президента РФ. М., 1994.

¹⁰ См., например: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. М., 2000. С. 327.

¹¹ См., например: *Азовцев А. А.* Законодательно-доктринальные подходы к содержанию понятия «мошенничество»: теоретико-прикладной анализ // Научный поиск. 2014. № 3.1. С. 54–60 ; *Ермакова О. В.* Отдельные вопросы квалификации мошенничества в форме приобретения права на чужое имущество // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 14–17.

¹² О предложениях об исключении права на имущества из числа предметов мошенничества см.: *Григорян А.* Право на имущество как предмет мошенничества // Кантех. Научные труды. 2014. № 1. С. 193–203. (На арм. яз.).

¹³ См., например: *Кочои С.* Разбой (некоторые вопросы квалификации) // Уголовное право. 2000. № 2. С. 28–30.

совершение разбоя перенесено в п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ, является квалифицирующим признаком предусмотренного этой нормой убийства, что, по нашему мнению, не должно признаваться совокупностью преступлений.

Насильственного грабежа УК РА (ст. 253) не знает, применение любого вида насилия или угроза его применения образуют признак разбоя.

То, что УК РА хищение путем ввода, изменения, уничтожения, блокировки (изоляция) компьютерных данных без разрешения, предусмотренного законом, договором или иным законным основанием, или путем воздействия на работу компьютера, компьютерной системы или компьютерной сети любым другим способом не считает мошенничеством, вполне оправданно. Такое решение ранее было принято белорусским законодателем (ст. 212 УК Республики Беларусь), и в его поддержку высказываются также российские представители науки уголовного права¹⁴.

Еще одним интересным решением является, на наш взгляд, объединение всех статей о хищениях в одну главу УК РА. В свое время, рассматривая структуру гл. 21 УК РФ, мы высказали мнение о том, что ее должна была открывать статья о наиболее строгом виде преступления – разбое. Существующий же порядок расположения статей о хищениях называли «хаотичным»¹⁵. Возражая, другие авторы утверждали, что применительно к расположению статей в гл. 21 УК РФ «в логике российскому законодателю всё же не откажешь»¹⁶. Полагаем, что решение армянского законодателя, начинающего главу о хищениях УК РА статьей о разбое, в свете возможного принятия нового УК РФ или новой его редакции способно реанимировать дискуссию о структуре гл. 21 «Преступления против собственности» в российской уголовно-правовой литературе.

Кстати, указанный подход (расположение статей от более строгого к менее строгому преступлению) УК РА демонстрирует и в других главах. Например, уже упомянутая глава «Преступления против мира и безопасности человечества» УК РА — первая по порядку в Особенной части — начинается статьей 133 о геноциде, наиболее тяжком преступлении в международном праве, тогда как в УК РФ соответствующую главу 34 открывает статья 353 о планировании, подготовке, развязывании или ведении агрессивной войны.

Следует обратить внимание на отсутствие в гл. 30 УК РА специальных статей о хищениях, традиционно выделяемых в УК РФ по их размеру (стоимости похищенного имущества). Соответственно, уголовной ответственности за мелкое хищение чужого имущества УК РА не знает, тогда как УК РФ, после исключения уголовной ответственности за его совершение еще в период действия УК РСФСР — в 1994 г., восстановил ее в 2016 г. Что касается ст. 164 УК РФ, то вместо ее аналога армянский законодатель предпочел указать хищение предметов, имеющих особую ценность, в качестве особо квалифицирующего признака кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения и компьютерного хищения. Это еще одно решение, которое имеет достаточно серьезные основания. Во-первых, как показывает российская статистика, статья 164 УК РФ практически не применяется. Во-вторых, она порождает вопросы о возрасте лица, когда хищение совершается путем кражи, грабежа или разбоя, о моменте его окончания, когда совершается путем разбоя, и т.д. Напомним, что отсутствие в ч. 2 ст. 20 УК РФ ссылки на ст. 164 УК РФ, формально исключает привлечение к ответственности за кражу особо ценных предметов с 14 лет, притом что в целом сама кража (ст. 158 УК РФ) наказывается с 14 лет¹⁷. Точно так же противоречиво российским законодате-

¹⁴ См., например: *Овсюков Д. А.* Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации : монография / под ред. С. М. Кочои. М. : Проспект, 2023. С. 134.

¹⁵ *Кочои С. М.* Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Профобразование, Антэя, 2000. С. 100.

¹⁶ *Бойцов А. И.* Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. С. 100–101.

¹⁷ Как отмечает Е. Н. Карабанова, «ребенку не под силу осознать особую общественную опасность такого хищения в сравнении с обычной кражей». «Однако, — добавляет она, — общественная опасность последней должна осознаваться уже каждым подростком, достигшим 14 лет. Поэтому хищение предметов, имеющих особую ценность, совершенное несовершеннолетним в возрасте от 14 до 16 лет, вменяется ему как обычная кража» (*Карабанова Е. Н.* Возрастной критерий уголовно-правовой деликтоспособности лица // Закон. 2024. № 1. С. 160–171).

лем решается вопрос о моменте окончания хищения особо ценных предметов, совершенного путем разбоя. В целом разбой (ст. 162 УК РФ) считается оконченным с момента нападения с целью хищения чужого имущества (поскольку содержит усеченный состав), тогда как использование при характеристике объективной стороны преступления, предусмотренного статьей 164 УК РФ, термина «хищение» обязывает момент его окончания связывать с наступлением общественно опасного последствия¹⁸. К изложенному следует добавить, что предложения об отнесении хищения особо ценных предметов к квалифицированным составам кражи, грабежа, разбоя, мошенничества, присвоения и растраты звучали и в российской уголовно-правовой литературе¹⁹.

УК РА неизвестны также специальные предметы хищения, в частности газ, нефть, электронные денежные средства или цифровая валюта, признание которых российским законодателем в качестве предмета кражи стало причиной изменения правовых позиций Пленума Верховного Суда РФ в постановлениях по делам данной категории и спровоцировало новый виток научных дискуссий о содержащейся в УК РФ дефиниции хищения²⁰.

В качестве общих для всех статей о хищениях чужого имущества квалифицирующих признаков в УК РА названы:

- группа лиц по предварительному сговору;
- использование оружия или заранее подготовленного или адаптированного предмета или средства для причинения телесных повреждений;
- крупный размер.

В 2025 г. перечень квалифицирующих признаков кражи дополнен изъятием компонен-

тов, устройств или оборудования транспортного средства (п. 2.1 ч. 2 ст. 254)²¹.

Как видим, УК РА не знает не только такого известного УК РФ квалифицирующего признака, как причинение значительного ущерба гражданину, но и незаконного проникновения в помещение или иное хранилище. Вместо последнего в УК РА говорится о совершении хищения с использованием технического устройства, специально приспособленного оборудования или иного объекта или средства или иными способами, уничтожающими, повреждающими или обходящими оборудование, систему, конструкцию или иные средства, предназначенные для защиты или хранения имущества.

Соответственно, к особо квалифицирующим признакам хищений в УК РА отнесены:

- преступная организация;
- незаконное проникновение в жилище;
- предмет исторической, художественной или культурной ценности;
- особо крупный размер.

Кроме них, в случае совершения разбоя квалифицирующими признаками служат беременность женщины-потерпевшей, беспомощность потерпевшего, а также особая жестокость.

В составах мошенничества, присвоения и компьютерного хищения квалифицирующим признаком является использование полномочий, или служебных полномочий, или влияния.

УК РА непосредственно в гл. 30 не содержит легальной дефиниции хищения, как это имеет место в гл. 21 УК РФ, однако предлагает, по примеру УК РФ, его общее для всех статей определение. Но делает это в Общей части, в ст. 3 «Основные понятия, используемые в настоящем Кодексе». Согласно п. 16 данной статьи *под хищением понимается незаконная,*

¹⁸ В противовес диспозиции ч. 1 ст. 164 УК РФ в литературе было высказано мнение о том, что хищение предметов, имеющих особую ценность, путем разбоя «является формальным составом преступления» (Братанов В. В. Формы хищения предметов, имеющих особую ценность // Российский следователь. 2007. № 11. С. 6–8).

¹⁹ См. об этом, например: Кудяев С. А., Максимов П. В. Статья 164 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы применения и перспективы законодательного регулирования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25). С. 46.

²⁰ См., например: Архипов А. В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2025. С. 334–335 ; Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

²¹ Закон Республики Армения от 22.07.2025 «О дополнении Уголовного кодекса Республики Армения». (На арм. яз.) // URL: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=9871&lang=arm> (дата обращения: 23.03.2026).

безвозмездная передача чужого имущества преступнику или другому лицу. Таким образом, в данном определении отсутствует ссылка на корысть как обязательный признак хищения.

В армянской уголовно-правовой литературе легальная дефиниция хищения поддерживается не всеми, в частности, предлагается добавить в определение хищения корыстный мотив²². Полагаем, что его наличие вряд ли можно считать обязательным во всех без исключения случаях совершения хищения, в особенности несколькими лицами, когда не все из них руководствуются данным мотивом. Что касается корыстной цели, которая отсутствует в УК РА, но имеется в УК РФ (примечание 1 к ст. 158), то ее наличие в определении хищения не представляется убедительным, поскольку в российском законе корысть повсеместно используется для характеристики исключительно мотива (побуждения), но не цели. К тому же на наличие корысти в поведении виновного указывает другой обязательный признак хищения — безвозмездность.

Очевидным преимуществом дефиниции хищения в УК РА является то обстоятельство, что деяние как признак объективной стороны хищения указано в единственной форме, а не в трех альтернативных, как в примечании 1 к ст. 158 УК РФ (изъятие чужого имущества, изъятие и обращение его в пользу виновного или других лиц или обращение чужого имущества в пользу виновного или других лиц). Армянский законодатель решил, что наиболее удачным является термин «передача». С таким решением можно, конечно, и поспорить с учетом того, что в УК бывших советских республик использовался еще один (по нашему мнению, не менее, а может, даже более удачный) термин «завладение», от которого, однако, отказался и российский законодатель. Кроме того, определение хищения в УК РА оставляет открытым вопрос о том, как квалифицировать передачу чужого имущества для уничтожения. Представляется,

что без указания на субъективный признак хищения для его правильной квалификации не обойтись, и таким признаком, очевидно, могла бы быть цель получения материальной выгоды, незаконного обогащения²³.

В том же пункте 16 ст. 3 УК РА определен момент окончания хищения. Хищение считается оконченным, если преступник имел реальную возможность незаконно распорядиться или пользоваться имуществом. На наш взгляд, наиболее точно суть хищения как имущественного преступления определяет причинение ущерба собственнику имущества, ставшего предметом хищения. Именно в этот момент и следует определять хищение как оконченное преступление. Ожидание, пока виновный получит возможность распорядиться или пользоваться чужим имуществом, более соответствует его интересам, чем интересам потерпевшего. Именно данное обстоятельство, очевидно, имеет в виду Т. Симонян, предлагающий окончанием хищения в п. 16 ч. 1 ст. 3 УК РА признавать момент, «когда собственник или иной законный владелец имущества утратил реальную возможность распорядиться или пользоваться данным имуществом»²⁴.

В статье 3 УК РА раскрываются и другие общие, в том числе для гл. 30, понятия, в частности:

— лицо, находящееся в беспомощном состоянии (совершение разбоя в отношении которого признается квалифицирующим признаком), — лицо, которое в силу своего физического или психического состояния не способно сопротивляться или контролировать свои действия, а также осознавать характер противоправных действий, а также лицо младше 12 лет;

— жилье (проникновение в которое является особо квалифицирующим признаком разбоя, грабежа и кражи) — здание, сооружение или его часть, предназначенные или используемые для проживания, соответственно, при-

²² Симонян Т. Некоторые вопросы, связанные с понятием и способами хищения // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2024. Вып. 15. № 2. С. 39–52. (На арм. яз.).

²³ Содержащееся в последней из докторских диссертаций о хищении, защищенных в России, предложение о том, что в определении хищения «цель должна быть определена путем указания на то действие, которое виновный намеревается совершить с изъятым имуществом» (Архипов А. В. Указ. соч. С. 331), содержит неточность, поскольку путает разные уголовно-правовые признаки — цель и деяние (в форме действия). Цель не действие, а «мысленная модель, представление лица о желаемом результате, на достижение которого направлена преступная деятельность» (Звечаровский И. Э. Уголовное право России : курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М. : Проспект, 2024. С. 208).

²⁴ Симонян Т. Указ. соч. С. 51.

легающая веранда, чердак, балкон, подвал или мансарда, или другое здание или сооружение, из которого имеется беспрепятственный доступ к существующему зданию, сооружению или его части, предназначенным или используемым для проживания, а также гостиничный номер, каюта на корабле, больничная палата, отдельно стоящий вагон поезда, речное или морское судно или другое транспортное средство, если они постоянно или временно используются для проживания;

— насилие (применение которого является конструктивным признаком разбоя) — преднамеренное применение физической силы против другого человека против его воли или вопреки его воле или причинение ему физического вреда таким образом;

— использование служебных полномочий или влияния (являющееся квалифицирующим признаком мошенничества, присвоения и компьютерного хищения) — использование исполнительных или официальных полномочий или полномочий, вытекающих из официального положения, в соответствии с установленной процедурой в отношении лиц, не находящихся в официальном подчинении;

— обман (применение которого является признаком мошенничества) — умышленное искажение реальности путем искажения конкретных фактов, предоставления ложной информации, которой на самом деле не существует, умалчивания о своих истинных намерениях или непредоставления информации, которую лицо было обязано предоставить;

— злоупотребление доверием (которое является признаком мошенничества) — использование определенных действий, обещаний или межличностных отношений с жертвой преступления с целью умышленного введения лица в заблуждение относительно будущих действий преступника или другого лица, а также ожидаемых фактов или событий;

— ущерб (крупный и особо крупный размеры которого являются квалифицирующим и особо квалифицирующим признаками хищений) — крупным размером ущерба считается не превышающий 5 000 000 драмов РА, а особо крупным — превосходящий эту сумму²⁵.

Из приведенных положений УК РА интересно решение вопроса об отнесении к жилищу каюты на корабле, больничной палаты, отдельно стоящего вагона поезда, речного или морского судна или другого транспортного средства. Оно представляется вполне обоснованным, поскольку не связывает признание помещения жилищем с его предназначением для проживания, как, например, в УК РФ (п. «а» ч. 3 ст. 158 и др.). В конце концов, человек, например, после наводнения или пожара может временно проживать и в салоне собственного автомобиля. Не думаем, что при таких обстоятельствах кража из автомобиля потерпевшего определенной суммы денег должна признаваться менее опасной, чем кража тех же средств, но только из квартиры.

В завершение анализа нововведений армянского законодателя в части реформирования статей УК РА об ответственности за хищения обозначим круг преступлений, к ним не относящихся, но определенных как «другие преступления против собственности»:

— вымогательство (ст. 258);

— причинение имущественного ущерба путем мошенничества, злоупотребления доверием или иными противоправными способами (ст. 259);

— причинение имущественного ущерба путем угрозы или применения насилия (ст. 260);

— причинение вреда залогодержателю (ст. 261);

— незаконное подключение к газопроводам, нефтепроводам, водопроводам, электросетям, телекоммуникационным или электронным средствам связи, незаконное изменение показаний приборов, предназначенных для их измерения, или нарушение их нормальной работы (ст. 262);

— незаконное использование чужого имущества (ст. 263);

— уничтожение или повреждение имущества (ст. 264);

— неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по защите или сохранению имущества (ст. 265);

— присвоение имущества, вышедшего из владения лица (ст. 266)²⁶.

²⁵ По курсу ЦБ РФ на 21 марта 2026 г. 5 000 000 драмов составляли 1 112 500 руб.

²⁶ О проблемах отграничения присвоения имущества от хищения см.: *Маркосян М. М.* Критерии разграничения хищения и завладения найденным имуществом // *Защитник закона.* 2017. № 3. С. 25–40. (На арм. яз.).

Заключение

Безусловно, не всё, что принимается законодателями других государств, априори должно признаваться лучшим, заслуживающим копирования российским законодателем. В России есть собственная уголовно-правовая наука и собственное уголовное законодательство, имеющие богатую историю. Автоматическое перенесение в российское законодательство решений и практик других государств нера-

зумно. Вместе с тем российские ученые, правоприменители и законодатели не живут на другой планете, поэтому они должны следить за решениями, принимаемыми в других государствах, оценивать их, иначе в праве наступит стагнация. Полагаю, что новые, нередко оригинальные решения хорошо известных, старых проблем, содержащиеся в УК РФ, заслуживают изучения и оценки, прежде всего в уголовно-правовой науке Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Азовцев А. А. Законодательно-доктринальные подходы к содержанию понятия «мошенничество»: теоретико-прикладной анализ // Научный поиск. 2014. № 3.1. С. 54–60.

Аракелян С. Некоторые проблемы уголовно-правовой квалификации вымогательства // Вестник Академии юстиции. 2023. № 2 (10). С. 94–101.

Аракелян С. В., Багдасарян Г. С., Петросян П. Д. Преступления против собственности по новому Уголовному кодексу Республики Армения : научно-практический комментарий. Ереван : Академия юстиции, 2024. 207 с. (На арм. яз.).

Архипов А. В. Система составов хищений по уголовному законодательству России: проблемы и перспективы : дис. ... д-ра юрид. наук. Томск, 2025. 424 с.

Бойцов А. И. Преступления против собственности. СПб. : Юридический центр-Пресс, 2002. 775 с.

Братанов В. В. Формы хищения предметов, имеющих особую ценность // Российский следователь. 2007. № 11. С. 6–8.

Головенчик М. Г. Преступления в сфере экономики: сравнительно-правовой анализ уголовных кодексов государств — участников СНГ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2023. № 2. С. 132–143.

Григорян А. Право на имущество как предмет мошенничества // Кантех. Научные труды. 2014. № 1. С. 193–203. (На арм. яз.). URL: <http://arar.sci.am/dlibra/publication/183813/edition/167037#description>.

Ермакова О. В. Отдельные вопросы квалификации мошенничества в форме приобретения права на чужое имущество // Вестник Тюменского института повышения квалификации сотрудников МВД России. 2015. № 1 (4). С. 14–17.

Звечаровский И. Э. Уголовное право России : курс Общей части, во многом определяющей действенность положений его части Особенной : учебник. М. : Проспект, 2024. 396 с.

Илюхина В. А. Принцип уважения чести и достоинства личности как общеправовой принцип в правовых системах России и Армении (сравнительно-правовое исследование) // Мировой судья. 2024. № 8. С. 7–12.

Карабанова Е. Н. Возрастной критерий уголовно-правовой деликтоспособности лица // Закон. 2024. № 1. С. 160–171.

Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации / под ред. В. И. Радченко, А. С. Михлина. М. : Спарк, 2000. 704 с.

Кочои С. Разбой (некоторые вопросы квалификации) // Уголовное право. 2000. № 2. С. 28–30.

Кочои С. М. Ответственность за корыстные преступления против собственности. М. : Профобразование, Антэя, 2000. 288 с.

Кудаев С. А., Максимов П. В. Статья 164 Уголовного кодекса Российской Федерации: проблемы применения и перспективы законодательного регулирования // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2014. № 3 (25). С. 43–47.

Маркосян М. М. Критерии разграничения хищения от завладения найденным имуществом // Защитник закона. 2017. № 3. С. 25–40. (На арм. яз.).

Ображиев К. В. Преступные посягательства на цифровые финансовые активы и цифровую валюту: проблемы квалификации и законодательной регламентации // Журнал российского права. 2022. № 2. С. 71–87.

Овсюков Д. А. Корыстные преступления против собственности с использованием информационно-телекоммуникационных сетей: вопросы квалификации : монография / под ред. С. М. Кочои. М. : Проспект, 2023. 184 с.

Симонян Т. Некоторые вопросы, связанные с понятием и способами хищения // Вестник Ереванского университета. Правоведение. 2024. Вып. 15. № 2. С. 39–52. (На арм. яз.).

Федоров А. В. Уголовная ответственность юридических лиц в Армении // Российский следователь. 2022. № 2. С. 74–80.

REFERENCES

Arakelyan S. Some problems of criminal legal qualification of extortion. *Vestnik Akademii justitsii*. 2023;2(10):94-101. (In Russ.).

Arakelyan SV, Baghdasaryan GS, Petrosyan PD. Crimes against property under the new Criminal Code of the Republic of Armenia: A scientific and practical commentary. Yerevan: Akademiya Justitsii Publ.; 2024. (In Armenian).

Arkhipov AV. The system of corpus delicti of thefts under the criminal legislation of Russia: Problems and prospects. Dr. Sci. (Law) Diss. Tomsk; 2025. (In Russ.).

Azovtsev AA. Legislative and doctrinal approaches to the content of the concept of «fraud»: theoretical and applied analysis. *Nauchny poisk*. 2014;3.1:54-60. (In Russ.).

Boytsov AI. Crimes against property. St. Petersburg: Yuridicheskii Tsentr-Press Publ.; 2002. (In Russ.).

Bratanov VV. Forms of misappropriation of objects of special value. *Rossiyskiy sledovatel [Russian investigator]*. 2007;11;6-8. (In Russ.).

Ermakova OV. Certain issues of fraud classification in the form of acquisition of the right to other people's property. *Vestnik Tomskogo instituta povysheniya kvalifikatsii sotrudnikov MVD Rossii*. 2015;1(4):14-17. (In Russ.).

Fedorov AV. Criminal liability of legal entities in Armenia. *Rossiyskiy sledovatel [Russian investigator]*. 2022;2:74-80. (In Russ.).

Golovenchik MG. Economic crimes: A comparative legal analysis of the criminal codes of the CIS member States. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatelstva i sravnitel'nogo pravovedeniya [Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence]*. 2023;2:132-143. (In Russ.).

Grigoryan A. The right to property as a subject of fraud. *Kantech. Nauchnye trudy*. 2014;1:193-203. (In Armenian). Available at: <http://arar.sci.am/dlibra/publication/183813/edition/167037#description> [Accessed 24.03.2026].

Ilyukhina VA. The principle of respect for the honor and dignity of the individual as a general legal principle in the legal systems of Russia and Armenia (comparative legal study). *Mirovoy sudya*. 2024;8:7-12. (In Russ.).

Karabanova EN. Age criterion of criminal law delictability of a person. *Zakon*. 2024;1:160-171. (In Russ.).

Kochoi S. Robbery (some classification issues). *Ugolovnoe pravo*. 2000;2:28-35. (In Russ.).

Kochoi SM. Responsibility for mercenary crimes against property. Moscow: Profobrazovanie, Anteya Publ.; 2000. (In Russ.).

Kudaev SA, Maksimov PV. Article 164 of the Criminal Code of the Russian Federation: Problems of application and prospects of legislative regulation. *Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii*. 2014;3(25):43-47. (In Russ.).

Markosyan MM. Criteria for distinguishing theft from possession of found property. *Zashchitnik zakona. Nauchno-metodicheskiy zakon*. 2017;3:25-40. (In Armenian).

Obrazhiev KV. Criminal encroachments on digital financial assets and digital currency: Problems of classification and legislative regulation. *Zhurnal Rossiyskogo prava [Journal of Russian Law]*. 2022;2:71-87. (In Russ.).

Ovsyukov DA. Mercenary crimes against property using information and telecommunication networks: Classification issues. A monograph. Kochoi SM, (ed.). Moscow: Prospekt Publ.; 2023. (In Russ.).

Radchenko VI, Mikhlina AS, editors. Commentary on the Criminal Code of the Russian Federation (article by article). Moscow: Spark Publ.; 2000. (In Russ.).

Simonyan T. Some questions related to the concept and methods of misappropriation. *Vestnik Erevanskogo universiteta Yurisprudentsiya*. 2024;15(2):39-52. (In Armenian).

Zvecharovskiy IE. Russian criminal law: The course has a general part, which largely determines the effectiveness of the provisions of its Special part. A textbook. Moscow: Prospekt Publ.; 2024. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Кочои Самвел Мамадович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
д. 9, Садовая-Кудринская ул., г. Москва 125993, Российская Федерация
sam.kochoi@bk.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Samvel M. Kochoi, Dr. Sci. (Law), Professor, Professor, Department of Criminal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow, Russian Federation
sam.kochoi@bk.ru

*Материал поступил в редакцию 26 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 3 апреля 2026 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 26.03.2025.
Revised 03.04.2026.
Accepted 15.05.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.105-114

С. В. Корнакова

С. А. Корягина

Байкальский государственный университет

г. Иркутск, Российская Федерация

Несовершеннолетние осужденные за корыстные и корыстно-насильственные преступления: современные реалии

Резюме. Статья посвящена исследованию проблем корыстной и корыстно-насильственной преступности несовершеннолетних на основе анализа статистических показателей несовершеннолетних, осужденных за подобные преступления с учетом факторов их совершения. Авторами использован метод обобщения и анализа статистических и теоретических данных, а также данных судебной практики. Результатом явилась констатация того, что наряду с тенденцией снижения общей преступности несовершеннолетних отмечается вызывающий тревогу прирост совершения несовершеннолетними корыстных и корыстно-насильственных преступлений. Делается вывод о том, что требуется разработка мероприятий по оптимизации механизма противодействия преступности, прежде всего корыстной и корыстно-насильственной направленности, в силу ее устойчивости. Приведены основные направления профилактики подростковой преступности, подчеркивается необходимость более совершенного механизма взаимодействия всех субъектов профилактической деятельности, поскольку соответствующие меры могут быть эффективными лишь при комплексном подходе. Среди таких мер важнейшей является ранняя профилактика преступности несовершеннолетних, заключающаяся в усилении роли воспитательного процесса в образовании детей и молодежи.

Ключевые слова: несовершеннолетние; преступность несовершеннолетних; корыстная преступность; корыстно-насильственная преступность; профилактика преступлений

Для цитирования: Корнакова С. В., Корягина С. А. Несовершеннолетние осужденные за корыстные и корыстно-насильственные преступления: современные реалии. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 105–114. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.105-114

Juvenile Offenders Convicted of Financially Motivated and Financially Motivated Violent Crimes: Modern Realities

Svetlana V. Kornakova

Svetlana A. Koryagina

Baikal State University

Irkutsk, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the study of the problems of financially motivated and financially motivated violent crimes conducted by juvenile offenders. The study is based on an analysis of statistical indicators of convicted minors for such crimes, taking into account the determining factors behind their commission. The authors used a method of generalization and analysis of statistical and theoretical data, as well as judicial practice data. The analysis resulted in the conclusion that, along with the downward trend in overall juvenile delinquency, there has been an alarming increase in financially motivated and financially motivated violent crimes committed by minors. It is concluded that there is an urgent need to develop measures to optimize the mechanism for countering crime, primarily of a financially motivated and financially motivated violent nature, due to its sustainability. The main directions of the prevention of juvenile delinquency are given, and the need to develop a more advanced mechanism for the interaction of all subjects of preventive activities with each

© Корнакова С. В., Корягина С. А., 2026

other is emphasized, since preventive measures can be effective only with an integrated approach. Among such measures, the most important is the early prevention of juvenile delinquency, which consists in strengthening the role of the educational process in the education of children and youth.

Keywords: minors; juvenile delinquency; financially motivated crime; financially motivated violent crime; crime prevention

Cite as: Kornakova SV, Koryagina SA. Juvenile Offenders Convicted of Financially Motivated and Financially Motivated Violent Crimes: Modern Realities. *Lex russica*. 2026;79(6):105-114. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.105-114

Введение

В пункте 31 Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г.¹ в фокусе внимания государства находится усиление его роли в системе профилактики преступлений, в том числе развитие системы профилактики антиобщественного и противоправного поведения несовершеннолетних. Кроме того, в Плате основных мероприятий, проводимых в рамках Десятилетия детства, на период до 2027 г.², отмечается, что сокращение повторной преступности среди несовершеннолетних осужденных, а также проведение результативной профилактической работы с подростками является приоритетной задачей.

Анализ показателей статистики несовершеннолетних, осужденных за корыстные и корыстно-насильственные преступления

Следует отметить, что статистические показатели несовершеннолетних, осужденных за корыстные и корыстно-насильственные преступления, неутешительные, и это на фоне тенденции сокращения количества преступлений, совершенных несовершеннолетними в возрасте 14–17 лет, в последние годы. В частности, согласно уголовной статистике за последнее пятилетие (2019–2023 гг.), из общего числа осужденных несовершеннолетних за указанный период каждый второй подросток был осужден за кражу (47 % в 2023 г.) (табл. 1).

Таблица 1

Количество несовершеннолетних, осужденных за некоторые корыстные и корыстно-насильственные преступления³

Показатель	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Всего осуждено несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет	16 858	14 702	14 863	14 214	12 769
В том числе: Кража (ст. 158 УК РФ)	8 392	7 093	7 244	7 020	5 998
Удельный вес, %	49,8	48,2	48,7	49,4	47,0
Грабеж (ст. 161 УК РФ)	2 035	1 621	1 541	1 384	1 114
Удельный вес, %	12,1	11,0	10,4	9,7	8,7
Разбой (ст. 162 УК РФ)	532	432	397	400	358
Удельный вес, %	3,2	2,9	2,7	2,8	2,8
Вымогательство (ст. 163 УК РФ)	270	223	213	209	207
Удельный вес, %	1,6	1,5	1,4	1,5	1,6

¹ Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2023. № 21. Ст. 3696.

² Утв. распоряжением Правительства РФ от 23.01.2021 № 122-р.

³ Данные Управления Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2023 г. и основные статистические показатели состояния судимости в России за 2019–2023 гг. см.: URL: <http://www.cdep.ru> (дата обращения: 10.03.2025).

Показатель	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения (ст. 166 УК РФ)	1 634	1 807	1 742	1 412	1 362
Удельный вес, %	9,7	12,3	11,7	9,9	10,7
Иные преступления Удельный вес, %	23,6	24,1	25,1	26,7	29,2

При совершении преступлений против собственности для подростков наиболее характерен мотив удовлетворения своих потребностей, именно он доминирует при совершении преступлений, в частности предусмотренных статьями 158–162 УК РФ. Доля таких преступлений составляет 49 %⁴.

У несовершеннолетних нередко возникают материальные запросы, которые они не имеют возможности удовлетворить. В результате они совершают кражи и грабежи. Зачастую для подростков, совершающих корыстные преступления, характерны представления о преступном поведении как наиболее распространенном способе извлечения доходов, без которого невозможно повысить материальную обеспеченность. При этом убежденность, «что воруют все»⁵, выступает самооправданием корыстного поведения. В итоге происходит развенчание существующих в обществе норм, а противоправное поведение расценивается не только как допустимое, но и как обыденное социальное явление⁶.

Кроме того, выделяются и корыстные мотивы, направленные на добычу средств для покупки спиртного, сладостей, для приобретения вещей, которые в подростковой среде являются престижными. Данные мотивы составляют около четверти всей мотивации несовершеннолетних преступников.

Следует выделить также корыстные мотивы, связанные с самоутверждением, ложным чувством товарищества. Несовершеннолетним

свойственно обусловленное возрастом стремление выделиться среди окружающих, сопровождаемое ложными формами самоутверждения и самореализации. Степень готовности, решимости совершить преступление проявляется во внутреннем состоянии корыстных преступников непосредственно перед его совершением. При этом социально-психологические особенности несовершеннолетних, совершивших преступления, представляют собой результат деформации личности и могут быть определены как морально-эмоциональная невоспитанность, выражающаяся в ослаблении чувства стыда — в норме одного из существенных элементов регулирования социального поведения. Думается, что формирование таких черт, как озлобленность, черствость, отсутствие сопереживания, неспособность поставить себя на место другого, чаще всего связано с ошибками в воспитании, т.е. имеет социальную природу. Так, подавляющее большинство преступников (по оценкам ученых, 71 %) совершали преступления, не думая о последствиях, и лишь у небольшой их части возникли колебания, сомнения в необходимости совершения преступления. Тем не менее они не стали препятствием для стремления достичь преступного результата⁷.

Экспертами отмечается, что в последнее время предметом кражи являются в большинстве случаев мобильные телефоны, видеорегистраторы, ноутбуки, планшеты, т.е. предметы, которые без особых физических усилий, незаметно для собственника изымаются и обра-

⁴ Грибунов О. П., Ишигеев В. С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2015. Т. 9. № 2. С. 252.

⁵ Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. С. 79.

⁶ Яровенко В. В., Яровенко Е. В. Криминологические проблемы девиантного поведения несовершеннолетних // Криминологический журнал. 2013. № 3. С. 63.

⁷ Иванова Л. М. Корыстно-насильственные преступления, совершаемые в отношении несовершеннолетних: криминологическая характеристика и предупреждение. Иркутск, 2008. С. 80.

щают в свою пользу или пользу других лиц, чем причиняется ущерб владельцу имущества. Однако нередко подростки при посещении различных общественных учреждений присваивают вещи, которые собственником были либо оставлены, либо потеряны. Именно на эти действия указал Конституционный Суд РФ⁸ при разграничении находки и кражи: в случае находки лицом вещи, если ее собственник неизвестен и лицом предпринимаются активные действия по его поиску, уголовная ответственность исключается. Однако присвоение лицом вещи, собственник которой неизвестен, в нарушение требований гражданского законодательства и тайное с корыстной целью обращение чужого имущества в свою пользу, чем причиняется ущерб собственнику, рассматриваются как кража чужого имущества.

Так, согласно приговору суда по делу № 1-327/2022 В. А., выходя из помещения бара «Барабан», в тамбуре между дверей обнаружил сотовый телефон, принадлежавший ранее потерпевшей С., в этот момент у него возник преступный умысел на обращение телефона в свою пользу. При этом виновный осознавал, что мобильный телефон в рабочем состоянии и имеет идентификационные признаки, предвидел, что у телефона есть собственник, который за ним вернется, однако обратил чужое имущество в свою пользу и распорядился им по своему усмотрению. В результате своими действиями В. А. причинил потерпевшей имущественный ущерб на общую сумму 10 000 руб., который с учетом состава семьи является для нее значительным. Действия В. А. квалифицированы по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ⁹.

За последние пять лет в среднем каждый десятый несовершеннолетний был осужден за грабеж и каждый тридцатый — за разбой. Между тем криминологами отмечается, что специфической особенностью совершения корыстно-насильственных преступлений несовершеннолетними осужденными являются раннее формирование у них устойчивых противоправ-

ных взглядов и установок, стремление к легкой, праздной жизни, отсутствие общей культуры, духовно-нравственных ориентиров, активной гражданской позиции, моральной ответственности, что проявляется прежде всего в насильственных грабежах и разбоях.

В качестве примера приведем приговор суда по делу № 1-1-57/2020.

Осужденные А., 2002 г. р., и Щ., 2003 г. р. совершили открытое хищение чужого имущества группой лиц по предварительному сговору в г. Чите при следующих обстоятельствах. 5 сентября 2021 г. в дневное время А. и Щ. совместно на такси приехали к магазину «Хлеб-Соль» и попросили водителя их подождать. Предварительно договорившись о хищении алкоголя из магазина и распределив роли, они решили совместно его похитить из разных коробок и скрыться, осознавая, что их действия будут очевидными для окружающих. С этой целью забежали в магазин, и со стеллажей А. похитил три бутылки коньяка, а Щ. — из другой коробки две бутылки виски. После этого они выбежали из магазина, скрывшись от преследовавших их сотрудников, сели в такси и уехали.

Подсудимый Щ. ранее судим, осужден условно, но, несмотря на это, вновь совершил тяжкое преступление в период испытательного срока. По месту жительства участковым уполномоченным характеризуется посредственно, по месту отбывания наказания — как систематически нарушающий порядок и условия отбывания наказания.

Подсудимый А. ранее неоднократно судим, вновь совершил тяжкое преступление в период испытательного срока и неотбытого наказания в виде исправительных работ. По месту жительства участковым уполномоченным характеризуется удовлетворительно, по месту отбывания наказания — как уклоняющийся от отбывания наказания в виде исправительных работ и скрывшийся от контроля¹⁰.

Очевидно, что наличие подобных примеров является тревожным показателем и может сви-

⁸ Постановление Конституционного Суда РФ от 12.01.2023 № 2-П «По делу о проверке конституционности статьи 227 Гражданского кодекса Российской Федерации, части первой и пункта 1 примечаний к статье 158 Уголовного кодекса Российской Федерации, статей 75, 87 и 88 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан А. В. Галимьяновой и В. С. Пузрякова» // Российская газета. № 17. 26.01.2023.

⁹ Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 17.09.2022 по делу № 1-327/2022 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).

¹⁰ Приговор Ингодинского районного суда г. Читы Забайкальского края от 02.07.2020 по делу № 1-1-57/2020 // URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 18.03.2025).

детельствовать о выборе судом неэффективной меры наказания несовершеннолетним, впервые совершившим преступления корыстно-насильственной направленности, результатом чего становится совершение повторных преступлений, только относящихся уже к категории тяжких.

Укажем, что совершение повторного преступления несовершеннолетними осужденными демонстрирует стойкую криминальную ориентацию личности, ее открытое противостояние уголовно-правовым запретам и упорное нежелание встать на путь исправления, когда даже назначение более строгого наказания не может удержать подростков от повторного совершения преступления.

Таким образом, преступность среди несовершеннолетних отличается высокой активностью, динамичностью, а сами несовершеннолетние, как отмечается исследователями, являются «одной из наиболее поражаемых преступностью групп населения»¹¹. Исходя из рассмотренных уголовных дел, люди, вставшие на путь совершения преступлений в юном возрасте, трудно поддаются исправлению и перевоспитанию и, как правило, представляют собой резерв для взрослой преступности.

Обращает на себя внимание и удельный вес осужденных подростков за неправомерное завладение автомобилем или иным транспортным средством без цели хищения. Так, в 2023 г. их доля составила 10,7 %.

Таблица 2

Характеристика несовершеннолетних, осужденных за корыстные и корыстно-насильственные преступления, совершенные в группе

Показатель	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
Всего осуждено несовершеннолетних в возрасте 14–17 лет	16 858	14 702	14 863	14 214	12 769
Совершили преступление в группе	8 601	7 479	7 540	7 369	6 380
Удельный вес, %	51	50,9	50,7	51,8	50
В том числе с участием взрослых	3 305	2 925	2 926	3 050	2 813
Удельный вес, %	19,6	19,9	19,7	21,5	22

Представляется, что угон без цели хищения совершается в большинстве случаев по мотивам самоутверждения, из озорства, нередко в составе группы. Последнее подтверждается и статистическими данными, согласно которым каждый второй несовершеннолетний осужденный совершил преступления в группе. По мнению профессора Л. М. Прокументова и профессора А. В. Шеслера, при анализе преступной группы, как любой малой социальной группы, значение имеют количественные и качественные характеристики, с уголовно-правовой точки

зрения это два и более лиц (количественный признак), совместность преступной деятельности (качественный признак), но обязательно в сочетании с индивидуально-личностной криминологической характеристикой¹².

Отметим, что особое место в формировании личности несовершеннолетнего занимают группы: «именно в группах с учетом разных моделей поведения и установок происходит “социализация” подростка как в правомерном, так и в неправомерном направлении»¹³. Большинство несовершеннолетних осужденных,

¹¹ Вяткин А. П., Невструева Т. Х., Терехова Т. А., Санина Л. В. Методы психокоррекции личности несовершеннолетних в системе раннего предупреждения их преступного поведения // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10. № 3. С. 489.

¹² Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 117.

¹³ Роббер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы / пер. с фр. Е. В. Машковой, Е. А. Соколова. М., 1988. С. 69.

совершивших преступления в составе группы, имели ранее антиобщественный опыт в предкриминальных группах, т.е. совершали правонарушения или преступления до достижения возраста уголовной ответственности¹⁴. При этом, рассматривая группу подростков через призму межличностных отношений, можно сказать, что приоритетным мотивом вхождения в нее является боязнь остаться в одиночестве, и именно поддержка группы помогает укрепить внутреннюю позицию подростка, чувство эмоционального благополучия и устойчивости. Совместная деятельность подростков способна придать уверенность и всем членам группы, причем то, какую направленность выберет группа, будет зависеть от лидера, состава группы, уровня кри-

миногенной зараженности социальной среды и криминальных тенденций. В этой связи отметим, что несовершеннолетние преступники начинают вести себя всё более изобретательно, стремясь достичь своей цели, особенно это проявляется в совершении корыстных и корыстно-насилованных преступлений.

Вместе с этим обращает на себя внимание, что за последние пять лет каждый десятый несовершеннолетний совершил преступление в состоянии опьянения, т.е. на поведение виновных лиц оказало влияние состояние алкогольного опьянения, являющегося своего рода катализатором криминогенной деформации личности, триггером к общественно опасному поведению.

Таблица 3

Характеристика несовершеннолетних, осужденных за преступления, предусмотренные главой 21 УК РФ, в зависимости от состояния опьянения

Показатель	Год				
	2019	2020	2021	2022	2023
В состоянии алкогольного опьянения	1 936	1 648	1 631	1 472	1 244
Удельный вес, %	11,5	11,2	11	10,4	9,7
В наркотическом и ином опьянении	53	48	34	38	40
Удельный вес, %	0,3	0,3	0,2	0,3	0,3

Проблемы профилактики преступности несовершеннолетних

В Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 г.¹⁵ значительное внимание уделено мерам по раннему выявлению и профилактике девиантного поведения. Это неудивительно, поскольку подростки, вставшие на путь совершения антиобщественных действий, сложно поддаются исправлению, а тем более перевоспитанию. В этой связи усиле-

ние роли воспитательного процесса в образовании детей и молодежи является приоритетной задачей, что нашло отражение и в Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 г.¹⁶ Именно базовые институты семьи и школы оказывают значительное влияние на развитие и социализацию несовершеннолетних. Отмеченный тезис подтверждается и исследованием Д. И. Фельдштейна: в основе нравственной деформации личности подростка в большинстве случаев лежат не его биологические свойства, а недостатки семейного и

¹⁴ Забрянский Г. И. Асоциальные группы несовершеннолетних: механизм формирования и классификация // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 1 (16). С. 57.

¹⁵ Распоряжение Правительства РФ от 22.03.2017 № 520-р (ред. от 18.03.2021) «Об утверждении Концепции развития системы профилактики безнадзорности правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года» (вместе с Планом мероприятий на 2021–2025 годы по реализации Концепции развития системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних на период до 2025 года) // СЗ РФ. 2017. № 14. Ст. 2088.

¹⁶ Распоряжение Правительства РФ от 29.05.2015 № 996-р «Об утверждении Стратегии развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года» // Российская газета. № 122. 08.06.2015.

школьного воспитания¹⁷. Между тем отсутствие внимания со стороны родителей к проблемам подростков, утраченная в период отбывания наказания связь подростков со школой могут привести к укреплению деструктивного поведения, в том числе имеющего уголовно-правовой характер. Общеизвестно, что несовершеннолетний не может длительное время находиться в одиночестве, стремится к общению, очевидно, с такими же подростками, которые оказались в подобной жизненной ситуации. Иными словами, неудачи в основных видах деятельности молодых людей порождают заниженную самооценку, и только у сверстников либо старших по возрасту лиц — приверженцев криминальной направленности они находят поддержку и одобрение своего противоправного поведения.

Кроме того, в проведенном И. Б. Кулиевым, И. Д. Бадамшиным исследовании отмечается, что, к сожалению, во многих образовательных учреждениях существуют практика замалчивания администрацией преступлений, совершенных несовершеннолетними (мелкая кража чужого имущества, причинение имущественного ущерба, ненасильственный грабёж), от правоохранительных органов и стремление самостоятельно реагировать на противоправное поведение подростков, в основном мерами дисциплинарного воздействия¹⁸. Однако упомянутые меры не всегда результативны и способны снизить уровень правонарушений и подобных преступлений среди несовершеннолетних.

Кроме того, после отбытия наказания несовершеннолетним необходима «определенная адаптация к жизни в социуме, что требует от различных структур и органов, в том числе органов образования, соответствующего взаимодействия»¹⁹. В связи с этим очевидно, что в

современных условиях профилактическая деятельность нуждается в дальнейшем научном осмыслении.

На наш взгляд, одним из значимых звеньев такой профилактической работы является налаживание межведомственной системы взаимодействия и социально-психологического сопровождения несовершеннолетних с целью предотвращения повторных правонарушений, которая основана на раннем выявлении проблем отклоняющегося поведения подростков. Примером такого взаимодействия может являться создание в школах и образовательных учреждениях среднего звена профилактических советов, в состав которых должны входить представители администрации образовательного учреждения, классные руководители (кураторы), социальные педагоги, педагоги-психологи, представители органов опеки и попечительства, сотрудники органов внутренних дел.

Некоторые авторы, помимо этого, в качестве субъектов ранней профилактики правонарушений несовершеннолетних правомерно рассматривают службы занятости, эффективность деятельности которых предполагает законный самостоятельный способ получения несовершеннолетними финансовых средств, что способствует формированию их активной жизненной позиции, обеспечивая продуктивную форму организации свободного времени, а также потенциально исправление имеющих деформаций личности несовершеннолетних и их отклоняющегося поведения без изоляции от общества²⁰. При этом важную роль играет микросреда²¹, т.е. условия жизни, в которых непосредственно формируется несовершеннолетний. Исследователями подростковой преступности в этом отношении отмечается, что

¹⁷ Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избранные труды. М., 2004. С. 48.

¹⁸ Кулиев И. Б., Бадамшин И. Д. Алкогольное опьянение как одна из детерминант подростковой преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 389.

¹⁹ Арсентьева Д. Д. О некоторых аспектах механизма привлечения к ответственности несовершеннолетних правонарушителей, обучающихся в общеобразовательных организациях (на примере Иркутской области) // Baikal Research Journal. 2019. № 3.

²⁰ Копалкина Е. Г., Бондарева Е. В. Региональный опыт деятельности службы занятости по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 99–101.

²¹ Добудько В. А., Меркулова В. В., Захарова Д. А. Влияние семейной обстановки на формирование личности несовершеннолетнего преступника // Тенденции развития науки и образования. 2023. № 104-8. С. 146.

чаще всего преступления совершают трудные, в педагогическом плане запущенные подростки²². Отсюда следует значимость таких выделяемых исследователями профилактических задач образовательной организации, как усиление роли воспитательного процесса и «формирование поддерживающих отношений с несовершеннолетним у близких родственников и других лиц из числа его социального окружения»²³. В средних учебных заведениях с этой целью психологи должны осуществлять мониторинг изменений личности несовершеннолетних, выявлять лиц, склонных к совершению противоправных поступков, помогать в организации досуга и налаживании контактов со сверстниками, проводить пропаганду социально полезной деятельности. Такая работа должна проводиться не только с несовершеннолетними, которые по своим жизненным обстоятельствам могут совершить правонарушения, но и с теми, кто уже совершил преступление и освобожден из мест лишения свободы. С такими несовершеннолетними должна осуществляться особая работа в тесном контакте с правоохранительными органами в целях предупреждения рецидива, поскольку их нравственные ценности в значительной степени искажены или нарушены.

Думается, что наиболее эффективными, кроме этого, могли бы быть меры по формированию у несовершеннолетних потребности в здоровом образе жизни, для чего необходимо

целенаправленное расширение внеурочной занятости подростков, состоящих на разных видах учета, через вовлечение в различные виды общественно полезной деятельности, поскольку обусловленную возрастом поведенческую активность несовершеннолетних следует не подавлять, а переориентировать и тем самым снижать их заинтересованность в совершении противоправных действий.

Заключение

Таким образом, в Российском государстве одной из важнейших задач является противодействие преступности несовершеннолетних, прежде всего корыстной и корыстно-насильственной направленности, масштабы которой, как продемонстрировано в настоящем исследовании, остаются устойчивыми. Отсюда необходимы дальнейшая разработка, принятие и осуществление мер по оптимизации механизма противодействия преступности, среди которых особенно значима ранняя профилактика преступности несовершеннолетних, которая должна иметь системный характер с учетом актуальных запросов и потребностей в формировании стратегии безопасности общества от криминогенных угроз, в том числе в сфере имущественных отношений. При этом меры профилактики могут быть эффективными лишь при комплексном подходе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Арсентьева Д. Д. О некоторых аспектах механизма привлечения к ответственности несовершеннолетних правонарушителей, обучающихся в общеобразовательных организациях (на примере Иркутской области) // *Baikal Research Journal*. 2019. № 3.

Вяткин А. П., Невструева Т. Х., Терехова Т. А., Санина Л. В. Методы психокоррекции личности несовершеннолетних в системе раннего предупреждения их преступного поведения // *Всероссийский криминологический журнал*. 2016. Т. 10. № 3. С. 487–498.

Грибунов О. П., Ишигеев В. С. Характеристика личности преступника, совершающего кражи на объектах транспорта // *Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права*. 2015. Т. 9. № 2. С. 248–256.

²² *Суслов Ю. Е., Кулакова С. В., Макаренко Т. Д., Спасенникова М. Г.* Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам переписи 2019 года // *Всероссийский криминологический журнал*. 2020. Т. 14. № 2. С. 294.

²³ *Злоказов К. В., Ильянкова Е. И., Рожков А. А.* Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления // *Всероссийский криминологический журнал*. 2021. Т. 15. № 1. С. 23 ; см. также: *Chen M., Chan K. L.* Effects of Parenting Programs on Child Maltreatment Prevention: A Meta-Analysis // *Trauma, Violence, & Abuse*. 2015. Vol. 17. Iss. 1. P. 90–91.

- Забрянский Г. И. Асоциальные группы несовершеннолетних: механизм формирования и классификация // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2010. № 1 (16). С. 50–58.
- Злоказов К. В., Ильянова Е. И., Рожков А. А. Влияние представления о социальном пространстве на оценку преступления // Всероссийский криминологический журнал. 2021. Т. 15. № 1. С. 15–26.
- Копалкина Е. Г., Бондарева Е. В. Региональный опыт деятельности службы занятости по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2023. № 1. С. 93–106.
- Кулиев И. Б., Бадамшин И. Д. Алкогольное опьянение как одна из детерминант подростковой преступности // Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13. № 4. С. 388–391.
- Миненок М. Г., Миненок Д. М. Корысть. Криминологические и уголовно-правовые проблемы. СПб., 2001. 366 с.
- Прокументов Л. М., Шеслер А. В. Общественная опасность групповой преступности // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 311. С. 116–119.
- Роббер М. А., Тильман Ф. Психология индивида и группы / пер. с фр. Е. В. Машковой, Е. А. Соколова. М., 1988. 256 с.
- Суслов Ю. Е., Кулакова С. В., Макаренко Т. Д., Спасенникова М. Г. Криминологическая характеристика несовершеннолетних осужденных, содержащихся в пенитенциарных учреждениях, по результатам репрезентативной выборки 2019 года // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14. № 2. С. 290–297.
- Фельдштейн Д. И. Психология взросления: структурно-содержательные характеристики процесса развития личности : избранные труды. М., 2004. 670 с.
- Яровенко В. В., Яровенко Е. В. Криминологические проблемы девиантного поведения несовершеннолетних // Криминологический журнал. 2013. № 3. С. 60–65.
- Chen M., Chan K. L. Effects of Parenting Programs on Child Maltreatment Prevention: A Meta-Analysis // Trauma, Violence, & Abuse. 2015. Vol. 17. Iss. 1. P. 88–104.

REFERENCES

- Arsentieva DD. On some aspects of the mechanism for bringing to justice juvenile offenders studying in general education institutions (Irkutsk region case). *Baikal Research Journal*. 2019;10(3):16. DOI: 10.17150/2411-6262.2019.10(3).16. (In Russ.).
- Chen M., Chan KL. Effects of Parenting Programs on Child Maltreatment Prevention: A Meta-Analysis. *Trauma, Violence & Abuse*. 2015;17(1):88-104.
- Feldshtein DI. Psychology of growing up: Structural and substantive characteristics of the personality development process. Selected works. Moscow; 2004. (In Russ.).
- Gribunov OP, Ishigeev VS. Characteristics of the personality of a criminal who commits theft at transport facilities. *Kriminologicheskij zhurnal Baykalskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava [Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law]*. 2015;9(2):248-256. (In Russ.).
- Kopalkina EG, Bondareva V. Regional experience of the employment service in the prevention of neglect and delinquency among minors. *Vestnik Permskogo nacionalnogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Socialno-ekonomicheskie nauki [Bulletin of the Perm National Research Polytechnic University. Socio-economic sciences]*. 2023;1:93-106. (In Russ.).
- Kuliev IB, Badamshin ID. Alcohol intoxication as one of the determinants of juvenile delinquency. *Probely v rossiyskom zakonodatel'stve [Gaps in Russian legislation]*. 2020;13(4):388-391. (In Russ.).
- Minenok MG, Minenok DM. Profit motive. Criminological and criminal legal aspects. St. Petersburg; 2001. (In Russ.).
- Prozumentov LM, Shesler AV. Public danger of group crime. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2008;311:116-119. (In Russ.).
- Robber MA, Tilman F. Psychology of the individual and the group. Translated from French by Mashkova EV, Sokolova EA. Moscow; 2016. (In Russ.).
- Suslov YuE, Kulakova SV, Makarenko TD, Spasennikova MG. Criminological characteristics of juvenile convicts held in penitentiary institutions, according to the results of the 2019 census. *Vserossiyskiy kriminologicheskij zhurnal*. 2020;14(2):290-297. (In Russ.).

Vyatkin AP, Nevstrueva TKh, Terekhova TA, Sanina LV. Methods of psychocorrection of the personality of minors in the early prevention system of their criminal behavior. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2016;10(3):487-498. (In Russ.).

Yarovenko VV, Yarovenko EV. Criminological problems of deviant behavior of minors. *Kriminologicheskiy zhurnal*. 2013;3:60-65. (In Russ.).

Zabriansky GI. Antisocial groups of minors: Mechanism of formation and classification. *Uchenye trudy Rossiyskoy akademii advokatury i notariata*. 2010;1(16):50-58. (In Russ.).

Zlokazov KV, Ilyankova EI, Rozhkov AA. The influence of the concept of social space on the assessment of crime. *Vserossiyskiy kriminologicheskiy zhurnal [Russian Journal of Criminology]*. 2021;15(1):15-26. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Корнакова Светлана Викторовна, кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Байкальского государственного университета
д. 11, Ленина ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
kornakova@yandex.ru

Корягина Светлана Анатольевна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии Байкальского государственного университета
д. 11, Ленина ул., г. Иркутск 664003, Российская Федерация
koryagina.sveta@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Kornakova, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
kornakova@yandex.ru

Svetlana A. Koryagina, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Associate Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Baikal State University, Irkutsk, Russian Federation
koryagina.sveta@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 13 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 8 июня 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 13.04.2025.
Revised 08.06.2025.
Accepted 15.05.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

А. Б. Смушкин

Саратовская государственная юридическая академия
г. Саратов, Российская Федерация

Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений

Резюме. В работе изучаются психологические аспекты цифровой трансформации выявления и расследования преступлений в период становления цифровой экономики. В ходе исследования субъективных психологических причин цифрового неравенства (цифрового провала) дифференцированы психотипы граждан по отношению к цифровизации и определены их основные страхи, связанные с принятием цифрового мира. Автор рассматривает также специфику цифровой коммуникации участников уголовного судопроизводства. Большое внимание в статье уделено специфическим психологическим и иным факторам, влияющим на следователя и снижающим эффективность цифровой трансформации расследования: когнитивной перегрузке, туннельному мышлению, необходимости комплексности правовых и технических знаний и компетенций, трансформации ментальности и криминалистического мышления. В исследовании подчеркнуто, что развитие идей датацентризма, связанных с получением информации об объекте изучения из цифровых источников, будет способствовать составлению цифрового психологического профиля и выявлению паттернов общения. Однако эти же перспективы ставят перед следователем этические и психологические дилеммы, обусловленные необходимостью определения баланса между объемом и пределами доказывания с одной стороны и тайной личной жизни участника судопроизводства — с другой. В работе также обращено внимание на эффект изменения ролей при цифровой трансформации. Кроме того, рассмотрены отдельные психологические аспекты производства следственных действий в дистанционном режиме как элемента цифровой трансформации. При выполнении исследования опрошено 200 человек разных социально-возрастных характеристик.

Ключевые слова: цифровая трансформация; расследование преступлений; цифровое неравенство; цифровые страхи и ожидания; криминалистическое мышление

Для цитирования: Смушкин А. Б. Психологические аспекты цифровой трансформации расследования преступлений. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 115–124. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

Благодарности. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00312, <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Psychological Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation

Alexander B. Smushkin
Saratov State Law Academy
Saratov, Russian Federation

Abstract. The paper examines the psychological aspects of the digital transformation of crime detection and investigation taking place during the formation of the digital economy. In the course of the study of the subjective psychological causes of digital inequality (digital failure), the psychotypes of citizens in relation to digitalization are differentiated and the main fears of citizens associated with the adoption of the digital world are identified. The author also examines the specifics of digital communication of participants in criminal proceedings. The paper pays particular attention to specific psychological and other factors affecting the investigator and reducing the effectiveness of the digital transformation of the investigation: cognitive overload, tunnel thinking, the need for a comprehensive legal and technical knowledge and competencies of the investigator, transformation of the

© Смушкин А. Б., 2026

investigator's mentality and forensic thinking. The study emphasizes that the development of data-centric ideas related to obtaining information about the object of study from digital sources will contribute to the creation of a digital psychological profile and the identification of communication patterns. However, these same perspectives pose ethical and psychological dilemmas for the investigator, due to the need to determine the balance between the scope and limits of evidence on the one hand and the secrecy of the private life of the participant in the proceedings on the other hand. The paper also focuses on the effect of changing roles in digital transformation. In addition, certain psychological aspects of the production of investigative actions in remote mode as an element of digital transformation are considered. During the study, 200 people of different socio-age characteristics were interviewed.

Keywords: digital transformation; crime investigation; digital inequality; digital fears and expectations; forensic thinking

Cite as: Smushkin AB. Psychological Aspects of Digital Transformation of Crime Investigation. *Lex russica*. 2026;79(6):115-124. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.115-124

Acknowledgements. The study was supported by the Russian Science Foundation (grant No. 24-28-00312), <https://rscf.ru/project/24-28-00312/>.

Введение

Переход к цифровой экономике коснулся всех сфер человеческой жизни. Не остается в стороне и расследование преступлений. В последнее время можно говорить уже не о цифровизации расследования, а о его коренном изменении — цифровой трансформации. Цифровая трансформация самих правоохранительных органов и расследования призвана адекватно условиям сегодняшнего дня, кибер- и иным информационным угрозам оптимизировать расследование преступлений и решать вопросы обеспечения информационной безопасности, которые Президент РФ назвал в качестве задачи, необходимой для достижения национальной цели «Цифровая трансформация государственного и муниципального управления, экономики и социальной сферы»¹.

Цифровая трансформация расследования сопровождается большим количеством правовых, организационных, тактических и психологических проблем и препятствий. Зачастую они

переплетаются между собой и обуславливают одна другую.

Рассмотрим комплекс проблем цифровой трансформации, акцентируя внимание прежде всего на психологических аспектах.

Основная часть

Одной из основных комплексных проблем, мешающей активной цифровой трансформации расследования, внедрению дистанционных следственных действий и электронного уголовного дела, является цифровое неравенство (цифровой разрыв, цифровой провал и т.д.). По данным К. Б. Мальсаговой, термин digital divide был впервые употреблен в отчете Национальной администрации информации и связи Министерства торговли США в 1995 г. «Проваливаясь в сеть: обзор сельских районов»².

Вопросы цифрового неравенства попадали в фокус научных исследований в последнее время достаточно часто³.

¹ Пп. «л» п. 8 Указа Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Официальный сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/50542> (дата обращения: 27.05.2024).

² Мальсагова К. Б. Информационно-цифровое неравенство в современном российском обществе // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 4–5. С. 75.

³ См., например: Van Deursen A. J., Helsper E., Eynon R., Van Dijk J. A. The compoundness and sequentiality of digital inequality // *International Journal of Communication*. 2017. Vol. 11. P. 452–473 ; Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S. Defining the digital divide in Russia: key features and trends // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019. № 5 (153). С. 100–119 ; Волченко О. В. Динамика цифрового неравенства в России // *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2016. № 5. С. 163–182 ; Карлова Е. Н. Цифровые технологии в военном образовании: преодоление цифрового неравенства // *Информационное общество*. 2020. № 5. С. 61–69 ; Celik I. Exploring

Ян Ван Дейк выделил четыре типа цифровой инклюзии/экслюзии: мотивация, физический доступ, навыки и использование⁴.

Развивая данный подход, мы предлагаем выделять объективное и субъективное цифровое неравенство. Первое может быть обусловлено недостаточным интернет-покрытием регионов, ограниченностью поставок нового оборудования при отсутствии технологического суверенитета, умышленными или случайными разрывами связи в ситуации военных действий или чрезвычайных ситуаций, санкционными ограничениями использования киберпространства (например, ограничение доступа российских институтов к некоторым научным базам или к целым сегментам киберпространства) и т.д. Второе связано с уровнем материального обеспечения граждан и возможностью покупки отвечающего требованиям современных программ оборудования, а также личными психологическими факторами.

Если раньше основной спектр исследований затрагивал именно вопросы объективного (прежде всего технологического и материального) цифрового неравенства, то в последнее время многие ученые обратили внимание на психологическую, мотивационную сферу.

Мы полагаем возможным дифференцировать граждан, все из которых потенциально могут попасть в сферу уголовного судопроизводства либо в качестве потерпевшего, либо в качестве подозреваемого, относительно психологической готовности к использованию цифрового оборудования, цифровых сервисов, повышению собственной цифровой грамотности и приобретению необходимых цифровых компетенций, на несколько категорий.

Во-первых, отрицающие или выступающие против цифрового оборудования, цифровизации как правоохранительной и социальной, так и информационной и профессиональных сфер. Условно назовем их «цифровые луддиты». Проведенный опрос показал, что в данную группу можно включить в основном лиц преклонного

и старше среднего возраста (60 лет и более). В ходе опроса подобное отношение отметили 65 % лиц данной возрастной группы. В ней полностью отсутствует молодежь. Представители этой группы наиболее часто становятся потерпевшими от мошенничества в сфере компьютерной информации.

Второй уровень — это лица, только начинающие развиваться в цифровом мире и использовать цифровые сервисы. Условно их можно именовать «цифровые нубы» (от англ. *pub*, *poob* или *newbie* — «новичок»; выражение из жаргона геймеров и лиц высокой цифровой грамотности). К таким лицам относятся начинающие или не желающие повышать начальный уровень цифровой грамотности пользователи различного возраста и социально-профессиональных групп.

В третью группу мы предлагаем объединить лиц, использующих киберпространство только для развлечения: общения в социальных сетях, игр, прослушивания музыки, просмотра фильмов и т.д. В нее входят часть лиц старшей возрастной категории (около 20 %), лица средней возрастной категории, работа которых не связана с использованием киберпространства (49,7 %), а также около половины опрошенной молодежи (54 %). Причем данная тенденция неполной цифровой вовлеченности молодежи характерна не только для России. А. Морган, Р. Сибсон и Д. Джексон определили низкий уровень владения студентами информационной грамотностью (поиск, верификация информации) при значительных достижениях в области взаимодействия в Интернете⁵.

Четвертая группа — лица, использующие цифровые технологии и киберпространство для работы/учебы и цифровые сервисы государственных и муниципальных органов, а также коммерческих структур. Группа объединяет около 30 % лиц средней возрастной категории и значительную часть молодежи (42 %).

Можно отметить достаточно размытую градацию между средними уровнями цифрового

the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption // *Telematics and Informatics*. 2023. Vol. 83. 102026 ; *Gallardo R., Whitacre B.* An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups // *Telecommunications Policy*. 2024. Vol. 48. Iss. 6. 102777.

⁴ *Van Dijk J. A. G. M.* The Digital Divide in Europe : The Handbook of Internet Politics. London ; New York : Routledge, 2008. P. 1–23.

⁵ *Morgan A., Sibson R., Jackson D.* Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students // *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022. Vol. 44 (3). P. 1–18. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.

принятия на практике. Поскольку даже лица старшей возрастной категории в зависимости от личных качеств при производственной или личной необходимости могут повысить цифровую грамотность и цифровое принятие и попасть из второй в третью или даже четвертую группу.

Высший уровень цифровой готовности характерен для так называемых гиков (от англ. geek — «фанат, человек, увлеченный чем-либо»); сейчас слово используется в компьютерном и ином жаргоне для описания человека, увлеченного высокими технологиями). Эти люди стараются одними из первых приобрести и использовать новые технологии. Они первыми вживляют себе чипы (например, для хранения документов, оплаты, использования в качестве электронного пропуска). Заметить этих лиц можно по количеству кибердевайсов, находящихся при них, на теле или в непосредственной близости, превышающему обычное среднее количество у иных пользователей.

В качестве футурологической гипотезы можно отметить, что скорость технического прогресса, а также появление нейрочипов, разработки в области сознания человека и его высшей нервной деятельности могут приблизить технологическую сингулярность в виде синтеза человека и машины на различных уровнях и реализации идей трансгуманизма.

Что мешает гражданам принять цифровизацию и цифровую трансформацию? Причем речь идет о любом участнике судопроизводства. В первую очередь среди психологических предпосылок подобной самоидентификации и инклюзии можно указать инертность мышления и нежелание тратить усилия на приобретение новых компетенций. Условно можно назвать это страхом перед сложностью саморазвития. Кроме того, причиной может быть излишняя уверенность в своей незаменимости и без приобретения дополнительных компетенций и навыков.

Второй психологической причиной может служить страх перед самой идеей цифровой трансформации (зачем менять то, что хоть как-то работает?), ускорением и усложнением процессов. Человек боится и не желает выйти за пределы собственной зоны комфорта. Кроме того, он страшится потери уже достигнутого (социально-

го статуса, уровня зарплаты и т.д.) при попытке продвинуться к новым горизонтам, не замечая, что цифровая трансформация начинает предъявлять новые требования и к компетенциям, знаниям и навыкам имеющегося положения.

В качестве третьего фактора можно отметить общий страх ошибки. Пассивность в освоении навыков ограждает от повреждения дорогого и непонятого устройства, реагирования на уловки интернет-мошенника и т.д.

Четвертым фактором выступает неуверенность в возможности достаточного саморазвития и освоения новых перспектив использования киберпространства.

Последствием цифрового неравенства может стать также цифровое отчуждение — то чувство, которое может испытать участник уголовного процесса в отношении самого процесса из-за своей технической и цифровой неграмотности.

Киберсоциализация пользователей является немаловажным условием цифровой трансформации социальной сферы и правоохранительных органов. Решение подобного вопроса может заключаться только в активной просветительской, пропагандистской и иной деятельности профессиональных психологов и волонтеров.

При этом в рамках цифровой трансформации расследования в целом, появления новых цифровых инструментов коммуникации и межведомственного взаимодействия, реализации процессуальных прав граждан предлагаемая Томасом Рошем категория критической цифровой грамотности (*critical digital literacy, CDL*) как «способности обретения, критической оценки, использования и создания информации с помощью цифровых медиа при взаимодействии с отдельными лицами и целыми комьюнити (сообществами)»⁶ должна преобразоваться в способность получения цифрового доступа к технологиям цифровых порталов правоохранительных органов, применения их для поиска процессуальной информации и создания новой, а также взаимодействия с участниками судопроизводства и межведомственного взаимодействия. Кроме того, Л. Хаас и Дж. Тасси подчеркивают текстовый характер и поливариативность новых цифровых навыков, необходимость овладения новыми речевыми жанрами цифровых коммуникаций в Сети⁷.

⁶ Roche T. B. Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs // *Journal of Academic Language and Learning*. 2017. Vol. 1. P. 43.

⁷ *Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education* / L. Haas, J. Tussey (eds.). IGI Global, 2021.

Использование цифровых инструментов в расследовании и реализации своих прав в рамках уголовного судопроизводства также сконцентрировано прежде всего на формах коммуникаций в новой среде. Для следователя это формы электронного межведомственного взаимодействия, формат и особенности заполнения электронного уголовного дела, специфика использования гипертекста и прикрепления к текстовым документам (загрузки на портал) видео и аудиозаписей, фотографий, являющихся как доказательствами по делу, так и способами фиксации хода и результатов следственного действия, в целях формирования единого гипертекстового документа, позволяющего осуществить переход по ссылкам. Для иных участников судопроизводства к таким коммуникативным навыкам можно отнести особенности электронного обращения в правоохранительные органы, поиска по portalу конкретного органа, дистанционного коммуникативного взаимодействия со следователем. При этом по общему правилу, как отмечают В. И. Панов и Э. В. Патраков, «трансформация обратной связи приводит к сокращению высказываний и обеднению эмпатии»⁸.

Следует также отметить ряд важных психологических факторов, влияющих на следователя в период цифровой трансформации расследования. Так, важный негативный фактор — это когнитивная перегрузка, поскольку объем цифровых данных зачастую превышает объем вербальной информации или вещественных доказательств. Работа с большими массивами цифровых данных требует специальных, прежде всего автоматизированных, методов исследования. Данная задача реализована в разработке концепции больших данных и новых методов их анализа. Проблемой может стать также туннельное мышление, когда следователи больше сосредотачиваются на цифровых данных, цифровых доказательствах в ущерб классическим источникам информации и доверяют цифровым данным больше, чем личным или вещественным источникам доказательств.

Цифровая трансформация расследования неизбежно поднимает вопрос о комплексности цифровых и технических компетенций следователя. Трансформации подвергается и сама его ментальность, мышление. Мы уже

отмечали: «Трансформация мышления должна заключаться как в наделении следователя цифровыми инструментами и учете возможностей отвечающего потребностям времени инструментария, активном его использовании, так и во многом в осознании существования информации в новых формах (облачной, распределенной), особенностей электронной цифровой информации (неисчерпаемости при передаче, практически полной неизменяемости при копировании путем клонирования или снятия образа, равном значении формы и содержания и т.д.), а также разницы между аналоговым и цифровым слеодообразованием, трансграничности киберпространства; основная электронная следовая картина может находиться на удаленном компьютере, а аппаратура пользователя применяться только для набора текста на клавиатуре и трансляции без оставления каких-либо следов»⁹.

Датацентризм как один из основных аспектов цифровой трансформации расследования может способствовать извлечению из киберпространства (из открытых баз, социальных сетей, а также при использовании аналитических инструментов OSINT (Open Source Intelligence — сбор данных, разведка по открытым, прежде всего сетевым, источникам)) цифровых данных, формирующих в том числе психологический профиль лица. Кроме того, анализ сетевых коммуникаций лица может способствовать выявлению паттернов общения. При этом следует отметить, что цифровой психологический профиль может несколько отличаться от реального вследствие разной самоидентификации в реальном мире и киберпространстве социальных сетей, форумов или онлайн-игр.

Расширение спектра собираемой информации может поставить перед следователем этические и психологические дилеммы, обусловленные необходимостью определения баланса между объемом и пределами доказывания с одной стороны и тайной личной жизни участника судопроизводства — с другой. Даже имеющиеся рекомендации по исследованию, например, информации социальных сетей могут привести к нарушению тайны личной жизни. При этом перспективные рекомендации, связанные, например, с включением в спектр

⁸ Панов В. И., Патраков Э. В. Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М.: Психологический институт РАО, 2020. С. 27.

⁹ Смушкин А. Б. Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 96–97.

допустимых законом методов и инструментов взлома информации пользователя с помощью «служебных вирусов», могут привести и к разглашению информации, которая не предназначена даже для узкого круга определенных самим владельцем аккаунта пользователей.

Можно также отметить такой психологический аспект цифровой трансформации расследования, как изменение ролей. Так, цифровые технологии, используемые как при совершении, так и при расследовании преступлений, приводят к превалированию объема информации, получаемой аналитическим путем, над доказательствами, получаемыми «на земле». Указанный фактор может привести к утрате следователем закрепленной в уголовно-процессуальном законе руководящей и управляющей роли. Между тем подобная подмена ролей недопустима с точки зрения закона. Следователь со специалистами и аналитиками должен работать в тесном сотрудничестве и взаимодействии при сохранении руководящих позиций. При этом сама его деятельность становится скорее аналитической, чем традиционной поисковой.

С другой стороны, эффект изменения ролей при цифровой трансформации расследования проявляется в том, что автоматические и автоматизированные системы, системы поддержки принятия решений, автоматизированные рабочие места следователя и другие цифровые инструменты могут взять на себя решение рутинных вопросов и разработку вариантов решений. Неумелое пользование подобными инструментами также может нивелировать значимость процессуальной фигуры следователя. Однако, несмотря на предлагаемых в научной литературе «технических интеллектуальных агентов, специалистов по информационной безопасности (профессиональных “антихакеров”), а также роботов (компьютеров)»¹⁰, расследующих преступления в киберпространстве, автор последовательно стоит на позиции недопустимости подмены мыслящего человека — следователя роботом, ботом или иными алгоритмизированными разработками. Так, Е. Н. Быстряков и И. В. Усанов, предлагая концепт киберследе-

теля, разумно отметили, что «киберследователь как помощник следователя-человека является носителем искусственного интеллекта и должен обладать способностью адекватно постигать естественный ход вещей при расследовании уголовного дела»¹¹. Можно полностью согласиться с утверждением Д. В. Бахтеева о том, что «синергия принципов организации человеческого и машинного подходов к решению задач может стать тем инструментом, который позволит решать сложные задачи расследования, недоступные криминалистическим алгоритмам»¹². При этом недопустима психологическая зависимость человека-следователя от искусственного интеллекта или компьютерного алгоритма систем поддержки принятия решений. Они могут быть лишь инструментом, когнитивным помощником следователя, который должен сохранять критичность мышления, не принимая бездумно решения, предлагаемые автоматизированными системами.

Цифровая трансформация расследования и скорость цифрового прогресса требуют постоянного обучения, самообразования, добора необходимых компетенций и развития имеющихся у следователя, а также во многих случаях преодоления психологических барьеров перед использованием высокотехнологического оборудования.

Учета психологических аспектов требует и такой элемент цифровой трансформации расследования, как дистанционные следственные действия. Рассматривать можно отдельно психологические факторы, касающиеся следователей и иных участников судопроизводства.

Так, можно вспомнить утверждение Г. С. Помаза, что «эффективность проведения допроса следователем зависит от его умения использовать тактические и психологические приемы установления и развития контакта, профилактики конфликта, избличения во лжи, преодоления противодействия допрашиваемого, а также знания психологических особенностей личности. Тактические приемы и способы допроса также основываются на психологии, что способствует быстрому и полному расследованию

¹⁰ Власова С. В. К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9.

¹¹ Быстряков Е. Н., Усанов И. В. Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 32.

¹² Бахтеев Д. В. Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 3. С. 28.

уголовных дел»¹³. Производство следственных действий в дистанционном режиме трансформирует классические рекомендации по налаживанию психологического и коммуникативного контакта. Дистанционная форма следственного действия несколько снижает эмпатию, ограничивает возможность использования неречевых инструментов налаживания контакта. Между тем, как отмечает А. А. Шаевич, «известны случаи, когда допрошенные в качестве свидетелей граждане, ранее нейтрально или благожелательно настроенные в отношении представителей правоохранительных органов, меняли его (мнение. — А. С.) на негативное. Чаще всего это было связано с возмущением, вызванным проявлениями (по их мнению) неуважения, невниманием к их словам...»¹⁴

Существенно затруднена в дистанционном режиме и оценка психологических факторов, влияющих на допрашиваемого, между тем «обвиняемый может испытывать различные психические состояния в зависимости от того, как он относится к совершенному преступлению, а также правосудию. Его состояния детерминированы личностной позицией, системой ценностных ориентаций и оценкой степени доказанности преступления. При взаимодействии с потерпевшим следователь должен учитывать, что его психические состояния относятся к категории экстремальных (стресс, аффект, фрустрация) и вызывают серьезные изменения в его отражательно-регуляционной сфере»¹⁵.

Производство очной ставки в дистанционном режиме также имеет существенные осложняющие психологические факторы, недооценка которых следователем может привести к срыву или безрезультативности следственного действия. Как мы уже отмечали, «важным психологическим фактором дистанционной очной ставки является снижение значимости эффекта присутствия (эффекта ингибиции). Эффект ингибиции выражается во влиянии наличия второго участника следственного действия, который может

сразу, а не на дополнительных вопросах, опровергнуть показания первого участника. Да и само наличие второго допрашиваемого лица не может не оказывать психологическое влияние. Очная ставка в дистанционном режиме за счет ощущения дистанцирования от следователя и второго допрашиваемого при этом несколько сглаживает ингибицию, не дает возможности ощущения рядом лица, которое может опровергнуть показания, отстраняет его от прямого диалога, но и снижает влияние дисфории негативно настроенного лица на второго участника»¹⁶.

Кроме того, как отметил Ю. В. Кузьменко, «очная ставка максимально активизирует непроизвольные поведенческие реакции, что приводит к прорыву в защитной доминанте противодействующего лица. Поэтому очная ставка предполагает процедуру восприятия, расшифровки и использования вспомогательных данных, передаваемых ее участниками невербальными способами: с помощью языка жестов, мимики, телодвижений и т.п.»¹⁷. Дистанционный режим данного следственного действия накладывает свою специфику на контроль невербальных реакций лица. С одной стороны, следователь будет иметь возможность не просто просмотреть отдельные записи реакций обоих участников, но и подвергнуть их программному анализу. С другой — возникает необходимость разделения внимания между изображениями двух дистанционных участников или изображением первого дистанционного участника и присутствующим в месте очной ставки вторым.

Подводя итог проведенного исследования, можно сделать следующие выводы.

1. Психологические аспекты цифровой трансформации расследования требуют дополнительного осмысления и исследования. Необходимо понимание новых концептов цифровой трансформации, разрабатываемых с участием специалистов в различных областях, в том числе профессиональных психологов.

¹³ Помаз Г. С. Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // *Философия права*. 2016. № 2 (75). С. 79–80.

¹⁴ Шаевич А. А. О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий // *Научный портал МВД России*. 2018. № 2 (42). С. 46.

¹⁵ Трашкова С. М., Айснер Л. Ю. Некоторые психологические особенности проведения допроса // *Общество: политика, экономика, право*. 2017. № 3. С. 63.

¹⁶ Смушкин А. Б. Психологические аспекты производства дистанционных следственных действий как элемента цифровой трансформации процесса расследования // *КриминалистЪ*. 2023. № 1 (42). С. 86.

¹⁷ Кузьменко Ю. В. Нравственно-психологические аспекты очной ставки // *Достижения вузовской науки*. 2013. № 3. С. 202.

2. Без учета психологических факторов цифровой трансформации, касающихся как следователей, так и иных участников судопроизводства, невозможна эффективная адаптация к новым концептам электронного судопроизводства.

3. Следует отметить, что психологические аспекты цифровой трансформации тесно связаны с техническими и юридическими вопросами, исследование и решение которых должны проходить в комплексе для достижения синергетического эффекта.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бахтеев Д. В.* Криминалистическое мышление и программирование расследования // Вестник Балтийского федерального университета имени И. Канта. Серия «Гуманитарные и общественные науки». 2018. № 3. С. 13–20.
- Быстряков Е. Н., Усанов И. В.* Киберследователь // Проблемы уголовного процесса, криминалистики и судебной экспертизы. 2017. № 1 (9). С. 29–32.
- Власова С. В.* К вопросу о приспособлении уголовно-процессуального механизма к цифровой реальности // Библиотека криминалиста. 2018. № 1. С. 9–18.
- Волченко О. В.* Динамика цифрового неравенства в России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2016. № 5. С. 163–182. DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10.
- Карлова Е. Н.* Цифровые технологии в военном образовании: преодоление цифрового неравенства // Информационное общество. 2020. № 5. С. 61–69.
- Кузьменко Ю. В.* Нравственно-психологические аспекты очной ставки // Достижения вузовской науки. 2013. № 3. С. 201–206.
- Мальсагова К. Б.* Информационно-цифровое неравенство в современном российском обществе // Научные записки молодых исследователей. 2016. № 4–5. С. 74–79.
- Панов В. И., Патраков Э. В.* Цифровизация информационной среды: риски, представления, взаимодействия. М. : Психологический институт РАО, 2020. 199 с.
- Помаз Г. С.* Использование возможностей психологической науки при производстве допроса подозреваемых, обвиняемых и потерпевших // Философия права. 2016. № 2 (75). С. 79–83.
- Смушкин А. Б.* Психологические аспекты производства дистанционных следственных действий как элемента цифровой трансформации процесса расследования // Криминалистъ. 2023. № 1 (42). С. 81–87.
- Смушкин А. Б.* Цифровая трансформация процесса расследования как объективная реальность // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2023. № 1. С. 90–107. DOI: 10.21638/spbu14.2023.106.
- Трашкова С. М., Айснер Л. Ю.* Некоторые психологические особенности проведения допроса // Общество: политика, экономика, право. 2017. № 3. С. 62–65.
- Шаевич А. А.* О проблемах установления психологического контакта при производстве отдельных следственных действий // Научный портал МВД России. 2018. № 2 (42). С. 45–51.
- Celik I.* Exploring the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption // Telematics and Informatics. 2023. Vol. 83. 102026. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102026.
- Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education / L. Haas, J. Tussey (eds.). IGI Global, 2021. 378 p. DOI: 10.4018/978-1-7998-5770-9.
- Dobrinskaya D. E., Martynenko T. S.* Defining the digital divide in Russia: key features and trends // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. № 5 (153). С. 100–119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06.
- Gallardo R., Whitacre B.* An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups // Telecommunications Policy. 2024. Vol. 48. Iss. 6. 102777. DOI: 10.1016/j.telpol.2024.102777.
- Morgan A., Sibson R., Jackson D.* Digital demand and digital deficit: conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students // Journal of Higher Education Policy and Management. 2022. Vol. 44 (3). P. 1–18. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.
- Roche T. B.* Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs // Journal of Academic Language and Learning. 2017. Vol. 1. P. 43.
- Van Deursen A. J., Helsper E., Eynon R., Van Dijk J. A.* The compoundness and sequentiality of digital inequality // International Journal of Communication. 2017. Vol. 11. P. 452–473.

Van Dijk J. A. G. M. The Digital Divide in Europe : The Handbook of Internet Politics. London ; New York : Routledge, 2008. P. 1–23.

REFERENCES

Bakhteev DV. Forensic thinking and investigation programming. *Vestnik Baltiyskogo federalnogo universiteta imeni I. Kanta. Seriya «Gumanitarnye i obshchestvennye nauki»*. 2018;3:13-20. (In Russ.).

Bystryakov EN, Usanov IV. Cyber investigator. *Problemy ugolovnogo protsesssa, kriminalistiki i sudebnoy ekspertizy*. 2017;1(9):29-32. (In Russ.).

Celik I. Exploring the Determinants of Artificial Intelligence (AI) Literacy: Digital Divide, Computational Thinking, Cognitive Absorption. *Telematics and Informatics*. 2023;83:102026. DOI: 10.1016/j.tele.2023.102026.

Dobrinskaya DE, Martynenko TS. Defining the digital divide in Russia: Key features and trends. *Monitoring public opinion: economic and social changes*. 2019;5(153):100-119. DOI: 10.14515/monitoring.2019.5.06.

Gallardo R, Whitacre B. An unexpected digital divide? A look at internet speeds and socioeconomic groups. *Telecommunications Policy*. 2024;48(6):102777. DOI: 10.1016/j.telpol.2024.102777.

Haas L, Tussey J, (eds.). Connecting Disciplinary Literacy and Digital Storytelling in K-12 Education. IGI Global; 2021. DOI: 10.4018/978-1-7998-5770-9.

Karlova EN. Digital technologies in military education: Overcoming digital inequality. *Informatsionnoe obshchestvo*. 2020;5:61-69. (In Russ.).

Kuzmenko YuV. Moral and psychological aspects of a face-to-face confrontation. *Dostizheniya vuzovskoy nauki*. 2013;3:201-206. (In Russ.).

Malsagova KB. Information and digital inequality in modern Russian society. *Nauchnye zapiski molodykh issledovateley*. 2016;4-5:74-79. (In Russ.).

Morgan A, Sibson R, Jackson D. Digital demand and digital deficit: Conceptualising digital literacy and gauging proficiency among higher education students. *Journal of Higher Education Policy and Management*. 2022;44(3):1-17. DOI: 10.1080/1360080X.2022.2030275.

Panov V, Patrakov EV. Digitalization of the information environment: Risks, perceptions, interactions. Moscow: Psikhologicheskiy institut RAO Publ.; 2020. (In Russ.).

Pomaz GS. Using the possibilities of psychological science in the interrogation of suspects, accused and victims. *Filosofiya prava [Philosophy of Law]*. 2016;2(75):79-83. (In Russ.).

Roche TB. Assessing the role of digital literacy in English for academic purposes university pathway programs. *Journal of Academic Language and Learning*. 2017;1:43.

Shaevich AA. On the problems of establishing psychological contact during the conduct of certain investigative actions. *Nauchny portal MVD Rossii*. 2018;2(42):45-51. (In Russ.).

Smushkin AB. Digital transformation of the investigation process as an objective reality. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Pravo*. 2023;1:90-107. (In Russ.). DOI: 10.21638/spbu14.2023.106.

Smushkin AB. Psychological aspects of the production of remote investigative actions as an element of the digital transformation of the investigation process. *Kriminalist [Criminalist]*. 2023;1(42):81-87. (In Russ.).

Trashkova SM, Aisner LYu. Some psychological features of interrogation. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. 2017;3:62-65. (In Russ.).

Van Deursen AJ, Helsper E, Eynon R, Van Dijk JA. The compoundness and sequentiality of digital inequality. *International Journal of Communication*. 2017;11:452-473.

Van Dijk JAGM. The digital divide in Europe. The handbook of Internet politics. London and New York: Routledge, 2008. 1–23. (In Russ.).

Vlasova SV. On the question of adapting the criminal procedure mechanism to the digital reality. *Biblioteka kriminalista. Nauchny zhurnal [Criminalist's Library Scientific Journal]*. 2018;1:9-18. (In Russ.).

Volchenko OV. The dynamics of digital inequality in Russia. *Monitoring public opinion: Economic and social Changes*. 2016;5:163-182. (In Russ.). DOI: 10.14515/monitoring.2016.5.10.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смушкин Александр Борисович, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики, ведущий научный сотрудник проектного офиса научных программ и исследований Саратовской государственной юридической академии
зд. 104, стр. 3, ул. им. Чернышевского Н.Г., г. Саратов 410056, Российская Федерация
skif32@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexander B. Smushkin, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminology, Leading Researcher, Project Office for Scientific Programs and Research, Saratov State Law Academy, Saratov, Russian Federation
skif32@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 31 марта 2025 г.
Статья получена после рецензирования 6 мая 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 31.03.2025.
Revised 06.05.2025.
Accepted 15.05.2026.*

DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.125-136

О. Ю. Цурлуй

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
г. Москва, Российская Федерация

История криминалистической профилактики в России

Резюме. На протяжении истории науки криминалистики профилактика совершения преступлений неоднократно включалась и исключалась из ее предмета. Неравномерное развитие криминалистической профилактики требует осмысления ее роли в настоящий период и перспектив. История возникновения криминалистической профилактики в предметной области науки криминалистики, придание ей статуса частной криминалистической теории во многом свидетельствуют о важности деятельности по предупреждению совершения преступлений методами не только криминологии, но и криминалистики. Кроме того, исторический анализ криминалистической профилактики является неотъемлемой составляющей понимания современных задач данного института и основой его будущего развития. Исследование генезиса частной теории криминалистической профилактики в России позволило проследить ее возникновение и становление на протяжении более ста лет, сделать вывод о корреляции нормативно-правовой регламентации профилактики с научными дискуссиями относительно ее включения в предметную область науки криминалистики, сформулировать понятие, задачи и формы ее реализации на современном этапе. В результате проведенного анализа были сформированы основы подхода к понятию криминалистической профилактики, влиянию на ее содержательную сторону характера преступности того или иного периода, определено место профилактики в предмете криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика; криминалистическая профилактика; история профилактики; формы профилактики; задачи профилактики; методы профилактики; способы профилактики; борьба с преступностью; предотвращение преступлений; противодействие преступности

Для цитирования: Цурлуй О. Ю. История криминалистической профилактики в России. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 125–136. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.125-136

The History of Forensics-Based Crime Prevention in Russia

Olesya Yu. Turluj
HSE University
Moscow, Russian Federation

Abstract. Throughout the development of the forensics, crime prevention has been repeatedly included and excluded from its subject. The uneven historical development of forensics-based crime prevention requires reflection in order to understand its role in the present period and the prospects for development. The history of the emergence of forensics-based crime prevention in the subject area of the science of criminology, giving it the status of a private criminalistic theory, in many ways testifies to the importance of activities to prevent the commission of crimes using methods not only criminology, but also forensics. In addition, the analysis of the historical development of forensics-based crime prevention is an integral component of understanding the current tasks of this institution and the basis for its future development. The study of the genesis of the private theory of forensics-based crime prevention in Russia has made it possible to trace its more than a century-old history of emergence and formation, to conclude that the legal regulation of prevention correlates with scientific discussions regarding the inclusion of prevention in the subject area of forensics, to formulate the concept, tasks and forms of its implementation at the present stage. The analysis made it possible to formulate the basics of an

© Цурлуй О. Ю., 2026

approach to the concept of forensics-based crime prevention, the impact on its content of the nature of crime of a particular historical period, and to determine the place of prevention in the subject of forensics.

Keywords: forensics; forensics-based crime prevention; history of prevention; forms of prevention; tasks of prevention; methods of prevention; methods of prevention; fight against crime; crime prevention; combating crime

Cite as: Tsurlyuj OYu. The History of Forensics-Based Crime Prevention in Russia. *Lex russica*. 2026;79(6):125-136. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.125-136

Противодействие преступности уходит корнями в древние времена, что обусловлено стремлением общества предотвратить противоправные деяния, исключив или минимизировав причиняемый ими вред. Исторический анализ криминалистической профилактики позволит лучше понять сущность этого понятия, его роль и значение в борьбе с преступностью, спрогнозировать дальнейшее развитие данной деятельности. Историческое познание профилактической деятельности в борьбе с преступностью в различные периоды развития России будет способствовать адекватной оценке генезиса профилактики и анализу современного состояния и проблем, которые возникают при ее практической реализации. За более чем тысячелетнюю историю в нашей стране накоплен значительный опыт предотвращения совершения преступлений, как имеющий историческую ценность, так и приносящий пользу в современных условиях. Исторический метод исследования позволяет избегать ошибок, допущенных в прошлом, и вместе с тем применять положительные достижения рассматриваемой деятельности в настоящем.

В современных условиях и вызовах, стоящих перед нашей страной, криминалистическая профилактика приобретает актуальность и востребованность. Согласимся с мнением Н. А. Подольного о «неоспоримом значении криминалистической профилактики преступлений для обеспечения правопорядка и общественной безопасности, эффективности криминалистической профилактики преступлений как средства обеспечения социальной справедливости»¹. Однако с момента включения профилактики в предметную область науки криминалистики до настоящего времени она прошла через различные периоды применения и забвения.

Историю развития криминалистической профилактики рассмотрим в двух плоскостях: пра-

вовой регламентации и научного исследования. Существует два пути возникновения явления. Первый — от практики до законодательного закрепления, когда правоотношения образуются по логике развития общества, изучаются наукой и закрепляются в нормативных правовых актах. Второй путь — правоотношение изначально регламентировано законодательно, реализуется в жизнедеятельности людей и исследуется наукой.

Криминалистическая профилактика проходит тернистый путь исторического развития, поскольку и правоприменительная практика, и наука криминалистики, и общество в целом не отрицают значимость предотвращения преступлений, но мало кто понимает то, как именно осуществлять данную деятельность, ее содержание, процесс реализации, способ внедрения в правоприменение и доведения до целевой группы, в частности несовершеннолетних, лиц, ранее привлекаемых к уголовной ответственности, населения в целом.

Вместе с тем законодательное закрепление требований принять меры противодействия совершению преступлений стимулирует научные дискуссии и исследования по криминалистической профилактике. Проанализировав специальную литературу в ретроспективе, можем однозначно констатировать, что мнения уважаемых ученых-криминалистов изменялись под влиянием правовой регламентации профилактических мер. Тенденция абсолютно понятная и объяснимая, поскольку внедрение криминалистической профилактики без правового закрепления и согласования с уполномоченными органами малореалистично.

Первоначально на Руси различий юридического характера между мерами, направленными на предупреждение правонарушений, и карой за преступления не существовало². Такой подход не лишен логики, поскольку лучшей мерой профилактики является претерпевание

¹ Подольный Н. А. Криминалистическая профилактика преступлений // Юристы-Правоведы. 2024. № 2 (109). С. 176.

² Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в России в дореволюционный период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 2376.

справедливого наказания правонарушителем. Однако такая профилактика воздействует в большей степени на повторное совершение преступлений лицом, ранее нарушившим закон и не избежавшим ответственности и наказания. Полагаем, что такого рода меры противодействия совершению преступлений оправдывали себя в указанный период и не лишены целесообразности в современном подходе к борьбе с преступностью.

Анализ основного древнерусского источника права — Русской Правды — приводит к выводу об отсутствии каких-либо законодательных упоминаний о профилактике совершения преступлений в указанный период. Единственной мерой предотвращения преступлений в Древней Руси можно считать неизбежное наказание за совершение преступления, поскольку в Русской Правде устанавливались законодательный запрет на совершение преступлений и виды наказаний за их совершение. Таким образом, сам факт правовой регламентации ответственности за совершение противоправных деяний можно считать первым шагом на пути зарождения профилактики преступлений.

«Развитие системы предупреждения преступлений в России прослеживается в законодательных актах Московской Руси, в частности в Грамоте жалованной на непринятие незваных людей на пиры, братчины и праздники 1462–1478 гг., согласно которой введены ограничения на выезды из сел с целью недопущения драк и убийств»³. Исходя из этого, мы делаем вывод, что в данный период находит законодательное отражение не только наказание за совершенное преступление, но и ряд ограничительных мер предупредительного характера, призванных предотвратить совершение преступления, что оценивается как позитивная тенденция исторического развития криминалистической профилактики.

Во время правления Ивана IV был учрежден Разбойный приказ, в ведении которого находились расследование и предупреждение уголов-

ных преступлений. Таким образом, тенденция законодательной регламентации мер предупреждения преступности сохраняется и расширяется, что свидетельствует о понимании государственными органами важности правовой регламентации профилактики в целях повышения эффективности борьбы с преступностью.

Указом от 19 мая 1637 г. учреждалось клеймение как мера, не допускающая повторного совершения преступления⁴. Наряду с включением в законодательные акты непосредственно профилактических мер, налагающих определенные ограничения в целях недопущения совершения преступлений, законом предписываются достаточно строгие меры наказания за совершенные преступления.

Царь Алексей Михайлович утвердил ряд указов, касающихся профилактики совершения преступлений, в частности Указ от 26 января 1668 г. «О невыезде и нехождении на сырной неделе ночью после указанных часов, кроме законных нужд», «регламентировавший передвижение по Москве ночью и ношение оружия горожанами в течение последней недели перед Великим постом»⁵. Следовательно, правовое регулирование профилактики совершения преступлений сохраняется и расширяется, что свидетельствует о понимании на уровне государства важности борьбы с преступностью превентивными мерами.

Дальнейшие меры предупреждения преступности отразились в Указе царя Федора Алексеевича 1682 г. предписывавшем построить две шпитальни (богадельни) на территории Москвы и выдать им «на пропитание вотчин архангельского владыки и вотчин Знаменского монастыря»⁶. «Царь указывал на организацию ухода за бедными, больными и старыми нищими, запрещая появляться на улицах здоровым нищим, вынуждая их трудиться»⁷. Указ содержал положения по профилактике преступлений, совершаемых людьми, оказавшимися в сложной жизненной ситуации и не имевшими средств к существованию.

³ Лазарева Л. В., Наумов И. А. История формирования и развития отечественной системы предупреждения преступлений в дореволюционный период // Новый ракурс. 2020. № 1. С. 111.

⁴ Гавердовская В. И. К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 1 (5). С. 10.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Собрание I. С 1649 г. по 12 декабря 1825 г. (далее — ПСЗ-I). СПб., 1830–1851. Т. 1. № 423.

⁶ Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1. Киев : Типография В. И. Завадского, 1890. С. 108.

⁷ Лазарева Л. В., Наумов И. А. Указ. соч. С. 113.

Нормы, регламентирующие предотвращение преступлений, содержались в законодательстве Российской империи, «требуящем выявления людей, невмешательство которых создавало благоприятные условия для совершения краж, разбойных нападений и убийств»⁸.

Во время правления Петра I наказание за преступное деяние выступало методом профилактики, что имело место и в предшествующие исторические периоды. «Путем наказания нужно было искоренить опасные элементы общества и предотвратить распространение преступности в государстве»⁹, в чем всегда прослеживается эффективность.

Особенностью исполнения наказания при Петре I являлось привлечение заключенных к труду, в частности на мануфактурах и в строительстве. «Одновременно ограничивается применение смертной казни к преступникам, кроме измены, бунта и душегубства, вводятся наказания в виде денежного штрафа, “смирительных домов”, лишения чести и др.»¹⁰. Основной задачей наказания являлось «обеспечение защиты государства от преступников путем изоляции их от общества»¹¹.

Среди мер по предупреждению преступлений во времена царствования Петра I применялись выдворение за границу иностранцев, запрет жизнедеятельности в столицах и иных населенных пунктах и местах, административная высылка в определенные местности России, надзор полиции за лицами, совершившими правонарушения.

В связи с учреждением Петром I в 1718 г. регулярной полиции и утверждением должности генерал-полицмейстера были сформулированы его должностные обязанности, одной из которых была названа профилактика совершения преступлений. Функции генерал-полицмейстера: «задерживать и допрашивать нарушителей и передавать их дела в определенные суды; подавать изветы или явки о подозрительных домах и досматривать их; “хватать и допраши-

вать” гулящих и слоняющихся людей и определять их на работы; следить за приезжими, домохозяевам и работодателям извещать полицию о своих постояльцах, а также об уезжающих; выбирать караульчиков для задержания устраивающих драки и воров, а также следить за противопожарной безопасностью»¹².

Дальнейшее расширение правовой регламентации профилактической деятельности в рамках борьбы с преступностью нашло отражение в Наказе губернаторам и воеводам и их товарищам, по которому они должны поступать, Петра I от 12 сентября 1728 г. Предотвращение совершения преступлений регулировали статьи 40, 46, 47 Наказа. Это были положения об оповещении о происшествиях и правонарушениях, так называемые караулы и рогатки; обязанности населения сообщать о подозрительных помещениях; о запрете пропуска неизвестных и не вызывающих доверия лиц в город, о том, чтобы устанавливать их личность, прежде чем приглашать в гости и на работу.

Рассмотренный исторический период отличался принятием широкой правовой базы в области регулирования борьбы с преступностью. Правовые акты, принятые Петром I, наряду со строгими видами наказания, содержали собственноручно профилактические меры борьбы с преступностью, которые носили предупредительный и ограничительный характер.

Дальнейшее законодательное регулирование профилактики преступности развилось в Именном указе императрицы Анны Иоанновны от 17 октября 1740 г. «О наблюдении, чтобы в домах шуму и драк не было, и о продаже напитков в кабаках и трактирах с девятого часа утра и до седьмого часа по полудни»¹³. Указом «устанавливались требования к полиции Санкт-Петербурга следить за соблюдением общественного порядка в домах со стороны обывателей, ограничивать продажу спиртного в питейных заведениях в определенное время суток, а также следить за освещением улиц и передвиже-

⁸ Вандышев В. В., Лаврентьева И. С., Малинин В. Б. Криминалистическое обеспечение деятельности по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений (исторический аспект) // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 71.

⁹ Сушкова Ю. Н. Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П. С. Ромашкина) // Социально-политические науки. 2022. № 2. С. 37.

¹⁰ Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. С. 730.

¹¹ Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947. С. 66–67.

¹² «Пункты, данные Санкт-Петербургскому генерал-полицмейстеру» от 25 мая 1718 г. // ПСЗ-I. Т. 5. № 3203.

¹³ ПСЗ-I. Т. 11. № 8260.

нием обывателей по улицам в ночное время с фонарями»¹⁴. Таким образом, продолжился курс Российской империи на расширение правовой регламентации мер по предупреждению совершения преступлений. Однако само понятие профилактики преступности вплоть до правления Екатерины II в законодательных актах отсутствовало.

Как отмечается в специальной литературе, «важнейший вклад в формирование института противодействия правонарушениям внесла Екатерина II, впервые высказавшая тезис о необходимости осуществления превенции преступлений как о преобладающем направлении противодействия преступности, распространявшийся на все без исключения виды преступлений»¹⁵. «Наказ ее императорского величества Екатерины Второй самодержицы Всероссийской, данный Комиссии о составлении проекта нового Уложения, опубликованный 30 июля 1767 г., впервые в русской истории не просто устанавливает требование предупреждать преступления, но и предлагает определенные превентивные меры»¹⁶. Профилактические меры борьбы с совершением преступлений, регламентированные в названном Наказе, были следующими¹⁷.

Статьей 243 Наказа закладывалось равенство всех лиц перед законом, вводились ограничения использования привилегий, запрещалось излишнее различие в правах подданных.

В соответствии со ст. 244 Наказа верховенство закона фактически было провозглашено, а следовательно, подчинение закону и никому более стало основным принципом.

Статья 245 Наказа содержала цель всеобщего просвещения, общей и правовой грамотности, которая оказывает влияние на отношение человека к совершению преступления.

В статье 247 Наказа отмечается положительное влияние системы поощрений правомерного поведения на профилактику преступности.

Требование ст. 248 Наказа посвящено воспитанию, процесс которого является сложным

и многогранным, но в то же время напрямую влияет на поведение людей в обществе и правопорядок в государстве.

В конце XVIII — начале XIX в. в Российской империи зарождаются научные исследования проблем профилактики преступлений, обусловленные социальными реформами, законодательными изменениями.

После издания «Учреждения для управления губерний Российской империи» 7 ноября 1775 г., фактически расширившего государственный полицейский аппарат, а также вменившего полицейским чинам обязанность осуществлять предупреждение и пресечение преступлений, задача профилактической деятельности была поставлена перед правоохранителями. В частности, статьи 254, 255, 257, 264 гл. XIX «Учреждения для управления губерний» предписывали городничему иметь бдение, дабы сохранять в городе благочиние, добронравие и порядок, чтобы установленные законом полезные для горожан положения исполнялись и сохранялись.

Следовательно, с принятием нормативного правового акта уполномоченные органы приобрели правомочия применения мер не только по расследованию, но по предотвращению совершения преступлений.

Свод уставов о предупреждении и пресечении преступлений, вошедший в Собрание законодательства Российской империи в 1832 г.¹⁸, содержал определенные рекомендации и запреты по каждому из уголовно наказуемых в тот период деяний. Сложно согласиться, что данные рекомендации носили «методико-криминалистический характер и нацелены были на выявление и исследование условий совершения преступления»¹⁹. Прямое толкование изложенных норм свидетельствует именно о содержании правил поведения и запретов нарушений.

Собрание законодательства Российской империи 1832 г. включало отдельное Положение о воспитательно-исправительных заведе-

¹⁴ Лазарева Л. В., Наумов И. А. Указ. соч. С. 116.

¹⁵ Беженцев А. А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 76.

¹⁶ Лазарева Л. В., Наумов И. А. Указ. соч. С. 117.

¹⁷ Императрица Екатерина Вторая. Наказ, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения / под ред. и с предисл. В. А. Томсинова. М., 2008. С. 65–66.

¹⁸ Емельянов В. М. Указ. соч. С. 2377.

¹⁹ Вандышев В. В., Лаврентьева И. С., Малинин В. Б. Указ. соч. С. 72.

ниях для несовершеннолетних, «созданных для нравственного исправления помещаемых в них несовершеннолетних и подготовки их к честной и трудовой жизни»²⁰. Оно содержит отдельную главу о мерах воспитательно-исправительного воздействия на несовершеннолетних, которая регламентирует и объем обучения несовершеннолетних, содержащихся в воспитательно-исправительных заведениях, и меры поощрения за хорошее поведение.

По утверждению И. И. Иванова, «вопросам разработки средств и методов предупреждения преступлений посредством их раскрытия и расследования юристы уделяли значительное внимание еще до появления самого термина “криминалистика”»²¹.

Любопытно, что в Российской империи профилактика преступлений «возлагалась, помимо полиции, на губернаторов и иных руководителей гражданских и военных, которые были обязаны предупреждать и пресекать всякие нарушения общественного спокойствия, порядка, общественной и личной безопасности, руководствуясь правилами, определенными Уставом о предупреждении и пресечении преступлений»²².

Криминалистическая профилактика в наибольшей степени подвергалась обсуждению и обоснованию в научной среде, как справедливо утверждает ученый, в период с середины 1920-х по конец 1980-х гг.²³

Объективность приведенного утверждения подтверждается анализом соответствующей специальной криминалистической литературы 1920-х гг., выявляющим упоминания криминалистических методов и средств, используемых в целях предупреждения преступлений. В частности, И. Н. Якимов обозначал «необходимость разработки эффективных криминалистических

способов предупреждения совершения преступлений»²⁴. Автор включал исследование и разработку способов профилактики преступлений и пресечение выполнения объективной стороны совершения преступления в задачи науки криминалистики²⁵. В этой связи отметим, что криминалистическая профилактика на современном этапе должна в большей степени сосредоточиться на противодействии такому элементу объективной стороны преступления, как способ его совершения.

Сформулированная «новая задача криминалистики как идея была поддержана и стала рассматриваться в качестве не менее важной, чем раскрытие и расследование преступлений, а выявление следователем причин и условий, способствующих совершению преступлений, процессуально было вменено в обязанности следователя и суда»²⁶.

«Неправильно ограничивать деятельность органов предварительного следствия и дознания только лишь раскрытием и расследованием преступлений, но вменять им в обязанность реализовывать меры по предупреждению ближайших и очевидных причин и условий, благоприятствующих совершению преступлений»²⁷. На самом деле в любой период истории государства и общества значимость комплексной профилактики и входящей в ее состав криминалистической профилактики сложно переоценить. Предотвращение всегда влечет меньше затрат, чем устранение последствий.

Определяя понятие и суть криминалистической профилактики, В. И. Громов писал о ней как «об обязанности органов предварительного расследования осуществлять заботу о принятии предупредительных мероприятий, направленных на устранение причин, способствующих совершению преступлений»²⁸. Отметим, что

²⁰ Емельянов В. М. Указ. соч. С. 2378.

²¹ Иванов И. И. Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2004. С. 15.

²² Устав о предупреждении и пресечении преступлений (Св. зак. Т. 14, изд. 1857), доп. и изм. по Продолж. 1863, 1864, 1868, 1869 и 1871 гг. с разъяснениями по Уложению о наказаниях изд. 1866 г. и по Уставу о наказаниях, налагаемых мировыми судьями. М., 1872. С. 2.

²³ Иванов И. И. Указ. соч. С. 15.

²⁴ Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. С. 25.

²⁵ Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. С. 7.

²⁶ Комаров И. М., Ян Е. И. Исторический и некоторые теоретические аспекты криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 182.

²⁷ Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности. Воронеж, 1964. С. 33.

²⁸ Громов В. И. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Крыленко. М. : Госюриздат, 1935. С. 16.

для 1930-х гг. такой подход был рациональным и эффективным. Но объективные изменения в обществе и государстве неизбежно приводили к закономерной смене научного подхода к понятию и содержанию профилактической деятельности, проводимой средствами и методами криминалистики.

«В конце 40-х гг. XX в. смело и рационально на целесообразность разработки методики предупреждения преступности обратил внимание Г. Н. Александров, в то же время предложив отнести методы предупреждения преступлений к предмету криминалистики»²⁹.

По мнению выдающегося ученого А. И. Винберга, продолжившего обозначенную тенденцию, криминалистика есть «наука о криминалистической технике и тактике собирания доказательств, методике расследования и предотвращения преступлений»³⁰.

Р. С. Белкин, основоположник российской криминалистики, отмечал, что «в пятидесятые годы определение криминалистики обогатилось таким существенным элементом борьбы с преступностью, как предупреждение преступлений»³¹. «Криминалистика только тогда станет полноценным средством борьбы с преступностью, когда в ней займет надлежащее место разработка путей и методов предотвращения преступлений, т.е. путей и методов решения актуальнейшей проблемы, стоящей перед нашими судебными органами»³². Проблема профилактики преступлений не только не теряет актуальность, но, наоборот, становится всё острее. Не отрицая, что лучшая мера профилактики — это раскрытие преступления, признаем, что криминалистические меры предотвращения совершения преступлений жизненно необходимы на современном этапе.

Следующим значимым этапом законодательного закрепления профилактики совершения преступлений стало принятие Закона СССР

от 25.12.1958 «Об утверждении Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик». Статья 2 Основ в качестве задачи, наряду с другими, называла профилактику совершения преступлений в рамках борьбы с преступностью, что было закреплено аналогичным образом в уголовно-процессуальном законодательстве республик Советского Союза.

Естественным образом правовое отражение профилактики среди задач уголовного судопроизводства всколыхнуло волну активного обсуждения криминалистической профилактики в науке криминалистики. Наиболее активно криминалистическую профилактику обсуждали ученые-криминалисты в 1960-х гг.

В. П. Колмаков предлагал «вынести криминалистическую профилактику в качестве самостоятельного раздела науки криминалистики, со включением в перечень криминалистических средств предотвращения преступлений технических криминалистических средств и тактических приемов, основывающихся на криминалистических»³³, что, по нашему мнению, обоснованно и рационально.

В 1963 г. В. Ф. Зудин определил криминалистическую профилактику как «специальную систему процессуально-тактических, научно-технических, частно-методических и организационно-воспитательных средств и методов с использованием общественных форм воздействия по устранению и установлению причин и условий, способствующих совершению преступлений»³⁴.

С. П. Митричев указывал «технические средства и тактические приемы и методы, применяемые для выполнения предусмотренных уголовно-процессуальным законом следственных действий по обнаружению, собиранию, фиксации и исследованию доказательств в целях расследования и предупреждения преступлений»³⁵.

²⁹ Александров Г. Совершенствование методов расследования преступлений — в центр внимания советской криминалистики // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 7.

³⁰ Криминалистика / под ред. А. И. Винберга и С. П. Митричева. М. : Госюриздат, 1950. Ч. 1. С. 4.

³¹ Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. : Юридическая литература, 1987. С. 44.

³² Белкин Р. С. Указ. соч. С. 47.

³³ Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 107.

³⁴ Зудин В. Ф. Предотвращение и расследование преступлений (по материалам нарушений правил безопасности в угольных шахтах). Саратов, 1963. С. 67.

³⁵ Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики (введение в науку) : учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1965. С. 21.

И. Я. Фридман в исследуемую сферу включал «закономерности возникновения обстоятельств, способствующих правонарушениям, их обнаружение, исследование, оценку и использование в предупредительных целях»³⁶.

«Разработка криминалистических средств предотвращения преступлений в каждом из разделов советской криминалистики рассматривалась как важнейшая и неотложная задача криминалистики»³⁷, — полагал Г. Г. Зуйков.

Можно сделать вывод, что включение предотвращения совершения преступлений в задачи уголовного судопроизводства существенным образом активизировало исследование и обсуждение понятия, роли криминалистической профилактики в науке криминалистики, а именно предметной области науки, и способствовало отнесению к ней данного института.

Ученые-криминалисты советского периода сформулировали ряд главных направлений предупреждения преступлений мерами криминалистического характера на период 1970–1980-х гг.:

1) «предотвращение преступлений на стадии подготовки к их совершению и пресечение преступлений на стадии выполнения объективной стороны преступлений. Предотвращение, на наш взгляд, всецело реализуется применением криминалистических средств и методов. Одновременно пресечение явно и безальтернативно охватывается задействованием способов и средств оперативно-розыскной деятельности»³⁸;

2) статья 21 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР 1961 г. заложила на долгие годы, вплоть до современности, подход к пониманию и определению криминалистической профилактики через выявление и устранение причин и условий совершения преступлений;

3) реализация мероприятий общепрофилактического характера, способствующих повыше-

нию уровня правовой грамотности населения, корректировке поведения лиц, а также применение процессуальных мер принуждения, в частности мер пресечения и т.п. Данное направление эффективно действует и в настоящее время.

Приведенные направления, несомненно, имели эффективность в исторический период своего существования. В какой-то мере их рационально применять и в современных условиях.

Стоит отметить, что в поздних работах Р. С. Белкин включал в предметную область науки криминалистики «специальные средства и методы судебного исследования и профилактики преступлений»³⁹.

«Система предупреждения преступности в СССР базировалась на принципе широкомасштабности такой деятельности, вовлечения всего общества в осуществление мероприятий, связанных с предупредительной деятельностью, существовала система мер профилактики преступности, включающая в себя общую профилактику и отдельно предупреждение рецидивной преступности, то есть накопленный в СССР положительный опыт профилактической деятельности можно использовать при конструировании и совершенствовании современной системы предупреждения преступлений»⁴⁰.

В XXI в. учеными признан факт: «криминалистика возникла и развивается как наука, способствующая не только раскрытию, расследованию, но и предупреждению преступлений»⁴¹.

В 2010-х гг. криминалистическая профилактика рассматривалась как «составная часть криминалистики и специально-криминологический вид профилактики, характеризующая тесную связь в этой области между криминалистикой и криминологией и объясняя использование криминалистикой отдельных криминологических знаний в своих целях»⁴².

³⁶ Фридман И. Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев, 1968. С. 18.

³⁷ Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Высш. школа МВД СССР. М., 1970. С. 17.

³⁸ Лопушанский Ф. А. Следственная профилактика преступлений. Опыт, проблемы, решения. Киев, 1980. С. 47.

³⁹ Белкин Р. С. Указ. соч. С. 65.

⁴⁰ Крайнова Н. А. Система предупреждения преступности в СССР: пережиток прошлого или модель будущего? // Lex russica. 2023. Т. 76 (3). С. 144. URL: <https://doi.org/10.17803/1729-5920.2023.196.3.136-145>.

⁴¹ Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2020. С. 23.

⁴² Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Понятие профилактики преступлений через призму криминологии и криминалистики // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 34.

Следует всецело согласиться с И. И. Ивановым в части того, что «многолетняя полемика отечественных ученых-криминалистов о предмете науки криминалистики и том месте, которое занимает криминалистика в системе юридического знания, существенным образом повлияла на темпы и объемы разработки проблем криминалистической превенции в сторону замедления», что делало невозможным «определение границ познания указанного явления каждой из наук»⁴³. Следует отметить, что подобные споры крайне негативно отражаются на развитии науки, и прежде всего на ее прикладной функции. Полагаем, на современном этапе с учетом вызовов, стоящих перед наукой криминалистики, время полемики завершилось и началась пора реальных, практико-ориентированных научных разработок, в том числе в области криминалистической профилактики.

По итогам проведенного анализа можно выделить следующие исторические этапы возникновения и формирования криминалистической профилактики совершения преступлений:

— первый — период Древней Руси, когда профилактика основывалась на строгом наказании за совершенное преступление, отсутствовало законодательное закрепление мер предупреждения совершения преступлений;

— второй — период Московской Руси, когда в законодательстве наряду с наказанием за совершение преступления находят отражение ограничительные меры предупредительного характера, нацеленные на профилактику преступлений;

— третий — период Российского царства, когда правителями принимаются правовые акты, содержащие ряд мер, направленных на предупреждение совершения преступлений, наряду с достаточно строгими наказаниями за совершенные противоправные деяния;

— четвертый — период Российской империи, когда дополнялись правовые нормы, регламентирующие понятие, содержание и перечень превентивных мер, а также появились первые научные исследования предупреждения преступности;

— пятый — период Советского Союза, когда меры предупреждения совершения преступлений регламентировались уголовно-процессуальным законодательством и криминалистическая профилактика в наибольшей степени подвергалась обсуждению и обоснованию;

— шестой — период современной России, когда правовое регулирование профилактики находит широкое отражение в уголовно-процессуальном и ином федеральном законодательстве, а также подзаконных актах, а интерес к криминалистической профилактике со стороны ученых остается высоким.

В качестве определенного вывода с учетом поставленных целей настоящей публикации необходимо отметить выявленную взаимосвязь между законодательной регламентацией профилактики преступности и научными исследованиями данного института. Профилактика совершения преступлений начала изучаться в конце XVIII — начале XIX в. после законодательного определения понятия и перечня превентивных мер борьбы с преступностью. На протяжении всего периода научного исследования данного института подходы к определению понятия и содержания предупреждения совершения преступлений напрямую зависели от его законодательной дефиниции. Вместе с тем возникновение новых способов совершения преступлений, появление новых объектов преступного посяательства диктуют необходимость корректировки понятия и совокупности мер криминалистической профилактики совершения преступлений с возможным внесением изменений в уголовно-процессуальное законодательство.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аксенова-Сорохтей Ю. Н. Понятие профилактики преступлений через призму криминологии и криминалистики // Вестник Калининградского юридического института МВД России. 2010. № 2. С. 33–37.

Александров Г. Совершенствование методов расследования преступлений — в центр внимания советской криминалистики // Социалистическая законность. 1948. № 2. С. 7–8.

Антонович А. Я. Курс государственного благоустройства (полицейского права). Ч. 1. Киев : Типография В. И. Завадского, 1890. 312 с.

⁴³ Иванов И. И. Указ. соч. С. 20.

- Беженцев А. А. Ретроспектива профилактики правонарушений несовершеннолетних: Киевская Русь, Московское государство, Российская империя // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 1 (34). С. 73–80.
- Белкин Р. С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. Общая и частные теории. М. : Юридическая литература, 1987. 272 с.
- Белкин Р. С. Курс криминалистики : учеб. пособие для вузов. 3-е изд., доп. М. : Юнити-Дана, Закон и право, 2001. 837 с.
- Вандышев В. В., Лаврентьева И. С., Малинин В. Б. Криминалистическое обеспечение деятельности по выявлению причин и условий, способствующих совершению преступлений (исторический аспект) // Юридическая мысль. 2012. № 3 (71). С. 71–75.
- Гавердовская В. И. К вопросу о становлении института рецидива в отечественном уголовном законодательстве // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2009. № 1 (5). С. 9–13.
- Горский Г. Ф. Выявление и изучение причин преступности. Воронеж, 1964. 94 с.
- Громов В. И. Предварительное расследование в советском уголовном процессе / под ред. Н. В. Крыленко. М. : Госюриздат, 1935. 136 с.
- Емельянов В. М. История профилактики правонарушений в России в дореволюционный период // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2015. Т. 13. С. 2376–2380.
- Законодательство Петра I / отв. ред. А. А. Преображенский, Т. Е. Новицкая. М., 1997. 880 с.
- Зудин В. Ф. Предотвращение и расследование преступлений (по материалам нарушений правил безопасности в угольных шахтах). Саратов, 1963. 315 с.
- Зуйков Г. Г. Криминалистическое учение о способе совершения преступления : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Высш. школа МВД СССР. М., 1970. 30 с.
- Иванов И. И. Криминалистическая превенция: Комплексное исследование генезиса, состояния, перспектив : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09. СПб., 2004. 418 с.
- Карамзин Н. М. История государства Российского. Кн. 1. М., 1988.
- Колмаков В. П. Некоторые вопросы криминалистической профилактики преступлений // Советское государство и право. 1961. № 12. С. 106–109.
- Комаров И. М., Ян Е. И. Исторический и некоторые теоретические аспекты криминалистического предупреждения преступлений // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2019. № 1 (88). С. 182–192.
- Крайнова Н. А. Система предупреждения преступности в СССР: пережиток прошлого или модель будущего? // Lex russica. 2023. № 3. С. 136–145.
- Криминалистика : учебник для бакалавров и специалистов / отв. ред. Е. П. Ищенко. М. : Проспект, 2020. 560 с.
- Криминалистика / под ред. А. И. Винберга и С. П. Митричева. Ч. 1. М. : Госюриздат, 1950. 304 с.
- Лазарева Л. В., Наумов И. А. История формирования и развития отечественной системы предупреждения преступлений в дореволюционный период // Новый ракурс. 2020. № 1. С. 110–121.
- Лопушанский Ф. А. Следственная профилактика преступлений. Опыт, проблемы, решения. Киев, 1980.
- Митричев С. П. Теоретические основы советской криминалистики (введение в науку) : учеб. пособие для студентов ВЮЗИ. М., 1965. 92 с.
- Подольный Н. А. Криминалистическая профилактика преступлений // Юристъ-Правоведъ. 2024. № 2 (109). С. 172–178.
- Ромашкин П. С. Основные начала уголовного и военно-уголовного законодательства Петра I. М., 1947.
- Сушкова Ю. Н. Развитие уголовного законодательства в эпоху Петра I (взгляды П. С. Ромашкина) // Социально-политические науки. 2022. № 2. С. 33–39.
- Фридман И. Я. Вопросы профилактики преступлений при криминалистическом исследовании документов. Киев, 1968. 87 с.
- Якимов И. Н. Криминалистика. Руководство по уголовной технике и тактике. М., 1925. 430 с.
- Якимов И. Н. Криминалистика. Уголовная тактика. М., 1929. 312 с.

REFERENCES

- Aksenova-Sorokhtey YuN. The concept of crime prevention through the prism of criminology and forensics. *Vestnik Kaliningradskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2010;2:33-37. (In Russ.).
- Aleksandrov G. The improvement of crime investigation methods is the focus of Soviet criminology. *Sotsialisticheskaya zakonnost*. 1948;2:7-8. (In Russ.).
- Antonovich AYa. The course of state improvement (police law). Part 1. Kiev: Printing house of V. I. Zavadzky. 1890. (In Russ.).
- Belkin RS. Course of forensics: A study guide. 3rd ed., suppl. Moscow: Yuniti-Dana Publ: Zakon i Pravo; 2001. (In Russ.).
- Belkin RS. Criminalistics: problems, trends, prospects. General and particular theories. Moscow: Yuridicheskaya literatura Publ.; 1987. (In Russ.).
- Bezhtentsev AA. A retrospective of juvenile delinquency prevention: Kievan Rus, the Moscow State, the Russian Empire. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. 2019;1(34):73-78. (In Russ.).
- Emelyanov VM. The history of crime prevention in Russia in the pre-revolutionary period. *Nauchno-metodicheskij elektronnyj zhurnal «Kontsept»*. 2015;13:2376-2380. (In Russ.).
- Forensic Studies: A textbook for universities. Part 1. Moscow: Gosyurizdat Publ.; 1950. (In Russ.).
- Friedman IYa. Issues of crime prevention in the forensic examination of documents. Kiev; 1968. (In Russ.).
- Gaverdovskaya VI. On the issue of the establishment of the institution of recidivism in domestic criminal legislation. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo»*. 2009;1(5):9-13. (In Russ.).
- Gorsky GF. Identification and study of the causes of crime. Voronezh; 1964. (In Russ.).
- Gromov VI. Preliminary investigation in the Soviet criminal process. Krylenko NV (ed.). Moscow: Gosyurizdat; 1935. (In Russ.).
- Ishchenko EP, (ed.). Forensic Studies: A textbook for bachelors and specialists. Moscow: Prospekt Publ.; 2020. (In Russ.).
- Ivanov II. Criminalistic prevention: A comprehensive study of the genesis, state, prospects. Dr. Sci. (Law) Diss. St. Petersburg; 2004. (In Russ.).
- Karamzin NM. The History of the Russian State. Moscow; 1988. (In Russ.). Book 1.
- Kolmakov VP. Some issues of criminalistic crime prevention. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*. 1961;12:106-109. (In Russ.).
- Komarov IM, Yan EI. Historical and some theoretical aspects of criminalistic crime prevention. *Vestnik Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii*. 2019;1(88):182-192. (In Russ.).
- Kraynova NA. Crime Prevention System in the USSR: A Relic of the Past or a Model of the Future? *Lex russica*. 2023;3:136-145. (In Russ.).
- Lazareva LV, Naumov IA. The history of the formation and development of the national crime prevention system in the pre-revolutionary period. *Novyy rakurs*. 2020;1:110-121. (In Russ.).
- Lopushansky FA. Investigative prevention of crime. Experience. Problems. Decisions. Kiev; 1980. (In Russ.).
- Mitrichev SP. Theoretical foundations of Soviet criminalistics (introduction to science): A study guide for VyuZI students. Moscow; 1965. (In Russ.).
- Podolny NA. Criminalistic crime prevention *Jurist-Pravoved*. 2024;2(109):172-178. (In Russ.).
- Preobrazhensky AA, Novitskaya TE, (eds.). Legislation of Peter the Great. Moscow; 1997. (In Russ.).
- Romashkin PS. The main principles of the criminal and military criminal legislation of Peter I. Moscow; 1947. (In Russ.).
- Sushkova YuN. The development of criminal legislation in the era of Peter the Great (the views of P. S. Romashkin). *Socialno-politicheskie nauki [Socio-Political Sciences]*. 2022;2:33-39. (In Russ.).
- Vandyshv VV. Criminalistic support of activities aimed at identifying the causes and conditions conducive to the commission of crimes (historical aspect). *Yuridicheskaya mysl [Legal Thought]*. 2012;3(71):71-75. (In Russ.).
- Yakimov IN. Criminal Forensic Studies. Criminal tactics. Moscow; 1929. (In Russ.).
- Yakimov IN. Forensic Studies. Guide to Criminal Techniques and Tactics. Moscow; 1925. (In Russ.).
- Zudin VF. Prevention and investigation of crimes (based on the materials of safety violations in coal mines). Saratov, 1963. (In Russ.).
- Zuikov GG. The criminalistic doctrine of the method of committing a crime. Author's abstract. Dr. Sci. (Law) Diss. Higher School of the USSR Ministry of Internal Affairs. Moscow; 1970. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Цурлуй Олеся Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент департамента уголовного права, процесса и криминалистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
д. 20, Мясницкая ул., г. Москва 101000, Российская Федерация
kijalis@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Olesya Yu. Tsurlui, Cand. Sci. (Law), Associate Professor, Department of Criminal Law, Procedure and Criminalistics, HSE University, Moscow, Russian Federation
kijalis@yandex.ru

*Материал поступил в редакцию 5 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 6 июля 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 05.04.2025.
Revised 06.07.2025.
Accepted 15.05.2026.*

М. Д. Горбунов

Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет имени Н.И. Лобачевского
г. Нижний Новгород, Российская Федерация

Исключающий позитивизм в англо-американской правовой мысли: определение направления

Резюме. В статье подвергается осмыслению актуальное направление в современном англо-американском научном дискурсе — исключаящий правовой позитивизм. Установлено, что оно стало результатом естественного развития концептуальных положений, выработанных в англо-американской позитивистской доктрине усилиями правоведов во главе с Гербертом Хартом. К данным положениям относятся тезис о социальном факте, согласно которому право представляет собой формальный общественный институт, складывающийся в общественной практике; тезис о конвенциональности, в соответствии с которым такие факты базируются на социальной конвенции в практике деятельности официальных лиц; тезис о разделении, устанавливающий необходимость концептуального различия между правом и моралью, а также независимости юридической действительности от неправовых аргументов. Последний тезис наиболее сложен для защиты от критики, в авангарде которой встал Рональд Дворкин. Ответ на эту критику привел к формированию исключаящего правового позитивизма, который, заняв оборонительную позицию, поставил задачу формулировки контраргументов. Анализ взглядов ведущих исключаящих позитивистов позволил сформулировать концептуальное понимание указанного направления как теории, рассматривающей право в качестве формального института в системе социальных фактов, дающих индивидам основания для действий, которые можно идентифицировать среди других нормативных регуляторов на основе происхождения от официальной власти, не прибегая к оценочным суждениям. Выдвигаемые данным направлением аргументы и контекст его позиционирования в научном дискурсе представляют значимый познавательный интерес для модернизации отечественной доктрины и формирования прогноза развития дискуссии об интегративных основаниях правопонимания.

Ключевые слова: правопонимание; философия права; правовой позитивизм; англо-американская правовая мысль; аналитическая юриспруденция; аксиология права; социальные факты; нормативная система; право; закон

Для цитирования: Горбунов М. Д. Исключающий позитивизм в англо-американской правовой мысли: определение направления. *Lex russica*. 2026. Т. 79. № 6. С. 137–152. DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.137-152

Exclusionary Positivism in Anglo-American Legal Thought: Defining a Direction

Maxim D. Gorbunov

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
Nizhny Novgorod, Russian Federation

Abstract. The paper examines the current trend in modern Anglo-American scientific discourse— exclusionary legal positivism. It is established that this trend was the result of the natural development of the conceptual provisions developed in the Anglo-American positivist doctrine by the efforts of jurists led by Herbert Hart. These provisions include the thesis of social fact, according to which law is a formal public institution that develops in

public practice; the thesis of conventionality, according to which such facts are based on social convention in the practice of officials; the thesis of separation, which establishes the need for a conceptual distinction between law and morality, as well as independence of legal reality from non-legal arguments. The latter thesis has become the most difficult to defend against criticism, which was spearheaded by Ronald Dworkin. The response to this criticism led to the formation of an exclusionary legal positivism, which, taking a defensive position, set the task of formulating counterarguments. An analysis of the views of the leading exclusionary positivists made it possible to formulate a conceptual understanding of the trend as a theory that understands law as a formal institution in a system of social facts that provide individuals with grounds for actions that can be identified among other regulatory regulators based on their origin from official authority, without resorting to value judgments. The arguments put forward by the direction and the context of its positioning in scientific discourse are of significant cognitive interest for the modernization of Russian doctrine and the formation of a forecast for the development of the discussion on the integrative foundations of legal understanding.

Keywords: legal understanding; philosophy of law; legal positivism; Anglo-American legal thought; analytical jurisprudence; axiology of law; social facts; normative system; law

Cite as: Gorbunov MD. Exclusionary Positivism in Anglo-American Legal Thought: Defining a Direction. *Lex russica*. 2026;79(6):137-152. (In Russ.). DOI: 10.17803/1729-5920.2026.235.6.137-152

Введение

Англо-американская правовая мысль сегодня находится в поле активного внимания отечественной теории, что связано не только с оценкой преимуществ и недостатков конкурирующей парадигмы, но и с расширением методологической базы современной российской догмы права, которая во многом остается позитивистской. В таких условиях значительный интерес также представляет оценка современного состояния англо-американского правового позитивизма как наиболее близкого для отечественного правопонимания направления. Внутренние сдвиги в правовом дискурсе на фоне расширения влияния антипозитивистских теорий и либеральной политико-правовой доктрины как таковой имеют значительный познавательный интерес.

Несмотря на то что сегодня существует значительное число публикаций по аналитической философии и юриспруденции, являющихся общими для всей англо-американской правовой мысли, можно отметить ощутимый пробел в исследовании современного этапа развития позитивистского направления. За исключением небольшого количества трудов, которые обращают внимание на научное творчество отдельных англо-американских позитивистов¹,

сегодня сложно обнаружить концептуальные обзорные работы по тематике актуального позитивистского правопонимания². В этой связи значимым является осмысление ключевых аспектов, характеризующих исключительный правовой позитивизм как ключевое направление современного англо-американского позитивизма, а также определение контекста его развития, его основных положений и взглядов его ведущих представителей. Исследование проблемной области данного направления также способно привнести дополнительные аргументы в пользу усиления и развития отечественной позитивистской догмы и усилить интегративные процессы в отечественном правоведении.

Ключевые тезисы англо-американского позитивизма и их эволюция

Формирование исключительного/эксклюзивного (exclusive) правового позитивизма обусловлено размежеванием внутри относительно единого направления вследствие трансформации актуальных тенденций англо-американского правового дискурса. Фактически исключительный правовой позитивизм стал итогом развития общей линии позитивистской аргументации в

¹ См.: *Оглеznev B. V. G. L. A. Харт и формирование аналитической философии права*. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012 ; *Пищулин А. В. Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье* // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2010. № 4. С. 98–107.

² См.: *Дидикин А. Б. О природе обязанности соблюдения закона: аргументы эксклюзивного правового позитивизма Джозефа Раза* // Право и государство. 2022. № 4. С. 19–35 ; *Антонов М. В. Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой* // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 1. С. 226–237.

правопонимании на фоне формирования более включающих/инклюзивных (inclusive) теорий. Для того чтобы сформулировать ключевые характеристики рассматриваемого направления, необходимо определить общие концептуальные основы англо-американского правового позитивизма как такового и те изменения, произошедшие в правовом дискурсе, которые повлияли на содержание соответствующих положений и обусловили «кристаллизацию» теории исключающего правового позитивизма как оппозиции новым подходам.

Современный англо-американский позитивизм так или иначе в своем ядре формулируется через три тезиса³:

- тезис о социальном факте;
- тезис о конвенциональности;
- тезис о разделении.

Ключевым для понимания формирования условий специфики англо-американского позитивистского дискурса является определение его эпистемологических оснований. В целом они могут быть представлены через фундаментальный недекларируемый тезис об аналитическом базисе. Следует охарактеризовать его более подробно. Несмотря на то что в актуальной англо-американской научной литературе он прямо не называется, фактически данный тезис является основой всего позитивистского дискурса в англосаксонском пространстве, поскольку его развитие происходило в рамках аналитической парадигмы под влиянием методологии, которая исходит из концептуального анализа⁴.

Впервые аналитический подход к изучению правовых явлений был сформулирован в работах известнейшего британского правоведа, с чьим именем связывается зарождение всего направления правового позитивизма, — Джона Остина. Его теория стала результатом долгого процесса формирования философских методо-

логических предпосылок в рамках традиции британского эмпиризма и реакции на школу естественного права и оказала ключевое влияние на англо-американский позитивизм в дальнейшем⁵.

В методологии Остина право впервые стало самостоятельным полноценным предметом изучения, в отличие от более ранних философских исследований. Оно было рассмотрено аналитически, т.е. как феномен, обладающий определенным набором фактических проявлений и концептуальным ядром. Практикоориентированность выбранного Остином метода выгодно отличалась от иных альтернатив юридической теории того времени — концепции «народного духа» исторической школы и «естественного закона» юснатурализма⁶. Право, по Остину, это проявление сущего, а не должного. Отсюда вытекает и установка названного правоведа на самостоятельное изучение права как оно есть, в отрыве от метафизических концепций и ценностных установок, поскольку они затрудняют понимание и описание позитивных (т.е. реально существующих) государственно-правовых процессов⁷. В результате такое ценностно-нейтральное описание права стало общим лейтмотивом всего англо-американского правового позитивизма.

Тем не менее аналитический метод Остина имел и значительные недостатки, которые в том числе обусловили эволюцию гносеологии и онтологии англо-американского правового позитивизма в дальнейшем. В литературе эти недостатки определены как монизм и редукционизм⁸. Теория монистична, поскольку является крайне эксклюзивной, т.е. исключающей все факторы при оценке права, кроме формально-юридических, которые также сужаются до единого источника правовых установлений — суверена. Редукционизм теории выражается в

³ Coleman J., Leiter B. Legal Positivism // A Companion to the Philosophy of Law and Legal Theory / ed. by D. Patterson. Oxford : Blackwell, 1996. P. 226–248.

⁴ Tamanaha B. Z. The Contemporary Relevance of Legal Positivism // Australian Journal of Legal Philosophy. 2007. Vol. 32. P. 38. URL: <https://classic.austlii.edu.au/au/journals/AUJLegPhil/2007/10.pdf> (дата обращения: 07.04.2025).

⁵ Sebok A. J. Legal Positivism in American Jurisprudence. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. P. 65–69.

⁶ Cotterrell R. The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy. London : LexisNexis, 2003. P. 21–77.

⁷ Austin J. Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 2 vols. / ed. by R. Campbell. Bristol : Thoemmes Press, 2002. P. 1107–1108.

⁸ Postema G. Legal Positivism: Early Foundations / ed. by A. Marmor // The Routledge Companion to Philosophy of Law. New York : Routledge, 2012. P. 40–41.

том, что правовед не учитывает разнообразие практических проявлений права и упрощает его до простой формальной императивной команды, исходящей от официальной власти.

Если онтологические тезисы Остина стали критиковаться практически сразу, то методологический потенциал его концепции был исчерпан окончательно к середине XX в. и совпал с кризисом формальной логики в социальной философии⁹.

Аналитический метод Остина и выбранный им подход к изучению правовых понятий не учитывает особый контекст и специфику юридического языка, существующего в системе социальных фактов, на что было обращено внимание в новых лингво-философских исследованиях в рамках формирующейся аналитической доктрины. В первой половине XX в. появилась целая плеяда философов, сформировавших новую методологию исследования правовых явлений, к которым относится и право. Примечательно также, что во многом их интерес был прикован именно к юридическим понятиям и языку. В правовую плоскость наработки аналитической философии были имплементированы выдающимся правоведом XX в. Гербертом Хартом, с чьим именем связывается разработка методологических оснований современной аналитической юриспруденции и концептуальных тезисов современного-англо-американского правового позитивизма¹⁰. Применение новых философских установок к праву позволило Харту значительно модернизировать метод Остина и рассмотреть право в системе социальных фактов как концептуальное явление — набор центральных и пограничных случаев в широком контексте нормативной системы общества¹¹.

Харт сформировал собственную аналитическую программу правовых исследований и определил проблемную область современного англо-американского правового позитивизма, что задало рамки актуального научного дискурса. Не случайно в научной литературе

исключающий позитивизм и конкурирующий с ним включающий характеризуются как следствия хартовского наследия в юриспруденции¹². К ключевым вопросам программы Харта относятся:

— определение сущности правил и их нормативной силы в условиях многообразия законов;

— решение проблемы фиксации предписаний в ситуациях правовой неопределенности;

— соотнесение права и морали и определение юридических последствий их связи¹³.

Ответы на эти вопросы привели к общим формулировкам указанных выше трех тезисов англо-американского позитивизма. Далее следует перейти непосредственно к их рассмотрению в контексте поэтапной трансформации содержания данных тезисов от классического до хартовского и современного.

Тезис о социальном факте (social fact thesis). Англо-американский правовой позитивизм рассматривает право в качестве общественного института в системе социальных фактов как сложившейся нормативной практики. Ключевым в этом представлении является то, что подобные факты противопоставляются метафизическим категориям, таким как «мораль». Как отмечается в литературе, «в своей традиционной форме юридический позитивизм утверждает, что человеческое право, по сути, представляет собой социальный институт, существование и содержание которого является вопросом не закона Божьего, а человеческой воли и власти»¹⁴. В этом проявляется концептуальная методологическая задача позитивизма по формированию описательной, морально нейтральной правовой системы.

Харт для преодоления недостатков классической теории Остина ввел систему первичных и вторичных правил, в которой первичные правила непосредственно регулируют общественные отношения, а вторичные обеспечивают существование правовой системы, определяя

⁹ Оглезнев В. В. Указ. соч.

¹⁰ Tamanaha B. Z. Op. cit. P. 3–4.

¹¹ Hart H. L. A., Cohen J. Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1955. Vol. 29 : Problems in Psychotherapy and Jurisprudence. P. 213–264.

¹² Tamanaha B. Z. Op. cit. P. 4.

¹³ Харт Г. Л. А. Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. С. 14–22.

¹⁴ Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive // Routledge Encyclopedia of Philosophy (2001). URL: <http://www.rep.routledge.com.libaccess.lib.mcmaster.ca/article/T064> (дата обращения: 07.04.2025).

юридическую действительность, порядок принятия, изменения и отмены¹⁵. Данная система основана на родословной принадлежности, в основе которой лежит окончательное правило признания, являющееся базовой нормой особого свойства, которое не декларируется, а существует в правовой системе в результате сложившейся социальной практики¹⁶. Такое правило имеет конвенциональную природу и отвечает характеристикам социального факта.

Тезис о конвенциональности (conventionality thesis). В основании правила признания лежит социальная конвенция, выражающаяся в том, что индивиды соглашаются соблюдать нормы правовой системы, которую данное правило конструирует как обязательную. Важным аспектом здесь является обеспечение согласованного и постоянного воспроизведения практики правовой системы официальными лицами на основании иерархии действующих правил.

В хартовской теории социальная конвенция обуславливается природой обязательственных отношений, которые лежат в основе права. Правила имеют внешний и внутренний аспект действия, которыми опосредуются внутренняя и внешняя точки зрения соответственно. Внешняя точка зрения формируется у индивидов как участников сложившейся наблюдаемой ими нормативной практики подчинения определенному порядку, а внутренняя — у субъектов, принимающих правовую систему как обязательную для себя по собственному волевому убеждению исходя из рациональных мотивов. Для того чтобы правовая система существовала, граждане должны минимально принимать ее с внешней точки зрения, а официальные лица — с внутренней и направленно поддерживать ее¹⁷.

Другим значимым трансформационным изменением является тенденция к объяснению принятия правовой системы через обеспечение эффективности нормативного регулирования. Принятие системы также связывается с ее конкурентным преимуществом по отношению к другим потенциальным нормативам, к которым могут обратиться индивиды для координации своего поведения¹⁸. Проблема такого объяснения в том, что логичным следствием названного

подхода является требование принятия права с внутренней точки зрения не только официальными лицами, но и гражданами, что поднимает вопрос об условиях данного принятия, которое может базироваться на неправовых аргументах. С этим связан третий тезис англо-американского правового позитивизма.

Тезис о разделении (separability thesis). С позиции англо-американского правового позитивизма с момента его формирования принципиальной методологической предпосылкой было разделение правового и неправового в нормативном регулировании как затемняющего понимание и применение права. Исходя из данной предпосылки, на онтологическом уровне право отделяется от морали. Это означает, что вопрос моральной ценности права и его соответствия каким-либо предъявляемым требованиям, не связанным с социальными фактами, не влияет на его действительность¹⁹. Право определяется только ссылкой на формальные источники и не зависит от морали.

Характеризуемые выше кардинальные методологические изменения в англо-американском правовом позитивизме на фоне развития аналитической философии значительно повлияли на содержание тезиса о разделении, что нашло свое отражение в хартовской теории. Плюралистичность и отказ от догматичности позволили Харту сконцентрироваться на поиске диалога между позитивизмом и антипозитивизмом в попытке придать аксиологическому вопросу более рациональный характер. Начиная с Харта, можно отметить следующие ключевые аспекты понимания тезиса о разделении:

— позиционирование правовых исследований как описательных для целей более широкой познавательной деятельности, поскольку отрицание правового характера нормативных систем вследствие их несправедливости, особенно в ретроспективном плане, лишает правоведение значительной эмпирической базы, учет которой мог бы способствовать разработке такой модели права, которая не допускала бы прежних злоупотреблений. Практика права в истории человечества часто обременена крайней несправедливостью, но это не может отри-

¹⁵ Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 97–102.

¹⁶ Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 110–115.

¹⁷ Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 120–121.

¹⁸ Raz J. The Morality of Freedom. New York : Oxford University Press, 1986. P. 47–53.

¹⁹ Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive.

цать того факта, что подобные системы воспринимались и действовали как правовые²⁰;

— принятие во внимание обратной связи права и морали, при которой включение моральных критериев в право может способствовать большей несправедливости вследствие субъективного характера и понимания нравственных категорий, что открывает дорогу для злоупотреблений. Моральное оправдание права может также мешать объективной оценке его эффективности, однозначности и последовательности правового регулирования. Зависимость права от морали делает его нечетким, поскольку появляется необходимость установления моральных требований, имеющих оценочный характер²¹;

— признание рациональной связи права и морали на уровне их функциональной роли в нормативной системе. Сам Харт называет это «минимальным содержанием естественного права»²². В соответствии с данным аргументом в любой правовой системе присутствуют нормы, направленные на обеспечение выживания человека, которые находят свое выражение и в морали. Кроме того, формальной правовой нормы может быть не всегда достаточно для понимания и решения конкретного вопроса, требующего ее применения. Моральные аргументы могут иметь важное вспомогательное значение (в первую очередь в судебной деятельности). Кроме того, в практике современных правовых систем часто обнаруживаются примеры требований соответствия универсальным принципам естественного права (прежде всего в конституционном законодательстве)²³.

Таким образом, в современной интерпретации тезиса о разделении принципиальными являются формальное разграничение права и морали и независимость критерия юридической действительности правовых норм от моральных аргументов с признанием их определенной рациональной связи и допустимости стремления права к моральным целям. Соотношение данного тезиса с другими позволяет заметить изъяны и внутреннее несоответствие в позитивистском подходе. Дело в том, что те-

зис о разделении отрицает юридическую значимость правовой аргументации в практике. Вместе с тем правовой позитивизм признает необходимость конвенционального принятия правовой системы для обеспечения ее нормативной силы. Однако восприятие и оценка правовых норм со стороны официальных лиц и индивидов подразумевают аргументативный характер и не могут быть полностью изолированы от соображений неюридического плана. Кроме того, понимание правовой нормы и ее применения может зависеть от определения фундаментальных, не выраженных в праве общественных закономерностей, целей и ценностей нормативного регулирования. Особенно ярко это проявляется в судебной деятельности в ситуациях, которые Харт называет сложными случаями, когда спор касается самого правила признания²⁴. С позиции правового позитивизма аргументы, к которым должен прибегать суд, будут иметь неправовой характер, порождая вместе с тем правовые последствия. Это слабо согласуется не только с тезисом о конвенциональности, но и с тезисом о социальном факте.

Критический дискурс между позитивистами и антипозитивистами

Хартовского понимания права, воспринятого его учениками, оказалось недостаточно для согласования внутренних положений теории. В итоге именно тезис о разделении оказался наиболее слабым с позиции обновленной аналитической методологии и испытал значительную критику со стороны антипозитивистов. В авангарде этой критики встал Рональд Дворкин, начавший полемику непосредственно с Хартом и продолживший ее с учениками последнего после его кончины²⁵.

Дворкин является одним из наиболее влиятельных антипозитивистов в англо-американской правовой мысли. Он построил концепцию «конструктивной интерпретации» (*constructive interpretation*), в рамках которой подверг сомнению как тезис о социальном факте, так и

²⁰ *Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 4. P. 683–704.*

²¹ *Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 185.*

²² *Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 183–201.*

²³ *Hart H. L. A. Legal Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. No. 4. P. 606–615.*

²⁴ *Харт Г. Л. А. Указ. соч. С. 155–157.*

²⁵ *Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive.*

тезис о разделении. В соответствии с его концепцией в основе существования правовой системы лежат не правила, а принципы, которые включают в себя глубокий моральный компонент²⁶. Природа правовых принципов отличается как меньшей категоричностью по сравнению с правилами, требующими строгого соответствия предписанию²⁷, так и тем, что они не имеют родословной, связанной с социальными фактами, поскольку возникают из «чувства уместности [справедливого правосудия], которое со временем развилось в профессии и среди общественности»²⁸. Дворкин отвергает претензию позитивистов на требование соответствия права социальным фактам и конкретно правилу признания, которое не может включать в себя правовые принципы²⁹. Включение принципов в правило признания функционально бессмысленно, поскольку принципы «бесчисленны, и они смещаются и изменяются так быстро, что начало нашего списка устареет прежде, чем мы достигнем его середины»³⁰. В теории Дворкина динамичность принципов противопоставляется статичности правил.

Данные установки приводят Дворкина к пониманию права как «целостности» — наилучшей моральной и политической интерпретации юридической практики в целом, которая вытекает из прошлых, настоящих и будущих политических и правовых решений. Исходя из такого понимания, правовой позитивизм, отрицающий юридически значимую связь права и морали, не может отразить реальную сущность права и зависимость его существования от моральных причин. Право, в понимании Дворкина, зависит от моральных аргументов, поскольку:

— его реализация требует морально-политической интерпретации для определения содержания правил;

— юриспруденция отождествляется с практикой судебных разбирательств по поиску морально оправданных решений³¹.

Именно в судебном процессе происходит поиск юридически правильного решения, соответствующего принятым в обществе правовым принципам. Задача суда заключается в выявлении того, чего закон на самом деле требует. Дворкин определяет это как поиск единственного правильного правового решения, которое суд находит в сложившейся политико-правовой практике существования принципов. Посредством вынесения судебного решения судья создает право, лучше соответствующее таким принципам, оправдывая определенный подход к интерпретации на основе моральных аргументов. Деятельность суда тем самым связывается с совершенствованием права³².

Таким образом, теория Дворкина утверждает, что право как сложившаяся социальная практика зависит от интерпретации, которая всегда ценностно нагружена, а потому и само право не может быть свободно от морали³³. Теоретическая и практическая юриспруденция имеет оценивающий, а не описательный характер, что принципиально противостоит позиции правового позитивизма и что позитивизм не в состоянии признать и описать.

Во многом позиционирование собственной теории Дворкин производил за счет прямой критики Харта, на которую британский правовед не мог не ответить. Контраргументы Харта, выраженные в его последней научной работе «Постскрипtum» (Postscript), свелись к признанию того, что моральные доводы могут быть частью рассуждений судьи при вынесении решений, но аргументы, к которым он прибегает, тем не менее имеют правовой характер. Отдельные правовые системы могут признавать некоторые моральные требования к праву, особенно в конституционно-правовых спорах, но делают это опосредованно, через опору на социальные факты³⁴. Ответ Дворкина был довольно резок: «Осознаваемые ими [судьями] институциональные ограничения имеют

²⁶ Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 1986. P. 52–63.

²⁷ Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press, 1978. P. 22–28.

²⁸ Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. P. 40.

²⁹ Giudice M. *Charting the Way for Modern Legal Positivism Through the Charter*: Thesis. McMaster University, 2002. P. 8.

³⁰ Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. P. 40.

³¹ Giudice M. *Op. cit.* P. 29.

³² Dworkin R. *Law's Empire*. P. 52–53.

³³ Dworkin R. *Law's Empire*. P. 64.

³⁴ Касаткин С. Н. Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л. А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 1. С. 3–27.

всепроницающий характер, охватывая и само решение. Игнорирование таких ограничений и непризнание реальной роли правовых принципов принципиально препятствует правовому позитивизму адекватно описывать роль суда в праве»³⁵.

Фактически у Харта не оставалось возможности и интеллектуальных сил продолжать научную полемику и в итоге под напором внутренних противоречий своей теории и аргументов Дворкина он сдался, оставив задачу концептуального ответа на возражения своим преемникам. При этом базовая установка Харта на построение диалога между позитивизмом и антипозитивизмом была поддержана рядом авторов. Это привело к значительному напряжению внутри позитивистского лагеря и формированию различных реакций на возникшую критику³⁶. Как отмечается в литературе, «бросая вызов сведению права к первичным и вторичным правилам, а также тезису о социальном факте и тезису о разделении... критика Дворкина немедленно поставила юридических позитивистов в оборонительную позицию»³⁷. В рамках данной доктрины стали формироваться точки зрения, что позиция Харта ошибочна, а его аргументы неполны. Так, один из учеников британского правоведа Нейл МакКормик отметил: «Чтобы понять закон и правовой порядок, вы должны понимать его с точки зрения пользователя, а не производителя. Я думаю, что по ряду важных пунктов его [Харта] теория окажется ошибочной или недостаточной»³⁸.

Закономерным итогом этого процесса в научном дискурсе стал раскол внутри самого англо-американского позитивизма на фоне неразрешенных вопросов и критики со стороны антипозитивистов. Одни позитивисты приняли рассуждения Харта в «Постскриптуме» о том, что в некоторых системах права конечные критерии юридической действительности явно включают моральные ценности, за отправную точку для позитивистского обоснования связи права и морали и впоследствии обособились в рамках направления включающего правового

позитивизма³⁹. В позитивистском дискурсе во многом аргументы инклюзивных позитивистов были восприняты как отход от концептуальных оснований рассматриваемой теории. В итоге некоторые авторы заняли охранительную позицию. В первых рядах сформировавшегося направления встал Джозеф Раз. Он и его последователи вознамерились защитить свою концепцию исключаящего позитивизма как от критики Дворкина, так и от утверждения их коллег о том, что тезис о разделении не дает должного описания правовой системы⁴⁰.

Исключающие позитивисты

В теории Джозефа Раза как центральной фигуры исключаящего правового позитивизма был сформулирован ряд концептуальных положений, представляющих три ключевых тезиса англо-американского правового позитивизма в более сильной форме. Существование права Раз связывает с возможностью фиксации в нем четких, однозначных предписаний, к которым может обратиться индивид. Свою линию рассуждений он финализирует в рамках «тезиса об источниках» (*sources thesis*), который сводится к утверждению, что «то, что является правом, а что нет, является вопросом социального факта, т.е. зависит от социальной конвенции: закон полностью зависит от конвенциональных источников в своей действительности, и, следовательно, все основано на источниках»⁴¹. Данный аргумент стал не только новым прочтением тезиса о социальном факте, но и концептуальной основой для ответа на критику Дворкина. Вокруг него так или иначе концентрируются все современные исключаящие позитивисты в англо-американской правовой мысли.

Вместе с тем Раз вслед за Хартом признает, что правовые нормы не могут быть однозначно сформулированы лишь средствами законодательства, поскольку ситуации, требующие применения права, гораздо разнообразнее, чем формализованные нормы. Вспомогательным

³⁵ *Dworkin R. Taking Rights Seriously. P. 86–87.*

³⁶ *Tamanaha B. Z. Op. cit. P. 36–37.*

³⁷ *Tamanaha B. Z. Op. cit. P. 34–35.*

³⁸ *MacCormick N. MacCormick on MacCormick // Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law: The Post-Sovereign Constellation / ed. by A. J. Menendez, J. E. Fossum. Oslo : Arena, 2008. P. 18–19.*

³⁹ *Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive.*

⁴⁰ *Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive.*

⁴¹ *Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. New York : Oxford University Press. 1979. P. 37.*

средством идентификации норм должен выступать суд. При этом Раз ограничивает роль суда установлением вторичных социальных фактов, конкретизирующих волю законодателя в отношении конкретных ситуаций⁴². В случае отсутствия конкретной правовой нормы суд должен руководствоваться общими требованиями закона, который также формулирует общую направленность государственной власти. Раз не соглашается с Дворкиным и отказывает суду в возможности построения общей теории аргументации, в основе которой лежали бы правовые принципы, поскольку это влечет включение моральных аргументов в право.

Раз указывает, что правовые нормы должны быть достаточно четкими и формализованными для определения правил, исходящих от официальной власти и зафиксированных в нормах. Соответственно, правовые нормы не могут содержать отсылку к морали и предполагать оценивающий характер права, поскольку в противном случае оно не могло бы сохранять свой статус нормативных предписаний, обладающих юридической силой⁴³. Исходя из этого, Раз подтверждает, что действительность права не может зависеть от его нравственных характеристик, а индивиды не имеют какой-либо специфической моральной обязанности подчиняться правовым предписаниям, поскольку нормативность права имеет формальный характер⁴⁴. Вместе с тем он также соглашается с общей тенденцией, заданной Хартом, о взаимосвязи права и морали в широком контексте нормативной системы. Раз признает, что нравственный закон, основанный на идее всеобщего блага и справедливости, может быть дополнительным аргументом, усиливающим нормативность права и легитимирующим власть, от которой оно исходит, однако это не является вопросом действительности правовой системы⁴⁵.

Аргументы Раза подержала целая плеяда новых правоведов. Сформированная ими дискуссия, по сути, определила развитие направления исключающего позитивизма в современной англо-американской правовой мысли. Такие исключающие позитивисты, как Скотт Шапиро, Андрей Мармор, Джон Гарднер и Брайан Лейтер, внесли важные дополнения, усиливающие позиции данного направления, поэтому представляется необходимым остановиться на их взглядах более подробно.

Скотт Шапиро продолжает линию Раза и значительно развивает положения его теории. С точки зрения Шапиро, право — «нечто, что должно быть постулировано посредством некоторого социального действия или деятельности либо посредством принятия закона»⁴⁶. Он рассматривает право как систему плановых норм (*planlike norms*), предоставляющих индивидам определенный сценарий (план) поведения и поддерживаемых властью официальных лиц⁴⁷, которые обеспечивают фиксацию и реализацию таких норм. Нормативная сила правил зависит от их способности формировать сценарии поведения и связывается с обеспечением свойств идентифицируемости, поэтому право не может смешиваться с моралью, поскольку мораль ограничивает формальную нормативность права⁴⁸.

Шапиро уточняет свою позицию с помощью «тезиса о практическом различии» (*practical difference thesis*). Согласно названному правоведе, основной задачей права является создание практических различий между простыми социальными правилами и институционализированными нормами путем предоставления гражданам и судьям эпистемологического и мотивационного руководства⁴⁹. Эпистемологическое руководство заключается в том, что право «информирует людей о том, какие действия были обозначены как обязательные

⁴² *Raz J. The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System. Oxford : Clarendon Press, 1980. P. 212–224.*

⁴³ *Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. P. 211.*

⁴⁴ *Raz J. Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics. New York : Oxford University Press, 2001. P. 325–348.*

⁴⁵ *Raz J. The Authority of Law: Essays on Law and Morality. P. 211–250.*

⁴⁶ *Shapiro S. Law, Morality, and the Guidance of Conduct // Legal Theory. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 127.*

⁴⁷ *Shapiro S. Legality. Cambridge, Mass.: The Belknap Press, 2011.*

⁴⁸ *Shapiro S. The Difference that Rules Make // Analyzing law: New Essays in Legal Theory / ed. by B. Bix. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1998. P. 47–54.*

⁴⁹ *Shapiro S. On Hart's Way Out // Legal Theory. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 496.*

в силу того, что они несут на себе печать авторитета»⁵⁰, а мотивационное — в создании оснований «руководства правовой нормой, когда соответствие ей мотивировано тем фактом, что она регулирует рассматриваемое поведение»⁵¹.

Мораль не способна предоставить такое руководство, поскольку она статична и не имеет своего аналога общего порядка процессуального изменения, какой есть у права. Соответственно, моральные правила «фиксированы с самого начала... это означает, что они не могут создавать практических различий в качестве юридических правил»⁵². Тот же самый вывод касается и любой правовой нормы, которая включает в себя моральные требования. Особенно ярко это проявляется в отношении принципов, к которым отсылает Дворкин. Эпистемологически подобное правило не оказывает руководство, поскольку оно связывается не с авторитетом власти, а с внутренним принятием такой нормы индивидом как морально оправданной. Мотивационно оно тоже не создает воздействия, так как не возникает необходимости отсылки к данному правилу, поскольку предписание фактически выражено в моральной норме, которая действует независимо от ее дублирования в праве. Официальному лицу, в частности судье, достаточно обратиться непосредственно к моральному требованию для принятия верного решения⁵³.

На основе выбранной линии рассуждения Шапиро делает важный вывод для позитивистского описания о возможном включении моральных норм в правовую систему. Он формулирует аргумент исключаящего позитивизма, объясняющий выявленную Хартом ситуацию внедрения моральных принципов в американское правило признания, которая стала камнем преткновения в его полемике с Дворкиным. Моральные принципы не имеют родословной и не связаны с социальными фактами. Правовая система действительно может интегрировать в

себя моральные требования, но в этом случае они изменяют свою природу. Фиксация моральных требований правил приводит к тому, что они приобретают соответствующую родословную и статус закона, выстраиваясь в правовую систему⁵⁴.

Андрей Мармор значительно модернизирует тезис о конвенциональности в его сильной форме, приводя аргументы в пользу формальной нормативности достигнутых в обществе конвенций и усиливая тем самым традиционный для позитивизма подход. Общим лейтмотивом научного творчества Мармора как исключаящего позитивиста является тезис, что «всякое право основано на источнике, и все, что не основано на источнике, не является правом»⁵⁵. Формирование источников права правоведа связывает с учредительными/конститутивными (*constitutive*) конвенциями.

Мармор высказывается против интерпретации хартовского правила признания как конвенциональной нормы, принятой официальными лицами для согласованного взаимодействия в форме координирующей конвенции. Вместо этого он утверждает, что оно представляет собой учредительную конвенцию, поскольку создает условия для формирования иных правил в системе. Правило признания, таким образом, учреждает саму правовую систему. Обосновывает свою позицию Мармор тем, что учредительные конвенции имеют основную задачу по установлению социальных практик⁵⁶. Такие конвенции формируют институциональные основания практики и определяют статус ее агентов, их формальные полномочия для установления координирующих правил⁵⁷. Учредительные конвенции имеют первичный характер по отношению ко всем соглашениям и правилам внутри практик, которые являются производными⁵⁸. В частности, для того чтобы официальные лица приобрели возможность устанавливать конвенциональное согласие относительно пра-

⁵⁰ *Shapiro S.* On Hart's Way Out. P. 491.

⁵¹ *Shapiro S.* On Hart's Way Out. P. 490.

⁵² *Shapiro S.* On Hart's Way Out. P. 498.

⁵³ *Waluchow W. J.* Authority and the Practical Difference Thesis: A Defense of Inclusive Legal Positivism // *Legal Theory*. 2000. Vol. 6. P. 73.

⁵⁴ *Waluchow W. J.* Authority and the Practical Difference Thesis... P. 80–81.

⁵⁵ *Marmor A.* Exclusive Legal Positivism // *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law* / ed. by J. Coleman, S. Shapiro. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 104.

⁵⁶ *Marmor A.* Social Conventions. From Language to Law. Princeton : Princeton University Press, 2009. P. 22.

⁵⁷ *Marmor A.* Social Conventions. From Language to Law. P. 22.

⁵⁸ *Marmor A.* Social Conventions. From Language to Law. P. 61.

вил системы, необходимо определение самого статуса официальных лиц. Мармор приходит к выводу, что существование законодателя «полностью зависит от конвенций, которые определяют его социальные роли»⁵⁹ и правовой статус для формирования правовой системы.

Названный правовед поддерживает тезис о разделении в его полном виде и соглашается с Хартом, что правовая теория должна быть описательной и морально нейтральной. Это подразумевает, что не только правовые нормы не должны включать моральные требования, но и правовая аргументация должна быть строго морально нейтральна. С позиции Мармора, моральная нейтральность теории означает, что юриспруденция «не должна занимать позицию по какому-либо конкретному моральному или политическому вопросу и стремиться давать какие-либо моральные или политические оценки права»⁶⁰, которые могут повлиять на его легитимацию. Он указывает, что право — это инструмент социального контроля, который может использоваться во зло или во благо. Право — это явление утилитарное, а потому не должно подвергаться моральной оценке, поскольку она дается в отношении результата такого воздействия и имеет неправовой характер. Вместе с тем Мармор соглашается, что право может иметь инструментальную ценность⁶¹. Оно не может применяться эффективно как инструмент без понимания, для чего существует социальная практика, и какие моральные и политические функции имеет право в обществе⁶².

Особенно явно вторжение морали в право, по мнению Мармора, наблюдается в сфере судебной деятельности в сложных случаях. Он подчеркивает общую для современного англо-американского позитивизма позицию, что «закон часто исчерпывается, и у судей, по сути, нет другого выбора, кроме как полагаться на свои лучшие (иногда моральные) суждения для того, чтобы разрешить рассматриваемое дело, или для того, чтобы определить, как изменить закон и модифицировать его»⁶³. Мармор присоеди-

няется к тезису, что конституционное законодательство может включать в себя определенные моральные и политические требования. Однако рассматривать их нужно в контексте «направленности государственной власти», того, что в теории Раза имело вид утверждения о формировании судом вторичных социальных фактов на основании выраженного в законе властного веления, которое может содержать отсылку к морали как условию изменения правовой нормы. При этом такая деятельность может быть проанализирована в контексте юридической, а не моральной обязанности⁶⁴.

Мармор уверенно утверждает, что правовой позитивизм всегда претендует на морально нейтральное объяснение природы права. Согласно его позиции, «никакая теория, которая начинается с предположения, что право является морально законным или оправданным институтом, не может быть связана с юридическим позитивизмом любого рода»⁶⁵. Теории, которые говорят о зависимости действительности права от моральных аргументов, являются теориями о морально-политическом оправдании хорошего закона, а не о сущности права. Правовой позитивизм — это подход к пониманию права, а не суждение о нем.

В теории Джона Гарднера наиболее заметна двойственность, распространенная среди исключающих позитивистов, которая связана с их принципиальным неприятием юридически значимой зависимости права от моральных аргументов и одновременным признанием важности их взаимодействия на практическом уровне. Гарднер утверждает, что юридический позитивизм «нормативно инертен» и не выносит ценностно наполненных суждений о праве⁶⁶. Вместе с тем он поддерживает специфическую интерпретацию тезиса о разделении, указывая, что утверждение о том, что «нет необходимой связи между правом и моралью, абсурдно, и ни один известный философ-юрист никогда не одобрял ее как таковую»⁶⁷. Кажется, что такое суждение не позволяет однозначно

⁵⁹ Marmor A. Deep Conventions // *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007. Vol. 74. No. 3. P. 608.

⁶⁰ Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. P. 683.

⁶¹ Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. P. 687.

⁶² Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. P. 688.

⁶³ Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. P. 689.

⁶⁴ Marmor A. *Positive Law and Objective Values*. Oxford : Clarendon Press, 2001. P. 67–69.

⁶⁵ Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. P. 695.

⁶⁶ Gardner J. *Law as a Leap of Faith: Essays on Law in General*. Oxford : Oxford University Press, 2012. P. 24.

⁶⁷ Gardner J. Legal Positivism: 5½ Myths // *The American Journal of Jurisprudence*. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 222–223.

отнести Гарднера к исключаящим позитивистам, однако при более подробном рассмотрении оказывается, что он не уходит дальше хартовского признания «минимального содержания естественного права» в своих рассуждениях.

Гарднер соглашается с тем, что право преследует социально полезные цели и является функционально значимым общественным институтом. Право как социально ценный институт не может не иметь морального измерения, поскольку его фактическая практика порождает нравственно значимые результаты⁶⁸. Право соединяется с моралью в широкой нормативной системе общества, однако общая направленность институтов не исключает требования соответствия права формальным свойствам и опоры на социальные факты⁶⁹. В итоге Гарднер выносит вопросы целеполагания права за пределы позитивистской теории, рассматривая их, подобно Джозефу Разу, в контексте политической теории и моральной философии.

Брайан Лейтер является одним из наиболее активных защитников правового позитивизма в англо-американской академической среде. Он говорит о позитивизме как об идее, которая «выступила победителем, как никакая другая исследовательская программа в философии после Второй мировой войны»⁷⁰. В его понимании, юридический позитивизм — это «неприкрытая правда о реальности, которая обеспечивает интеллектуальную ясность относительно социальной действительности, необходимую для политического действия»⁷¹. Поэтому позитивизм должен быть свободен от морали и описывать право не таким, каким оно должно быть, а таким, какое оно есть.

Лейтер, исходя из указанных установок, понимает право как часть социальной реальности в виде системы норм, базирующейся на авторитетной власти. Предпосылки нормативности права обеспечиваются таким основанием. Соответственно, если данные предпосылки основаны на некоем моральном требовании, это будет вынуждать индивидов обращаться к нему, а не к властному авторитету, что под-

рывает нормативность права⁷². Здесь видится общее стремление исключаящих позитивистов к описанию права в качестве относительно автономной нормативной системы, обладающей формальной инструментальной нормативностью как объективно выраженное средство социального контроля и координации.

Заключение

На основании анализа научного дискурса, сложившегося вокруг исключаящего правового позитивизма, представляется возможным сформулировать его понятие и основные положения.

Исключаящий (эксклюзивный) правовой позитивизм — это направление аналитической юриспруденции, понимающее право как формальный социальный институт, который сложился в системе социальных фактов в виде конвенционально принятых норм, предоставляющих схемы поведения субъектам, чья нормативность обеспечивается происхождением от официальной власти и возможностью идентификации без обращения к моральным и иным оценочным аргументам. Такое определение можно сформулировать с определенной долей условности, поскольку рассматриваемое направление находится в процессе формирования в поле активной научной рефлексии. В частности, при всеобщем принятии тезиса о разделении в контексте независимости юридической действительности права от морали рядом автором признается их концептуальная связь. Тем не менее возможно выделить следующие ключевые характеристики данного направления, разделяемые всеми исключаящими позитивистами при интерпретации его ключевых положений:

— тезис о социальном факте. Исключаящие позитивисты значительно уточняют требование связи права с социальными фактами, вводя понятие «тезиса об источниках», согласно которому правило признания состоит из социальных фактов в строгом виде. Все производные нормы должны базироваться на родовой принадлеж-

⁶⁸ Gardner J. Legal Positivism: 5½ Myths.

⁶⁹ Gardner J. How Law Claims, What Law Claims // Institutionalized Reason: The Jurisprudence of Alexy Robert / ed. by M. Klatt. New York : Oxford University Press, 2012. P. 29–44.

⁷⁰ Leiter B. Naturalizing Jurisprudence: Essays in American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2007. P. 2.

⁷¹ Leiter B. The Radicalism of Legal Positivism // National Lawyers' Guild Review. 2009. Vol. 66. P. 165.

⁷² Leiter B. Realism, Hard Positivism, and Conceptual Analysis // Legal Theory. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 541.

ности формальных источников, отсылающих к конвенциональному правилу признания. Включение каких-либо оценочных категорий, таких как «мораль», в ядро правовой системы или в перечень условий юридической действительности противоречит «тезису о практическом разделении», согласно которому правовые нормы должны допускать однозначную идентификацию, для того чтобы применяться как основания для действий и осуществлять формальное руководство поведением индивидов;

— тезис о конвенциональности. Рассматриваемое направление описывает правило признания как базовую норму в рамках «учредительной конвенции». При этом понимании право является автономной системой, в которой сложившиеся конвенциональные правила взаимодействия, принятые официальными лицами для координации интересов, базируются на конститутивных нормах, которые формируют и легализуют такую практику. В правовой системе должны существовать учредительные правила, определяющие само право как институт, критерии юридической действительности, порядок законотворчества и статус официальных лиц как способных создавать производные конвенциональные нормы. Учредительные конвенции не исключают существование социальных практик, предшествующих праву, но именно с ними связана легализация таких практик;

— тезис о разделении. Понимание права как основанного на учредительных конвенциональных источниках исключает зависимость от каких-либо неформальных оценок и связь юридической действительности норм с вопросами их морального достоинства. Поэтому исключаящий правовой позитивизм придерживается жесткого тезиса о разделении, определяя правовую теорию как ценностно инертную и морально нейтральную. Право и мораль должны быть концептуально разведены, а практика правовых систем должна стремиться к формальной четкости.

При этом такое позиционирование позитивистской теории во взглядах исключаящих позитивистов обусловило довольно специфическую критику данного направления. Так, в литературе отмечается, что «политическая нейтральность юридического позитивизма была прикрытием, поскольку... то, что было пред-

ставлено как общее, нейтральное или научное описание того, что такое право в любое время и в любом месте, было в лучшем случае описанием современного права в западных либеральных демократиях»⁷³. В самом деле, наиболее активные исключаящие позитивисты говорят, что «юридический позитивизм — это больше, чем просто концептуальная истина о том, что такое право... встроенная в юридический позитивизм... еще одна истина, которая приводит к политически радикальному выводу: не доверяйте власти!»⁷⁴. Современный англо-американский позитивизм, действительно подняв флаг нейтральной правовой теории, формирует морально-политическую установку на устранение спекуляций и злоупотреблений в праве, однако выносит ее формально за скобки собственно правовой теории. Перспективы такой установки заключаются в значительной путанице и потенциальной невозможности определения границ между теоретической юриспруденцией и социальной философией во взглядах правоведов.

Представляется, что с вышеназванными критическими утверждениями следует согласиться лишь частично. Направление исключаящего правового позитивизма находится в сложном положении, поскольку сталкивается с мощным исследовательским вызовом сохранения концептуальной основы позитивистской доктрины с учетом ошибок, допущенных классическими правоведами, и признанием новых реалий правовых систем современных государств с сильным конституционным законодательством и декларированием фундаментальных нравственных ценностей. Важным же достижением является то, что исключаящие позитивисты сохранили общий аналитический подход и концептуальный характер правовых исследований.

Таким образом, исключаящий правовой позитивизм поддерживает аналитическую традицию в англо-американской правовой мысли в том виде, в каком она была задана Остином. Вместе с тем это же обстоятельство обусловило критику в рамках доминирующей либерально-правовой доктрины как со стороны антипозитивистов, так и внутри позитивистского дискурса. Фактически оборонительная позиция исключаящих позитивистов несколько сужает поле

⁷³ Priel D. The Politics of Legal Theory Revisited // Netherlands Journal of Legal Philosophy. 2024. Vol. 53. No. 1. P. 9.

⁷⁴ Leiter B. The Radicalism of Legal Positivism. P. 171.

научного диалога с конкурирующими направлениями, на который изначально был нацелен еще Герберт Харт. Однако это же обстоятельство повышает ценность рассматриваемого направления для компаративистского анализа и построения междоctrинального диалога с континентальной правовой мыслью, включая отечественную теорию права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антонов М. В.* Эксклюзивный позитивизм и аргументативная теория права: к полемике между Е. В. Булыгиным и М. Атиензой // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2010. № 1. С. 226–237.
- Дидикин А. Б.* О природе обязанности соблюдения закона: аргументы эксклюзивного правового позитивизма Джозефа Раза // Право и государство. 2022. № 4. С. 19–35.
- Касаткин С. Н.* Основные идеи «Постскриптума» Герберта Л. А. Харта // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Право». 2008. № 1. С. 3–27.
- Оглезнев В. В. Г. Л. А.* Харт и формирование аналитической философии права. Томск : Изд-во Том. гос. ун-та, 2012. 216 с.
- Пищулин А. В.* Современный юридический позитивизм в англосаксонской правовой семье // Вестник Московского университета. Серия 11, Право. 2010. № 4. С. 98–107.
- Харт Г. Л. А.* Понятие права / пер. с англ. Е. В. Афонасина, М. В. Бабака, А. Б. Дидикина, С. В. Моисеева. СПб. : Изд-во СПбГУ, 2007. 304 с.
- Austin J.* Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law. 2 vols. / ed. by R. Campbell. Bristol : Thoemmes Press, 2002. 1132 p.
- Coleman J., Leiter B.* Legal Positivism // A Companion to the Philosophy of Law and Legal Theory / ed. by D. Patterson. Oxford : Blackwell, 1996. P. 228–248.
- Cotterrell R.* The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy. London : LexisNexis, 2003. 344 p.
- Dworkin R.* Law's Empire. Cambridge, Mass. : The Belknap Press, 1986. 470 p.
- Dworkin R.* Taking Rights Seriously. Cambridge, Mass. : Harvard University Press, 1978. 371 p.
- Gardner J.* How Law Claims, What Law Claims // Institutionalized Reason: The Jurisprudence of Alexy Robert / ed. by M. Klatt. New York : Oxford University Press, 2012. P. 29–44.
- Gardner J.* Law as a Leap of Faith: Essays on Law in General. Oxford : Oxford University Press, 2012. 314 p.
- Gardner J.* Legal Positivism: 5½ Myths // The American Journal of Jurisprudence. 2001. Vol. 46. No. 1. P. 199–227.
- Giudice M.* Charting the Way for Modern Legal Positivism Through the Charter : Thesis. McMaster University, 2002. 87 p.
- Hart H. L. A., Cohen J.* Theory and Definition in Jurisprudence // Proceedings of the Aristotelian Society. Supplementary Volumes. 1955. Vol. 29 : Problems in Psychotherapy and Jurisprudence. P. 213–264.
- Hart H. L. A.* Legal Positivism and the Separation of Law and Morals // Harvard Law Review. 1958. Vol. 71. No. 4. P. 593–629.
- Leiter B.* Naturalizing Jurisprudence: Essays in American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy. Oxford : Oxford University Press, 2007. 287 p.
- Leiter B.* Realism, Hard Positivism, and Conceptual Analysis // Legal Theory. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 533–547.
- Leiter B.* The Radicalism of Legal Positivism // National Lawyers' Guild Review. 2009. Vol. 66. P. 165–172.
- MacCormick N.* MacCormick on MacCormick // Law and Politics in Neil MacCormick's Theory of Law: The Post-Sovereign Constellation / ed. by A. J. Menendez, J. E. Fossum. Oslo : Arena, 2008. P. 11–19.
- Marmor A.* Deep Conventions // Philosophy and Phenomenological Research. 2007. Vol. 74. No. 3. P. 586–610.
- Marmor A.* Exclusive Legal Positivism // The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law / ed. by J. Coleman, S. Shapiro. Oxford : Oxford University Press, 2002. P. 104–124.
- Marmor A.* Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral // Oxford Journal of Legal Studies. 2006. Vol. 26. No. 4. P. 683–704.
- Marmor A.* Positive Law and Objective Values. Oxford : Clarendon Press, 2001. 200 p.
- Marmor A.* Social Conventions. From Language to Law. Princeton : Princeton University Press, 2009. 186 p.
- Postema G.* Legal Positivism: Early Foundations // The Routledge Companion to Philosophy of Law / ed. by A. Marmor. New York : Routledge, 2012. P. 31–48.

- Priel D. The Politics of Legal Theory Revisited // *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2024. Vol. 53. No. 1. P. 8–36.
- Raz J. *Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics*. New York : Oxford University Press, 2001. 380 p.
- Raz J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. New York : Oxford University Press. 1979. 292 p.
- Raz J. *The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System*. Oxford : Clarendon Press, 1980. 245 p.
- Raz J. *The Morality of Freedom*. New York : Oxford University Press, 1986. 448 p.
- Sebok A. J. *Legal Positivism in American Jurisprudence*. Cambridge : Cambridge University Press, 1998. 327 p.
- Shapiro S. Law, Morality, and the Guidance of Conduct // *Legal Theory*. 2000. Vol. 6. No. 2. P. 127–170.
- Shapiro S. *Legality*. Cambridge, Mass. : The Belknap Press, 2011. 472 p.
- Shapiro S. On Hart's Way Out // *Legal Theory*. 1998. Vol. 4. No. 4. P. 469–507.
- Shapiro S. *The Difference that Rules Make // Analyzing Law : New Essays in Legal Theory / ed. by B. Bix*. Oxford : Clarendon Press ; New York : Oxford University Press, 1998. P. 47–54.
- Tamanaha B. Z. The Contemporary Relevance of Legal Positivism // *Australian Journal of Legal Philosophy*. 2007. Vol. 32. P. 1–38. URL: <https://classic.austlii.edu.au/au/journals/AUJLegPhil/2007/10.pdf>.
- Waluchow W. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive // *Routledge Encyclopedia of Philosophy* (2001). URL: <http://www.rep.routledge.com.libaccess.lib.mcmaster.ca/article/T064>.
- Waluchow W. J. *Authority and the Practical Difference Thesis: A Defense of Inclusive Legal Positivism // Legal Theory*. 2000. Vol. 6. P. 45–81.

REFERENCES

- Antonov MV. Exclusive Positivism and Argumentative Theory of Law: Towards a polemic between E.V. Bulygin and M. Atienza. *Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Pravovedenie*. 2010;1:226-237. (In Russ.).
- Austin J. *Lectures on Jurisprudence, or The Philosophy of Positive Law*. 2 vols. Campbell R, (ed.). Bristol: Thoemmes Press; 2002.
- Coleman J, Leiter B. Legal Positivism. In: Patterson D, (ed.). *A Companion to the Philosophy of Law and Legal Theory*. Oxford: Blackwell; 1996. P. 228–248.
- Cotterrell R. *The Politics of Jurisprudence: A Critical Introduction to Legal Philosophy*. London: LexisNexis; 2003.
- Didikin AB. On the nature of the duty to comply with the law: Arguments of Joseph Raza's Exclusive Legal Positivism. *Pravo i Gosudarstvo [Law and State]*. 2022;4:19-35. (In Russ.).
- Dworkin R. *Law's Empire*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press; 1986.
- Dworkin R. *Taking Rights Seriously*. Cambridge, Mass.: Harvard University Press; 1978.
- Gardner J. How Law Claims, What Law Claims. In: Klatt M, (ed.). *Institutionalized Reason: The Jurisprudence of Alexy Robert*. New York: Oxford University press; 2012. P. 29–44.
- Gardner J. *Law as a Leap of Faith: Essays on Law in General*. Oxford: Oxford University Press; 2012.
- Gardner J. Legal Positivism: 5½ Myths. *The American Journal of Jurisprudence*. 2001;46(1):199-227.
- Giudice M. *Charting the Way for Modern Legal Positivism Through the Charter*. Thesis. McMaster University; 2002.
- Hart HLA. *The Concept of Law*. Transl. from Engl. by Afonasina EV, Babaka MV, Didikina AB, Moiseeva S.V. St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House; 2007. (In Russ.).
- Hart HLA. J. Cohen Theory and Definition in Jurisprudence. *The Aristotelian society*. 1955;29:213-264.
- Hart HLA. Legal Positivism and the Separation of Law and Morals. *Harvard Law Review*. 1958;71(4):593-629.
- Kasatkin SN. The main ideas of the «Postscript» by Herbert L.A. Hart. *Vestnik Samarskoy gumanitarnoy akademii. Seriya «Pravo»*. 2008;1:3-27. (In Russ.).
- Leiter B. *Naturalizing Jurisprudence: Essays in American Legal Realism and Naturalism in Legal Philosophy*. Oxford: Oxford University Press; 2007.
- Leiter B. Realism, Hard Positivism, and Conceptual Analysis. *Legal Theory*. 1998;4(4):533-547.
- Leiter B. The Radicalism of Legal Positivism. *National Lawyers; Guild Review*. 2009;66:165-172.
- MacCormick N. MacCormick On MacCormick. In: Fossum JE, Menendez AJ, (eds.). *The post-sovereign constellation, Law and politics in Neil MacCormick's theory of law*. Oslo: Arena; 2008. P. 11–19.
- Marmor A. Deep Conventions. *Philosophy and Phenomenological Research*. 2007;74(3):586-610.

- Marmor A. Exclusive Legal Positivism. In: Coleman J, Shapiro S, (eds.). *The Oxford Handbook of Jurisprudence and Philosophy of Law*. Oxford: Oxford University press; 2002. P. 104–124.
- Marmor A. Legal Positivism: Still Descriptive and Morally Neutral. *Oxford Journal of Legal Studies*. 2006;26(4):683-704.
- Marmor A. *Positive Law and Objective Values*. Oxford: Clarendon Press; 2001.
- Marmor A. *Social Conventions. From Language to Law*. Princeton: Princeton University Press; 2009.
- Ogleznev VV. Herbert L.A. Hart and the formation of an analytical philosophy of law. Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2012. (In Russ.).
- Pishchulin AV. Modern legal positivism in the Anglo-Saxon legal family. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Seriya 11, Pravo*. 2010;4:98-107. (In Russ.).
- Postema G. Legal Positivism: Early Foundations. In: Marmor A, (ed.). *The Routledge Companion to Philosophy of Law*. New York: Routledge; 2012. P. 31–48.
- Priel D. The Politics of Legal Theory Revisited. *Netherlands Journal of Legal Philosophy*. 2024;53(1):8-36.
- Raz J. *Ethics in the Public Domain: Essays in the Morality of Law and Politics*. New York: Oxford University Press; 2001.
- Raz J. *The Authority of Law: Essays on Law and Morality*. New York: Oxford University Press; 1979.
- Raz J. *The Concept of a Legal System: An Introduction to the Theory of Legal System*. Oxford: Clarendon Press; 1980.
- Raz J. *The Morality of Freedom*. New York: Oxford University Press; 1986.
- Sebok AJ. *Legal Positivism in American Jurisprudence*. Cambridge: Cambridge University Press; 1998.
- Shapiro S. Law, Morality, and the Guidance of Conduct. *Legal Theory*. 2000;6(2):127-170.
- Shapiro S. *Legality*. Cambridge, Mass.: The Belknap Press; 2011.
- Shapiro S. On Hart's Way Out. *Legal Theory*. 1998;4(4):469-507.
- Shapiro S. The Difference that Rules Make. *Analyzing law: New Essays in Legal Theory*. 1998;3347-54.
- Tamanaha BZ. The Contemporary Relevance of Legal Positivism. *Australian Journal of Legal Philosophy*. 2007;32:1-38. Available at: <https://classic.austlii.edu.au/au/journals/AUJLegPhil/2007/10.pdf> [Accessed 07.04.2025].
- Waluchow WJ. Authority and the Practical Difference Thesis: A Defense of Inclusive Legal Positivism. *Legal Theory*. 2000;6:45-81.
- Waluchow WJ. Legal Positivism, Inclusive versus Exclusive. *Routledge Encyclopedia of Philosophy*, 2001. Available at: <http://www.rep.routledge.com.libaccess.lib.mcmaster.ca/article/T064> [Accessed 07.04.2025].

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Горбунов Максим Дмитриевич, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории государства и права Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского
д. 23, Гагарина пр., г. Нижний Новгород 603022, Российская Федерация
maxandgor@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Maxim D. Gorbunov, Cand. Sci. (Law), Senior Lecturer, Department of Theory and History of State and Law, Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russian Federation
maxandgor@gmail.com

*Материал поступил в редакцию 9 апреля 2025 г.
Статья получена после рецензирования 19 мая 2025 г.
Принята к печати 15 мая 2026 г.*

*Received 09.04.2025.
Revised 19.05.2025.
Accepted 15.05.2026.*

ПРАВО И ЦИФРОВАЯ ЭКОНОМИКА

- ✓ Свидетельство о регистрации СМИ — ПИ № ФС77-72703 от 23 апреля 2018 г.;
- ✓ издается с 2018 г., выходит 4 раза в год;
- ✓ основные языки журнала: русский, английский;
- ✓ включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ);
- ✓ каждой статье присваивается индивидуальный международный индекс DOI;
- ✓ материалы размещаются в СПС «КонсультантПлюс» и «ГАРАНТ».

«Право и цифровая экономика» — международное научное и научно-практическое издание. Журнал посвящен рассмотрению проблем правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Круг читателей журнала: государственные служащие, практикующие юристы в сфере правового регулирования цифровой экономики, предпринимательского и конкурентного права, малого и среднего бизнеса, предприниматели, научные работники, преподаватели, аспиранты, магистранты и студенты юридических факультетов вузов, а также читатели, интересующиеся проблемами и актуальными вопросами развития правового регулирования цифровой экономики России и иностранных государств.

Основные рубрики журнала:

- ✓ Государственное регулирование цифровой экономики.
- ✓ Правовое регулирование криптовалюты и майнинга.
- ✓ Краудфандинг (проблемы и перспективы).
- ✓ Правовое регулирование больших данных.
- ✓ Технология блокчейн и криптовалют (bitcoin, Copernicus, Ethereum и т.д.).
- ✓ Интересы и противоречия, связанные с применением блокчейна в финансовой сфере.
- ✓ Финансовые технологии в действующем российском и международном правовом поле.
- ✓ Цифровые технологии в сфере интеллектуальной собственности и инноваций.
- ✓ Правовой статус смарт-контрактов.
- ✓ Защита прав и законных интересов участников цифровых рынков.
- ✓ Информационная безопасность.
- ✓ Консорциумы промышленного Интернета: правовая природа и особенности регулирования.

KUTAFIN LAW REVIEW

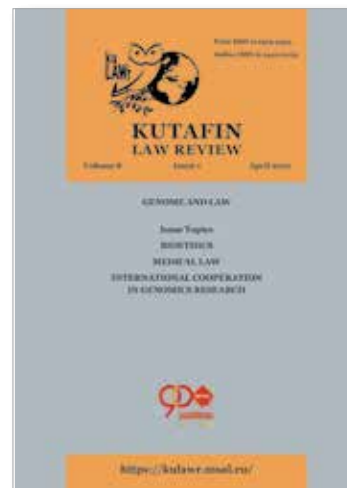
Мультиотраслевой научный юридический журнал, который издается на английском языке с сентября 2014 г. и выходит два раза в год. Журнал нацелен на интеграцию российской правовой науки в мировое юридическое сообщество, организацию диалога правоведов по актуальным проблемам теоретической и практической юриспруденции, расширение кругозора и интеллектуальных горизонтов представителей российского правоведения, повышение узнаваемости и авторитета наших ученых-юристов.

Журнал публикует статьи известных и начинающих ученых, юристов-практиков, а также студентов и аспирантов. Главный критерий отбора публикаций — это качество содержания, которое отражает талант автора, его эрудицию и профессионализм в исследуемой сфере, добросовестность и глубину проведенного анализа, использование богатого арсенала научной методологии, актуальность проблематики и новизну результатов проведенного исследования.

Данное издание создает уникальную возможность писать и публиковать научные статьи на английском языке в целях существенного расширения профессиональной читательской аудитории, повышения индекса цитирования, выхода на международный научный уровень.

В качестве авторов, членов редакционного совета и редакционной коллегии с журналом Kutafin Law Review сотрудничают выдающиеся российские и зарубежные специалисты в различных областях юриспруденции.

The best ideas are always welcomed!

Редакционная подписка на журналы Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
Журналы Университета распространяются через объединенный каталог «Пресса России» и интернет-каталог агентства «Книга-Сервис».
Подписаться на журнал можно с любого месяца. Подписные индексы журналов:
«Актуальные проблемы российского права» – 11178, Lex Russica – 11198,
«Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» – 40650, «Право и цифровая экономика» – 39492.
Будем рады видеть Вас в числе подписчиков!

ISSN 1729-5920

9 771729 592008